

Пряшівська універзіта в Пряшові
Центер языків і култур народностных меншын
Інштітут русиньского языка і културы

Studium Carpatho-Ruthenorum 2025

Штудії з карпаторусиністікы 17.

VYDAVATELSTVO
PREŠOVskej
UNIVERZITY

Пряшів 2025

© Пряшівська універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народностных меншын,
Інштiтут русиньского языка і культуры

Studium Carpatho-Ruthenorum 2025

Штудії з карпаторусиністики 17.

Зоставителька і відповідна редакторка: ПгДр. Кветослава Копорова, ПгД., унів. доц.

Редакчна рада: доц. ПгДр. Анна Плішкова ПгД., унів. проф. (председкыня)

проф. Др. Павел Роберт Магочій

проф. Др. Елейн Русинко

проф. Др. Кірілл Шевченко, др. н.

Рецензенты: проф. ПгДр. ПгДр. Йосиф Сіпко ПгД.

проф. Др. Михаил Капраль, к. н.

Научна редакторка: проф. ПгДр. Юлія Дудаšова-Крішшакова, др. н.

Выдаватель: Пряшівська універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народностных
меншын, Інштiтут русиньского языка і культуры

Перше видання, 2025

Друкарня: ???

Тоту публікацію ані єї части не мож репродуковати без поволіня властника
авторських прав.

Studium Carpatho-Ruthenorum 2025

Štúdie z karpatorusinistiky 17.

Zostavovateľka a zodpovedná redaktorka: PhDr. Kvetoslava Koporová, PhD., univ. doc.

Redakčná rada: doc. PhDr. Anna Plišková, PhD., univ. prof. (predsedníčka)

prof. Dr. Paul Robert Magocsi

prof. Dr. Elaine Rusinko

prof. Dr. Kirill Ševčenko, DrSc.

Recenzenti: prof. PhDr. Jozef Šipko, PhD.

prof. Dr. Mihály Káprály, CSc.

Vedecká redaktorka: prof. PhDr. Júlia Dudášová-Kriššáková, DrSc.

Vydavateľ: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných
menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

Prvé vydanie, 2025

Tlač: ???

Túto publikáciu ані jej části nie je možné reprodukovать bez súhlasu vlastníka autorských
práv. Za jazykovú stránku príspevkov sú zodpovední autori.

© Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín,
Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

ISBN 978-80-555-3606-4

OBSAH

Вступне слово едіторкы5

ПОЗВАНЫ РЕФЕРАТЫ

Irena BOGOCZOVÁ: K SITUACI POLSKÉ MENŠINY NA TĚŠÍNSKU

V ČESKÉ REPUBLICE (minulost a současnost)8

Júlia DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ: SPISOVNÝ RUSÍNSKY JAZYK A JEHO VARIANTY

V KONTEXTE SLOVANSKEJ MIKROFILOLÓGIE 17

ДОДАТКОВЫ ШТУДІЇ

David FRANTA: RUTHENISTICKÉ A UKRAJINISTICKÉ STOPY

V LINGVISTICKÉM DÍLE OTAKARA VOČADLA 32

Anastasija Iljinična FRANTA: INSTRUMENTÁL 1. DEKLINACE SUBSTANTIV

V RUSÍNSKÉM JAZYCE NA MATERIÁLU NEJSTARŠÍCH RUSÍNSKÝCH PAMÁTEK 44

Ivana SLIVKOVÁ: K DESAŤROČIU LITERÁRNEJ TVORBY ĽUDMILY ŠANDALOVEJ52

Володимир ФЕНИЧ: ГІАДОР СТРИПСЬКИЙ (1875–1946): ІНТЕЛЕКТУАЛЬНА

БІОГРАФІЯ ВИЗНАЧНОГО ЕТНОГРАФА, ЛІНГВІСТА, БІБЛІОГРАФА, ІСТОРИКА

ЛІТЕРАТУРИ ТА ПЕРЕКЛАДАЧА КАРПАТОРУСИНСЬКОГО ПОХОДЖЕННЯ (1) 60

Peter ŽEŇUCH: KULTÚRNE A JAZYKOVÉ-HISTORICKÉ SÚVISLOSTI VZNIKU

KERESTÚRSKEHO RUKOPISU Z ROKOV 1893 – 1901 77

Михал ПАВЛІЧ: РОДИННИЙ СВІТ І ЕТІЧНІ ГОДНОТЫ В КНИЖЦІ ЛЮДМИЛЫ

ШАНДАЛОВОЙ: МАМЕ ДОМА ПСИКА 97

Зинаида БУДИНСКИ: ПОГЛАВЯ ЗОЗ РУСИНСКОЙ ДИЯЛЕКТОЛОГІЇ..... 105

Вступне слово едіторкы

Зборник, котрый тримлете в руках, завершує 17-рочну традицію і за тот час сі здобыв многих сімпатизантів нелем з рядів професіональных научных працівників. Од своїх зачатків є ёго амбіціїєв приносити каждорочно новых авторів і новы темы з области карпаторусиністікы, як релативно новой, но етаблованой научной дісціпліны, што документують ай штудії тогорочных авторів, публікуючіх у зборнику.

В році 2025 были зорганізованы два семінары, а так як то было в посідніх двох роках, обидва были передаваны ай в онлайн форматі. На першый семінар, котрый ся одбыв 25. марца 2025 сьме позвали доц. ПгДр. Ірену Богочову, к. н. з Остравской універзіты, Філозофічної факуты – Катедры славістікы. Є то нова авторка, котра в зборику іщі не публіковала, а хочь не приносить штудію з карпаторусиністічных тематіков, ей баданя на польско-чеськім пограничу (польской народностной меншыны в Чехах і аплікація ей народностных прав) суть інспіративны ай про міноріту Русинів, котры компактно заселяють гранічну теріторію трёх держав – Польщі, України і Словакії. В штудії *К сітуації польской меншыны на Тешінську в Чеській републіці (Минулость і сучасность)* – приближує історічны удалости, котры овпливили розвой соціальной і языковой сітуації даного регіону в рамках Чеськой републікы, хочь дана етнографічна теріторія продовжує аж за граніцу – до Польщі, од котрой ей одділює ріка Олза, што переходить через місто Тешін (Těšín в ЧР/Cieszyn в Польщі). Каждоденны двойязычны практикы в даній области, як ай едукація, організації і сполоченьскый живот в рамках народностной меншыны формують характер польской меншыны в Чеській републіці.

Другый, (подля порядку 62. семінар карпаторусиністікы), котый ся одбыв 21. мая 2025 ся нїс у святочній атмосфері. Проф. Юлія Дудашова-Крішшакова, др. н. з Пряшівской універзіты, Центра языків і култур народностных меншын – Інштїтуту русиньского языка і културы ославила свій визначный юбілей – 80 років од дня народжіня, причім карпаторусиністічним баданям (попри своїх діалектологічных баданях на словацько-польскім пограничу) ся тот визначна славістка інтензівніше венує од свого наступу на Інштїтут русиньского языка і културы (понад 15 років своєї професіональной карьеры). Русиньскому языку, як языку міноріты в шыршій славянській контексті є венована ай ей терма: *Русиньскый язык і ёго варіанты в контексті славянської мікрофілології*. В ній конштатує факт, же карпатський русиньскый язык (з ёго варіантами в єднотливых штатах, де жыють Русины) є самостатным выходославянським языком, причім підкреслює ай факт, же на розділ языка карпатських Русинів по обидвох боках Карпат, языковов базов войводињского (паноньского) русиньского языка є западославянська языкова база (не выходославянська – українська, як то твердили поедны лінгвісты в мнулости).

В зборнику продовжуєме сполупрацу із научными працівниками із Западочеськой універзіты в Пылзню, котру сьме надвязали в минулім році. ПгДр. Мгр. Давід Франта, ПгД. з высшеуведженой універзіты, з Філозогічної факуты – Катедры чеського языка і літературы, представляює тему *Рутеністічны і україністічны елементы в лінгвістічных штудіях Отакара Вочадла*, в котрій представляює інтересны погляды того визначного лінгвісту своєї doby на розвой єднотливых славянських языків, де споминать ай карпаторуськый язык, о котрім конштатує, же ай тот бы міг быти самостатным, так як ай малоруськый (український), хочь говорена подоба тых языків у їх носителів є мало розвинута, а літературна традиція слаба. Бадателька Мгр. Анастасія Франта, ПгД. з ФФ – Катедры філологічных шудій Западо-чеськой універзіты в Пылзню продовжує у баданю історічных текстів із публікації знамого

соціолінгвісти А. Дуліченка: Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.) і представляє тему *Інструментал 1. деклінації субстантивів в русиньскім языку на матеріалі найстаріших русиньських пам'яток*.

Доц. Мгр. Івана Сливкова, ПгД. з Пряшівської університету, ФФ – Інституту середньоевропейських студій приносить тему, зв'язану з десятим юбілеєм літературних активіт знамой сучасної русиньської авторки. Тема з назвов *К десятирочу літературної творчості Людмили Шандаловой* є баланцій творчості авторки і єї потенціалом до будучности.

Перша часть обсяглої штудії історіка доц. ПгДр. Володимира Фенича, к. н. з Ужгородської народної університету, Факульту історії і меджінародних односин – Катедры модерної історії України і заграничних країн під назвов *Гіадор Стрипський (1875 – 1946): інтелектуална біографія визначного етнографа, лінгвісту, бібліографа, історіка літератури і перекладачеля* представляє визначну особність карпаторусиньського походжіня, котра є мало знама сучасникам. Другу часть будеме публікувати в наступнім числі зборника.

Другим новим автором, котрый публікує в зборнику по першыраз є проф. ПгДр. Петер Женюх, др. н. із Університету Коменского у Братіславі, ПФ – Інституту філологічних студій і єго штудія з назвов *Културны і языково-історичны околности взнику Керестурьского рукопису з років 1893 – 1901* є заміряна на аналізу церковнославянського языка на території Войводини в Сербії, де жыють Русины, грекокатолици, што припутували на тоты землі з областей Земпліна і Шаріша в половині 18. стороча і ту петріфіковали свій народный язык (земплінський діалект з околиці Требішова).

Десять років на русиньській літературній сцені новодобой русиньської авторки Людмили Шандаловой інспіровало к аналітичній штудії єї зборника повідань про діти молодшого школьського віку ай далшого автора. Тему *Родинный світ, гумор і епічны годноты в книжці Людмили Шандаловой: Маме дома псица* приніс до тогорочного зборника ПгДр. Михал Павліч, ПгД. з Пряшівської університету, Центра языків і култур народностных меншын – Інституту русиньського языка і културы. В штудії підкреслює главный замір авторки, попри пестованню любви к материньскому языку, природі і звірятам – виховлєваня дітины к одповідности через практичны скушености і переживаня, а не менторованєм, приказами ці поучованєм.

В зборнику даєме простор ай докторандам, котры рішыли заміряти свою професіоналну кар'єру на карпаторусиністіку. Таков є ай Мгр. Зінаїда Будінскі, интерна докторандка Центра языків і култур народностных меншын – Інституту русиньського языка і културы, котра ся венує языку войводиньських Русинів. Єї тема *Капітолы з русиньської діалектології* представляє войводиньський русиньський язык (кодифікований на базі єдного діалекту), єго хоснованя у Сербії і розділности од карпатського русиньського языка на Словакії (кодифікованого на базі виходных русиньських діалектів) і подобности із западнов групов русиньських діалектів на Словакії на уровни порівняня графічної сістемы і фонетично-фонологічної ровины. Хоць язык войводиньських Русинів має западославянську базу, авторка вказує на дакотры виходославянські елементи в їх языку.

Тогорочный зборник *Studium Carpatho-Ruthenorum 2025/Штудії з карпаторусиністікы 17* приносить окрем двох новых авторів іщі єдну новоту. 20. 10. 2025 був підписаний контракт із сполочностєв Central and Eastern European Online Library GmbH із центром у Франкфурті над Моганом в Німецьку, котрый уможнить приступ к обсягу нашого зборника по цілім світі посередництвом інтернетовой адресы: <https://www.cceol.com/search/journal-detail?id=4450>

ПгДр. Кветослава Копорова, ПгД., унів. доц.

ПОЗВАНЫ РЕФЕРАТЫ

K SITUACI POLSKÉ MENŠINY NA TĚŠÍNSKU V ČESKÉ REPUBLICE (minulost a současnost)

Irena BOGOCZOVÁ

Abstract:

Těšín Silesia was historically a coherent region of about 2,300 km². Due to its location at the boundary between Polish and Czech ethnic groups, its history has been distinct at least since the late 13th century, when the administrative and legal unit of the Duchy of Těšín was established. In the following centuries, the region was colonized by German-speaking inhabitants and became a focus of interest for the members of the Houses of Luxembourg and Habsburg. Until 1918, it was part of Austrian Silesia, but during the 20th century, its state affiliation changed five more times. This article addresses not only these historical events that influenced the development of the region in question but focuses particularly on the current social and linguistic situation in the part of Těšín Silesia that has been continuously (with the exception of World War II) part of the former Czechoslovakia, and since 1993, the Czech Republic. The author outlines everyday bilingual practices in the area, as well as the factors that shape the specific nature of the Polish minority in the Czech Republic: minority education and organizations, a bilingual Catholic Church, and the social life of the Polish minority in general. Finally, the article presents a profile of a typical member of the Polish minority.

Keywords: Těšín Silesia, Polish minority, bilingualism

1. Historické uvedení do tématu

Město Těšín (polsky: Cieszyn), kulturní a politické středisko popisovaného regionu, je jedním z nejstarších polských měst.¹ Již na konci 9. stol. se zde nad řekou Olzou (česky: Olše) tyčil hrad, který se od r. 1290, tj. od vydělení z Opolského knížectví samostatné správní jednotky – Těšínského knížectví, stal sídlem těšínských knížat spřízněných s polskými Piastovci. Díky sňatkové politice tito záhy vstoupili do příbuzenských vztahů i s českými Přemyslovci.² Jak zdůrazňuje polský historik Michael Morys-Twarowski, Těšínské knížectví, ač piastovské, se od dob lucemburských³ nacházelo v hranicích široce pojatých zemí Koruny české a bylo politicky orientováno hlavně na Prahu. Zároveň bylo svou zeměpisnou polohou součástí Polska a polského jazykového areálu (Morys-Twarowski, 2023, 55).

1 Těšínská románská rotunda z přelomu 11. a 12. stol. je zobrazena na dvacetizlotové bankovce.

2 Dcera Měška (Mieszka) I. Těšínského, prvního knížete z těšínské linie Piastovců, Viola Těšínská, byla provdána za Václava III., syna Václava II., který se v r. 1300 stal také polským králem. Následně si jako mladíká vdova vzala jiného českého šlechtice – Petra I. z Rožmberka.

3 Syn Měška I. Těšínského, Kazimír (Kazimierz), složil v r. 1327 Janu Lucemburskému lenní hold, což bylo ve středověku běžnou formou feudálního spojení.

Foto 1: Piastovská věž

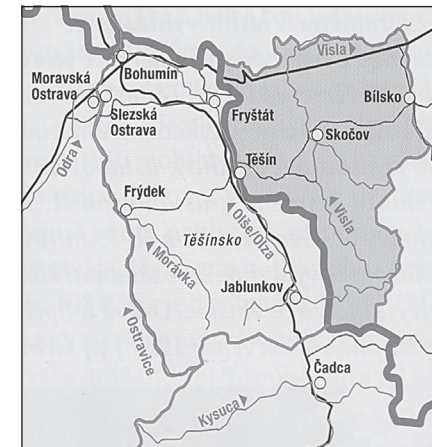

Foto 2: Mapa Těšínska

Postupně byl těšínský středověký hrad přestavěn na gotický zámek, který byl posléze ke konci třicetileté války (1647) zničen. Zachovala se pouze zámeková rotunda a typická piastovská věž (foto 1). Územně jednotné Těšínské knížectví (2 282 km²) bylo 28. července 1920 na základě rozhodnutí vítězných mocností rozděleno mezi dva nástupnické státy – Československo a Polsko.⁴ Rozdělení se týkalo i samotného města Těšína/Cieszyna a na českém břehu hraniční řeky tak vzniklo město nové – Český Těšín.

Co se týče bohaté minulosti Těšínska, musíme čtenáře, s ohledem na rozsah tohoto článku, odkázat na četné historické práce jiných badatelů, jako např. Józefa Chlebowczyka, Mečislava Boráka, Dana Gawreckého, Idziho Panice, Józefa Szymeczka nebo již zmíněného Moryse-Twarowského.⁵ Na tomto místě se omezíme na pouhé konstatování faktů: jen během 20. stol. popisované území změnilo svou státní příslušnost šestkrát. Do roku 1918 bylo součástí Rakouska-Uherska, v období meziválečném – částečně Československa a částečně Polska, v období od října 1938 do září 1939 patřilo polskému státu, v letech 1939–1945 – nacistickému Německu, následně bylo opět včleněno do Československa a Polska a po rozdělení Československé republiky v r. 1993 na Česko a Slovensko se jeho jižnější (tzn. dosud československá) část ocitla v hranicích Česka. Území navíc od východu hraničí se Slovenskou republikou.⁶

Jak napovídá samotný název příspěvku, smyslem předkládaného textu je výstižné představení a zhodnocení národnostní a jazykové situace v nevelké

4 Československu, jež argumentovalo ekonomickými zájmy, připadlo 56 % území, Polsku, které poukázalo na převažující polskou etnicitu regionu, zbylých 44 %.

5 Zaslouhou pracoviště Ostravské univerzity – Ústavu pro výzkum polského etnika v ČR – vyšla před časem souhrnná kolektivní monografie věnovaná Polákům na českém Těšínsku (viz Kaďubiec, 1997).

6 V katastru obcí Hřava, Čierne a Jaworzynka se nachází tzv. česko-slovensko-polské trojmezí (Trojmezí), místo, kde se stýkají území tří států.

okrajové oblasti České republiky, kde vedle většinového českého obyvatelstva žije nadále polská menšina.

2. Demografická situace před rozdělením Těšínska a po něm

Po rozdělení jednotného Těšínska došlo v jeho české části k významné změně jazykové a národní orientace místní populace. Poslední rakousko-uherské sčítání lidu z r. 1910, které nezohledňovalo národnost, ale tzv. obcovací řeč (německy: Umgangssprache), přineslo následující výsledky: podle Zbyška Ondřeje (2015) se na – později – českém Těšínsku z celkového počtu 286 704 obyvatel hlásilo k polskému jazyku 139 016 (48 %), k českému 113 319 (39,5 %) a německému 34 249 (12 %) osob. O 11 let později, během prvního československého sčítání, bylo na stejném území zjištěno celkem 273 447 obyvatel (v publikaci polské socioložky Haliny Rusek z r. 2002 najdeme údaj 295,2 tis.; Rusek, 2002), z čehož 177 626 (65 %) uvedlo českou národnost, 69 360 (25,4 %) polskou a 23 005 (8,4 %) německou (Gawrecki, 2017). Jiný těšínský historik, Stanisław Zahradnik, omezil svou pozornost pouze na zhruba 800 km² tehdejšího československého Těšínska⁷ a konstatoval, že z celkového počtu 177 176 sčítaných se k české národnosti v r. 1921 přihlásilo 88 556 (50 %), k polské 68 034 (38 %) a k německé 18 260 (10 %) obyvatel (Zahradnik, 1991). Od té doby dochází průběžně ke značnému úbytku těch, kteří se na českém území Těšínska (v současnosti jde o okresy Karviná a Frýdek-Místek) hlásí k polské národnosti. Ve sčítání lidu v r. 2021 uvedlo ve zmíněných okresech polskou národnost celkem 23 451 osob, z toho výhradně polskou 17 476.⁸ Tato čísla jsou projevem zčásti přirozené, zčásti politicky (společensky, ekonomicky) podmíněné asimilace a nevyžadují další komentář.

3. Jazyková situace

K oficiálním (úředním, bohoslužebným, vyučovacím) jazykům používaným na Těšínsku patřila v minulosti kromě kosmopolitní latiny němčina, čeština a polština. Nástup němčiny ve 14. stol. byl výsledkem předchozí první vlny germánské kolonizace regionu. Čeština byla upřednostňovaná od 30. let 15. stol. a v polovině téhož století dokonce vytlačila němčinu. Nutno zdůraznit, že v té době měl český (psaný) jazyk daleko propracovanější normu než polština a díky své kultivované podobě byl populární v polských šlechtických kruzích i mimo pohraniční oblasti.

Druhá vlna germanizace nastala po r. 1653, tedy po smrti těšínské kněžny Alžběty Lukrécie a vzniku tzv. Těšínské komory (Teschener Kammer), která se ocitla zcela v rukou habsburských. Posledním obdobím dominance němčiny

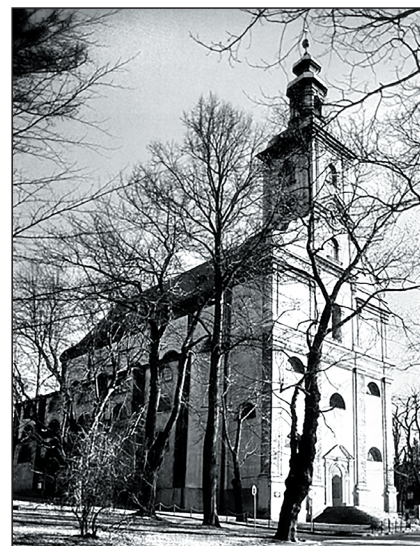

Foto 3: Evangelický kostel v Cieszyně

byla německá okupace v letech 1939–1945.

Polština získala na síle v době reformace Těšínska v 16. stol., kdy se sem dovážela polskojazyčná náboženská literatura z Vilnius, Gdaňska, Toruně a jiných měst. Reformaci vystřídala rekatolizace, která polevila až kolem roku 1707, kdy císař Josef I. po prohrané válce se švédským králem Karlem XII povolil evangelíkům v rakouském Slezsku výstavbu 6 kostelů, z nichž největší stojí dodnes právě v (polském) Těšíně (foto 3). Ve stejné době vznikla i evangelická škola a objevují se první polsky psané knihy autorství místních evangelických duchovních. Podruhé se polské jazykové a národní cítění probudilo v revolučních letech

1848–1849, neboť zdejší Poláci byli v protihabsburském hnutí mnohem aktivnější a radikálnější než místní Češi.⁹ Vysoká gramotnost a národní uvědomělost polské části obyvatelstva přispívaly k velkému zájmu o četbu polských knih, o jejich dovoz ze vzdálenějších polských měst, jejich umístování v soukromých sbírkách i v knihovnickém fondu četných „čítáren“. Souběžně začíná klíčit originální literární tvorba – více či méně profesionální regionální písemnictví je jednou z největších hodnot místní polské menšiny.

Bez ohledu na oficiálně používaný (předepisovaný) jazyk běžná ústní komunikace probíhala na Těšínsku v tradičním těšínském nářečí, které se jistě i dříve mísilo s výrazivem polské, české a německé (na východě také slovenské a valašské) provenience.

Tradiční těšínské nářečí se po rozdělení Těšínska na českou (československou) a polskou část přirozeně dostalo do silného vlivu celonárodních útvarů češtiny a polštiny. Spolu s rychlými společenskými změnami, vývojem průmyslu, změnou reálií a v souladu s jazykovou politikou obou států nářečí začalo zaostávat za komunikačními potřebami jeho nositelů. Vznikl tak smíšený jazykový kód, jakási mluva „po našymu“. Toto populární¹⁰ „neonářečí“, jež nemá žádnou ustálenou normu, zaznívá zejména v české části Těšínska, a to z úst nejen členů polské menšiny, ale také české většiny.

⁷ Jde o pruh poblíž hranic s Polskem s největší koncentrací polské menšiny. Právě toto území bylo v r. 1938 připojeno na 11 měsíců k Polsku.

⁸ Ve sčítacích arších bylo možné označit více národností najednou, např. polskou a českou nebo polskou a slezskou apod.

⁹ Od r. 1848 byl vydáván polskojazyčný *Tygodnik Cieszyński* přejmenovaný v r. 1851 na týdeník *Gwiazdka Cieszyńska*. Poslední číslo periodika vyšlo 30. 8. 1939.

¹⁰ „Po našymu“ najdeme v komunikaci na sociálních sítích, v literárních a paraliterárních textech, v písničkách místních kapel apod. (více na toto téma: Bogoczová – Bortliczek, 2024).

Nutno dodat, že v nových geopolitických souvislostech bylo v zájmu většinové společnosti zdůvodnit příslušnost českého Těšínska k Československé republice, a to i v rovině jazykové. O přináležitost místního dialektu k českému, nebo polskému národnímu jazyku se ve své době vedly ostré polemiky. Zatímco významný český dialektolog meziválečného období, Bohuslav Havránek, ve své obsáhlé studii o českých nářečích těšínskou oblast do českého národního jazyka vůbec nezařadil (Havránek, 1934), pozdější české jazykovědné práce usilovaly o zcela jinou interpretaci – vědomě exponovaly v západotěšínském subdialektu české systémové prvky. Zmíněného sporu dialektologů o jazykovou orientaci českého Těšínska se za českou stranu účastnil hlavně Adolf Kellner, který místní nářečí označil jako „východolašské“ (Kellner, 1946, 1949), ale také Jaromír Bělič, jenž v české dialektologii zavedl pojem „polsko-český smíšený pruh“ (Bělič, 1972). Propolské stanovisko v této věci zastával – kromě řady místních Poláků – Karol Dejna. Jako dobrý kompromis se jeví řešení v podobě označení „nářečí slezskopolská“, prosazovaný zejména Janem Balharem (např. Balhar 2002, 399) či Rudolfem Šrámkem.

4. Česko-polská dvojjazyčnost v teorii a praxi

Poprvé se polština na československém Těšínsku stala menšinovým jazykem po roce 1918, popř. 1920, podruhé – po r. 1945. Polská menšina má na základě platných vnitrostátních řídicích norem a mezinárodní legislativy¹¹ zaručena práva na: používání křestních jmen a příjmení ve vlastním jazyce; výuku v mateřském jazyce; užívání mateřského jazyka v úředním styku a v církvi; vlastní kulturní, společenské a politické organizace; účast v rozhodování ve věcech menšiny; dvojjazyčné značení na veřejném prostranství v městech a obcích s min. 10% podílem menšinového obyvatelstva.¹² Zmíněná dvojjazyčnost se projevuje v podobě dopravního značení, tzn. názvů obcí (tabule na jejich začátku a konci) a názvů železničních stanic a zastávek; dále v podobě orientačního značení, tzn. názvů ulic, budov (veřejných institucí, obchodů) a v podobě nádražních hlášení a dopravních hlášení v regionálních vlacích. Ne všechny výše uvedené nároky a výsady jsou členy polské menšiny v praxi plně využívány. Ne všude např. vznikají obecní výbory pro menšinové obyvatelstvo, zdaleka ne všichni občané, kteří deklarují polskou národnost, jsou schopni napsat úřední text v polském jazyce či plynne komunikovat s místními českými úřady ve spisovné polštině, ne každá církevní správní jednotka je schopna zajistit polskojazyčného (dvojjazyčného) duchovního; dopravní cedule se stávají terčem vandalské činnosti, polské nápisy v obytné

krajině se odlišují od českých jen nepatrně, anebo jsou do polštiny přeloženy neobratně apod.

5. Menšinové školství

Mezi faktory ovlivňující samotnou existenci polské menšiny na Těšínsku v České republice patří bezesporu polské menšinové školství, které má dlouhou a bohatou tradici.¹³ Jeho vliv je zásadní, což tkví ve schopnosti reálně polarizovat zdejší obyvatele na ty, kteří se po zbytek života budou s největší pravděpodobností orientovat na polskou kulturu (při souběžném zachování mateřské regionální subkultury a velkém zájmu o kulturu českou), a na ty, kteří se zaměří na českou národní tradici. V důsledku jistých individuálních životních zkušeností se absolvent polské školy může od své propolské orientace odklonit, stěží se však žák školy české zaměří na hodnoty vyznávané polskou menšinou. V této souvislosti nutno poznamenat, že na popisovaném území fungují také polské mateřské školy nebo polská oddělení ve školách českých, a jedno gymnázium s polským vyučovacím jazykem (v Českém Těšíně). Od 90. let 20. stol. na toto menšinové školství dohlíží především Centrum Pedagogiczne dla Polskiego Szkolnictwa Narodowościowego w Republice Czeskiej, které sídlí v Českém Těšíně a které zajišťuje nejen distribuci učebnic, ale má na starosti odborný rozvoj pedagogických pracovníků působících v menšinových školách. Vlastní úlohu Centrum spatřuje ve všestranné podpoře vzdělávacího procesu polských školních a předškolních zařízení na území českého Těšínska a v mezinárodní spolupráci zejména v rámci Euroregionu Těšínské Slezsko – Śląsk Cieszyński.

Výuka v menšinových školách probíhá v polštině, od 2. třídy až do případné maturity se děti a mládež věnují souběžně českému jazyku a literatuře podle běžných výukových programů platných v ČR. Na střední škole musí žáci v odborných předmětech zvládnout i českojazyčnou terminologii, aby se tak mohli přihlásit ke studiu na českých vysokých školách a uplatnit v budoucích profesích stejně dobře jako jejich většinoví spolupracovníci. Učebnice používané v polských školách jsou překladem předepsaných učebnic českých, výjimku tvoří učebnice pro předmět polský jazyk a literatura, školní pomůcky pro prvovýuku (polský slabikář, písanka) či učební materiál pro první pololetí výuky českému jazyku. Centrum vydává také dva polskojazyčné časopisy pro školní mládež. Podle aktuálních statistických údajů zveřejňovaných na webových stránkách instituce existovalo na českém Těšínsku ve školním roce 2024/2025¹⁴ 24 zá-

11 Patříkni zejména: Listina základních práv a svobod, Zákon o právech příslušníků národnostních menšin, Zákon o obcích a Evropská charta regionálních či menšinových jazyků.

12 V době přípravy tohoto článku (duben 2025) bylo na českém Těšínsku takových obcí 30. Podíl větší než 30 % Poláků na celkovém počtu obyvatel měla obec Hrádek (ve Slezsku), více než 20 % Poláků žilo v sedmi obcích českého Těšínska a více než 15 % – v pěti obcích.

13 Toto tvrzení dokládá celá řada příslušných publikací (např. Macura, 1998). Pro podrobnější představení tématu však zde není dostatek místa. Proto se omezíme na zjištění, že místní polská školská matice (Macierz Szkolna dla Księstwa Cieszyńskiego) byla založena již v r. 1885 (ve stejném roce vzniklo v Těšíně první polskojazyčné gymnázium), tedy ještě v dobách rakouských, zatímco obdobná česká instituce (Matice osvěty lidové pro Těšínsko) byla ustanovena teprve ve 20. letech 20. stol. (Labischová, 2011).

14 Viz: <https://www.pctesin.cz/files/download/855-statystyka-sp-i-ss-2024-25.pdf> [21.04.2025].

kladních škol s polským vyučovacím jazykem, z toho 10 s třídami od 1. do 9. a 14 s třídami od 1. do 5. Celkem se v nich vzdělávalo 2086 žáků, jediné polské gymnázium¹⁵ navštěvovalo ve stejné době 318 středoškolských studentů.

6. Menšinové instituce, organizace a spolky

V dobách totalitních byl jedinou organizací sdružující polskou menšinu v českém těšínském Slezsku Polský kulturně-osvětový svaz (Polski Związek Kulturalno-Oświatowy, PZKO), vzniklý na základě bilaterální česko-polské úmluvy z r. 1947. Ten měl své pobočky na celém území obývaném polskou menšinou a dodnes vyvíjí svoji činnost. V únoru 1990 byla založena Rada Polaków, přejmenovaná na Kongres Polaków w Republice Czeskiej.¹⁶ Zaměstnanci Kongresu reprezentují polskou menšinu dovnitř i navenek a instituce je finančně podporována z veřejných prostředků (mj. vlády ČR), z národních a mezinárodních projektů a soukromých zdrojů. V Českém Těšíně působí od r. 1951 profesionální polská divadelní scéna (Scena Polska Těšínského divadla) a polské (v současné době dvoujazyčné) loutkové divadlo Bajka.

Kromě těchto hlavních koordinátorů bohatého společenského života členů polské menšiny je nutno připomenout četné více či méně individuální iniciativy. Na českém Těšínsku působí mnoho folklorních souborů, kapel, pěveckých sborů či ochotnických divadelních skupin, jejichž činnost zajišťují místní Poláci. Nelze opomenout ani bohatou regionální literaturu v místním (polském) nářečí či spisovné polštině. Již tradičně zde vychází polskojazyčné noviny (Głos, dříve: Głos Ludu), kulturní měsíčník Zwrot, v Ostravě působí polská rozhlasová redakce a v rámci České televize Ostrava – polskojazyční zpravodajové. Obdobné pořady určené pro místní menšinu přinášejí moderní media.

7. Závěrečná konstatování

Závěrem tohoto stručného přehledu zbývá připomenout některé podstatné skutečnosti. Patří k nim nepochybně příhraniční (pomezí) poloha popisovaného regionu a jeho složitá minulost, zejména pak politické a společenské poměry nastalé v průběhu 20. stol., jež z větší a společensky angažovanější části místního obyvatelstva učinily národnostní a jazykovou menšinu. Toto polské menšinové společenství se však s nově vzniklou situací nesmířilo a další desetiletí usilovalo o zachování své etnické svébytnosti. Vyžadovalo to (a stále vyžaduje) velké úsilí zejména v oblasti vzdělávání a organizace společenského života.

Typickým rysem člena polské menšiny na českém Těšínsku je jeho místní původ, absolvování menšinové (minimálně základní) školy, příslušná jazyková

15 Oficiální název školy: Polské gymnázium – Polskie Gimnazjum im. Juliusza Słowackiego. Dříve na Těšínsku v ČR fungovala dvě polská gymnázia. První, v kterém se začalo vyučovat již v r. 1909, se nacházelo ve městě Orlová, zaniklo po 100 letech působnosti, tedy v r. 2009. Jeho úlohu převzala původně pouhá pobočka zmíněného gymnázia v Českém Těšíně, která se postupně stala navštěvovanější než orlovská „alma mater“ a která je dnes jedinou střední školou tohoto druhu v České republice.

16 Viz: https://cs.wikipedia.org/wiki/Kongres_Poláků_v_České_republice [21.04.2025].

kompetence (znalost polštiny, češtiny a místního (neo)dialektu), angažovanost ve prospěch vlastního společenství, soudržnost s regionem, udržování tradic a rozvíjení vlastní subkultury. Relace s ostatními členy polského národa žijícími v rámci polského státu jsou v tomto případě vlažnější a spíše příležitostné. Vztah k české většině je otázkou individuálních životních zkušeností a preferencí.

Vzájemná česko-polská a polsko-česká nevraživost se v běžném životě neprojevuje, ve vypjatých situacích však dochází i k ostré výměně názorů. K citlivým tématům patří např. období po rozdělení Těšínska a různé formy nátlaku ze strany české většiny na polskou menšinu v prvních letech existence československého státu; období mezi říjnem 1938 a zářím 1939, během nějž si Češi a Poláci své společenské role na čas vyměnili; vstup (polských) vojsk Varšavské smlouvy na československé území v srpnu 1968.

Dodnes polská menšina na českém Těšínsku trvá na možnosti exponovat svoji přítomnost v regionu v podobě dvojazyčných nápisů, hájí si své právo na vzdělání v polštině a využívá jiné formy manifestace své jazykové, kulturní a etnické odlišnosti.

LITERATURA

- BALHAR, J. (2002). Skupina nářeční slezská. In: *Encyklopedický slovník češtiny*. (eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová), Praha: Nakladatelství Lidové noviny, ISBN 80-7106-484-X, s. 396 – 399.
- BĚLIČ, J. (1972). *Nástin české dialektologie*. Praha: SPN, bez ISBN, 463 s.
- BOGOCZOVÁ, I. (2018). *Polsczyzna za Olzq*. Ostrava: Ostravská univerzita, ISBN 978-80-7464-990-5, 150 s.
- BOGOCZOVÁ, I. – BORTLICZEK, M. (2024). *Gwara za Olzq*. Katowice: Uniwersytet Śląski, ISBN 978-83-226-4468-3, 183 s.
- GAWRECKI, D. (2017). *Jazyk a národnost ve sčítáních lidu na Těšínsku v letech 1880–1930*, Český Těšín: Muzeum Těšínska, ISBN 978-80-86696-44-7, 286 s.
- HAVRÁNEK, B. (1934). Nářečí česká. In: *Československá vlastivěda*, díl 3 (Jazyk). Praha: Sfinx, bez ISBN, s. 84 – 218.
- KADŁUBIEC, K. D. a kol. (1997). *Polská národní menšina na Těšínsku v České republice*. Ostrava: Ostravská univerzita, ISBN 80-7042-479-6, 315 s.
- KELLNER, A. (1946, 1949). *Východolašská nářečí I, II*, Brno: Matice moravská, bez ISBN, 255 s. a 336 s.
- MACURA, J. (1998). *Z dziejów szkolnictwa polskiego na Zaolziu*. Czeski Cieszyń: Towarzystwo Nauczycieli Polskich, ISBN 80-238-1930-5, 448 s.
- MORYS-TWAROWSKI, M. (2023). *Dzieje Księstwa Cieszyńskiego*. Ustroń: Dobra Prowincja, ISBN 978-83-963587-4-5, 448 s.
- LABISCHOVÁ, D. (2011). České školství na Těšínsku ve 20. letech 20. století. In: *Civilia: revue pro oborovou didaktiku společenských věd*, roč. 2, č. 2, ISSN 1805-3963, s. 68 – 86.

ONDŘEKA, Z. (2015) Jazyk příhraničního mikrosvěta. Několik poznámek k nové publikaci. In: *Těšínsko*, č. 1, ISSN 0139-7605, s. 109 – 120.

RUSEK, H. (2002). *Religia i polskość na Zaolziu*. Kraków: NOMOS, ISBN 83-88508-27-X, 260 s.

ZAHRAĐNIK, S. (1991). *Spisy ludności 1880 – 1991*. Třinec: Třinecké železářny, bez ISBN, 107 s.

Doc. PhDr. Irena Bogoczová, CSc.
Filozofická fakulta Ostravské univerzity
Tř. Čs legií 150/9
703 01 Moravská Ostrava
Česká republika

irena.bogoczova@osu.cz

SPISOVNÝ RUSÍNSKY JAZYK A JEHO VARIANTY V KONTEXTE SLOVANSKEJ MIKROFILOLOGIE¹

Júlia DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ

Abstract

Standard Language of the Ruthenians and his variants in the Context Slavic Mikrophilologie. During last four decades, a new group of Slavonic languages was formed in Slavistics: Standard Slavonic Languages (славянские литературные микроязыки). This term was introduced into Slavonic language science by a Russian Slavonist A. Duličenko and it is used to mark languages of ethnic minorities, which were codified at the end of the last century and at the beginning of this century after sociopolitical changes in Central, Southern and Eastern Europe and after following desintegration of federated state formations into national languages, within which new minority languages were formed. We consider as Standard Slavonic micro-languages those ones, which have the status of standard languages and which were used in education, literature, theatre, media and ecclesiastical spheres. The oldest Slavonic micro-language is Vojvodine Ruthenians as a language of Vojvodian Ruthenians in Vojvodine in Serbia (1974). On the second place, there is (Carpathian) Ruthenian as a standard language of the Ruthenians in Carpatian region: in Slovakia (1995), in Poland (2009), in Carpathian Ukraine [there was not yet officially declared status of standard language]] and in Hungary (2023), Kabushian language in Poland (2005), Bosnian language (1995), Montenegro language (2007). In western Poland, in region of Upper Silesia so called (Upper) Silesian „etnolekt“ is being formed, which is used as communication means in common communication, in literature and in some printed media. Commission also deals with the research problem of these Standard Slavonic microlanguages for language contacts at the International committee of Slavonists, which organizes international congresses of Slavists every five years.

Keywords: Standard Slavonic micro-languages, new minority languages, Commission for language contacts, Commission for micro-languages.

1. Spisovný rusínsky jazyk na Slovensku (nazývaný tiež karpatská rusínčina) patrí do skupiny tzv. **slovanských spisovných mikrojazykov**, ktorých výskum inicioval A. D. Duličenko z Univerzity v Tartu v Estónsku, žiak významného ruského slavistu N. I. Tolstého. Z hľadiska slovenskej slavistiky je iste pozoruhodné, že prvým spisovným mikrojazykom, s ktorým sa autor zoznámil, bola vojvodinská, resp. panónska rusínčina vo Vojvodine v Srbsku. Od ostatných slovanských mikrojazykov, ktoré sa etablovali po roku 1989, sa líši tým, že bola kodifikovaná za úplne iných jazykových, politických a kultúrnych podmienok v bývalej mnohonárodnostnej Juhoslávii. Vojvodinská rusínčina

¹ Štúdia je súčasťou riešenia grantovej úlohy projektu VEGA MŠVVaŠ Slovenskej republiky *Dynamické procesy v súčasnej jazykovednej slavistike* V č. 1/0225/23 (2023 – 2025).

sa po roku 1989 stala vzorom v otázke demokratického prístupu k riešeniu jazykovej a národnostnej otázky a s tým súvisiacou kodifikáciou tzv. malých jazykov, resp. jazykov národnostných menšín vo viacerých štátoch východného bloku. Vojvodinská rusínčina patrí medzi západoslovenské jazyky a status úradného jazyka získala v roku 1974. Z genetického hľadiska vojvodinská rusínčina má všetky základné znaky východoslovenských (južnozemplínskych) nárečí, na ktoré sa v priebehu vývinu jazyka navrstvili javy ukrajinskej a srbskej proveniencie.

S pojmom **slovanské spisovné mikrojazyky** sa v slavistike stále častejšie stretávame v posledných štyroch desaťročiach. Dokonca pri Medzinárodnom komitáte slavistov bola na 14. medzinárodnom zjazde slavistov v Ochride (2008) zriadená *Komisia pre slovanské spisovné mikrojazyky*, ktorej predsedom sa stal Aleksandr Dmitrievič Duličenko. Svedčí to o aktuálnosti tejto témy. Slovanské spisovné mikrojazyky je fenomén najnovšej histórie slovanských jazykov. Ide o nové smerovanie v slavistike, ktoré bolo podnietené emancipačným hnutím viacerých slovanských národností po spoločensko-politických zmenách v roku 1989.

Aké boli okolnosti, ktoré viedli niektorých západných slavistov, ako bol prof. Gerd Hentschel z Univerzity v Oldenburgu v Nemecku, a prof. Sven Gustavsson z Univerzity v Uppsale vo Švédsku, ktorí na 13. medzinárodnom zjazde slavistov v Ľublani iniciovali zmenu náplne činnosti Komisie pre jazykové kontakty. Totiž v roku 2003 vyšiel v Belehrade siedmy, posledný zväzok Celokarpatského dialektologického atlasu, čím sa uzavrela pracovná činnosť pôvodnej Medzinárodnej redakčnej rady CKDA. Ako je známe, predmetom činnosti tohto významného medzinárodného projektu (1973 – 2003) bol výskum a štúdium jazykových kontaktov medzi jazykmi a nárečiami v karpatskom jazykovom areáli. Na Ľublanskom zjazde (2003) ukončila svoju činnosť pôvodná Komisia pre jazykové kontakty pod vedením prof. Janusza Riegera (členmi komisie boli členovia Medzinárodnej redakčnej rady CKDA). Iniciatívu prevzali spomínaní západní slavisti G. Hentschel a S. Gustavsson, ktorí sa domnievali, že náplňou tejto komisie pre jazykové kontakty sa stane výskum subštandardných útvarov, ako je triasanka (v Bielorusku) a suržyk (na Ukrajine). Ich vznik v 90-tych rokoch 20. stor. bol motivovaný politickými zmenami po roku 1989 (rozpad Sovietskeho zväzu). Po vzniku osobitnej Komisie pre slovanské spisovné mikrojazyky v Ochride (2008) sa zúžil predmet výskumu Komisie pre jazykové kontakty, ktorá sa odvtedy zameriavala na výskum bielorusko-ruských a ukrajinsko-ruských jazykových kontaktov, o čom svedčí tematika dvoch medzinárodných konferencií organizovaných v medzizjazdovom období (2003 – 2008).² Tie vznikli

2 V rokoch 2003 – 2008 komisia zorganizovala dve konferencie *Slavic Literary Microlanguages and Language Contacts* (Tartu 2005) a *Trjasanka and Surzhyk. Products of Byelorussian-Russian and Ukrainian-Russian Language Contact* (Oldenburg 2007). Na ochridskom medzinárodnom kongrese slavistov (2008) pripravili tematický blok pod názvom „Трясанка и суржик: структурные и социальные

v dôsledku osobitnej jazykovej situácie, keď sa v bežnej jazykovej komunikácii namiesto spisovnej bieloruštiny alebo spisovnej ukrajinčiny používal špecifický nespisovný útvar, ktorý Bielorusi nazývali triasankou (na území Bieloruska) a Ukrajinci suržykom (na území východnej a strednej Ukrajiny). Ako z uvedeneho vyplýva, Komisia pre jazykové kontakty od ochridského zjazdu (2008) naďalej pokračovala vo svojej činnosti pod vedením prof. Gerda Hentschela.

O najnovších výsledkoch v oblasti **slovanskej mikrofilológie**, ako prof. A. D. Duličenko spolu so svojimi spolupracovníkmi nazvali toto najnovšie smerovanie v slavistike, sa dočítame v zborníku *Славянская микрофилология*, ktorý vyšiel v edícii *Slavica Tartuensia XI* (Tartu Ülikool / Тартуский университет) – *Slavic Euroasian Studies XXXIV* (Hokkaido University). Ved. red. A. D. Duličenko a Motoki Nomachi (2018). Uvádzame v plnom znení krátku anotáciu zborníka:

„Впервые под названием «Славянская микрофилология» выходит сборник, полностью посвященный славянским микроязыкам и славянским микролитературам. Речь идет о различных аспектах: (1) верхнелужицкого и (2) нижнелужицкого (оба в Германии), южнорусинского (Сербия, Хорватия), (4) карпаторусинского (Западная Украина, Восточная Словакия, Польша, Румыния, США и Канада), (5) кашубского (Польша), (6) молиско-славянского (Италия), (7) западнополюсского (Белоруссия, част. Украина), (8) горанского (Косово) микроязыков или же попыткам к их образованию. ... Таким образом, формирующаяся ныне славянская микролингвистика включает по меньшей мере около 20 таких микроязыков и делится нами по крайней мере на четыре группы: I. автономные, II. островные, III. периферийно-островные, IV. периферийные (региональные)“ (Duličenko 2018, s. 5).

2. Najstarším slovanským mikrojazykom je **vojvodinská, resp. panónska rusínčina** (starší názov) ako spisovný jazyk vojvodinských Rusínov vo Vojvodine v Srbsku, ktorá bola kodifikovaná v roku 1974. Z hľadiska genetického patrí spisovný rusínsky jazyk vo Vojvodine do **západoslovenskej jazykovej skupiny**, lebo má všetky znaky východoslovenských (južnozemplínskych) nárečí, na ktoré sa v priebehu vývinu navrstvili javy ukrajinského a srbského pôvodu.

Predkovia dnešných vojvodinských Rusnákov (ako sami seba nazývajú) sa vysťahovali na Dolnú zem v polovici 18. stor. zo slovenského jazykového územia ležiacom v južnom Zemplíne (obec Kerestur, dnes Zemplínska Teplica, okres. Trebišov). Svoj spisovný jazyk nazývajú lingvonymom **войводянски руски (русначки) язык** a svoju starú vlasť nazývajú vo svojom spisovnom jazyku názvom **Hornica** (Horná zem ako opozitum Dolná zem).

Začiatky spisovnej vojvodinskej rusínčiny spadajú na začiatok 20. stor., keď vychádza básnická zbierka Gabriela Kostelníka (profesor vo Ľvove) *Z mojoho*

аспекты описания и категоризации.“ Porov. S. Gajda (2003, 2008).

valala (1904), ktorý v roku 1923 napísal aj prvú gramatiku vojvodinskej rusínčiny *Грамматика бачваньско-рускей бешеду* (*Ruski Ketestur, Ruske narodne prosvitne Družstvo*). Vydanie tejto gramatiky sa pokladá za **prvý pokus o štandardizáciu jazyka vojvodinských Rusínov**. Status úradného jazyka získal až v roku 1974. Povedané s Nikitom Iljičom Tolstým, zakladateľom etnografickej školy v Moskve, básnická zbierka G. Kostelnika bola napísaná v „**dialektnom spisovnom jazyku**, ktorý sa najčastejšie využíva v poézii (1998, s. 499).³

Vojvodina v Srbsku garantuje práva národnostných menšín. Rusíni majú svoj **štátny sviatok, ktorý oslavujú 17. januára (deň historického zápisu o založení Ruského Kerestura vo Vojvodine)**. Existujú tam základné i stredné školy s vyučovacím jazykom rusínčina, rusinistika je študijným programom na Univerzite v Novom Sade, miestne **Radio Novi Sad** má vysielanie v rusínčine a existuje veľké množstvo literatúry v panónskej rusínčine. Mnohé vydala Matica rusínska (Ruska matka) so sídlom v Ruskom Keresture, ktorá má v Srbsku podobné postavenie ako Matica slovenská na Slovensku.

Téma genézy vojvodinskej rusínčiny je stále aktuálna a pre zahraničných slavistov aj prítiažlivá, hoci slovenskí jazykovedci už od 70-tych rokov 20. stor. poukazovali na to, že tento slovanský mikrojazyk má východoslovenský (zemplínsky) jazykový základ. Na uvedenú tému prednášal švédsky slavista Sven Gustavsson koncom 70-tych rokov 20. stor. v prešovskej pobočke Slovenskej jazykovednej spoločnosti SAV pri Filozofickej fakulte Univerzity P. J. Šafárika v Prešove. Účastníčkou tejto prednášky bola aj autorka týchto riadkov ako tajomníčka pobočky SJS v Prešove. Na veľké prekvapenie účastníkov prednášky z radov slovakistov, rusistov, ukrajinistov, ale aj historikov a etnológov menovaný na záver prednášky konštatoval pre slovenských bádateľov dávno známy fakt, že jazyk vojvodinských Rusínov má (východo)slovenský jazykový základ.

S. Gustavsson (1937 – 2013) až do svojej predčasnej smrti bol členom *Komisie pre jazykové kontakty* pri Medzinárodnom komitáte slavistov, ktorá sa v období medzi 13. medzinárodným zjazdom slavistov v Ľubľane (2003) a 14. medzinárodným zjazdom slavistov v Ochride (2008) zameriavala jednak na výskum jazykových kontaktov a jednak na výskum subštandardných jazykových útvarov. Komisia pracovala a aj naďalej v súčasnosti pracuje pod vedením nemeckého slavistu G. Hentschela.

3 Akademik Nikita Iljič Tolstoj (1923 – 1996), právnik Leva Nikolajeviča Tolstého, sa narodil v roku 1923 v mestečku Vršac vo Vojvodine v Kráľovstve Srbov, Chorvátov a Slovincov (1918 – 1929), ktoré vzniklo po rozpade Rakúska-Uhorska. Z autopsie poznal pestrú jazykovú situáciu vo Vojvodine ako v mnohonárodnostnom regióne, v ktorom popri rusínčine znela aj slovenčina, srbčina, nemčina a maďarčina. Základnú školu vychodil v rodisku, rusko-srbské gymnázium absolvoval v Belehrade. V roku 1945 sa celá rodina Tolstojovcov vrátila do Moskvy, kde Nikita Iljič v roku 1950 absolvoval štúdium na MGU a kde až do svojej smrti prednášal základné slavistické disciplíny. Pracoval tiež v Inštitúte slavistiky a balkanistiky AV ZSSR. Preto navrhol svojmu študentovi A. D. Duličenkovi, aby sa v rámci doktorandského štúdia venoval výskumu vojvodinskej rusínčiny. Neskôr A. D. Duličensko spolu so svojimi blízkymi spolupracovníkmi, ako sú G. Hentschel a S. Gustavsson založili novú jazykovednú školu, zameranú na výskum slovanských spisovných mikrojazykov.

3. **Spisovný rusínsky jazyk na Slovensku** bol kodifikovaný v roku 1995 na základe východnej časti rusínskych dialektov obcí ležiacich v poriečí riek Vyrava, Udava a Pčolinka. Z **genetického hľadiska** patrí medzi **východoslovenské** jazyky. Spisovná rusínčina sa používa ako dorozumievací prostriedok Rusínov žijúcich na území Slovenska. Má jednotnú normu, ktorá je záväzná pre všetkých používateľov rusínskeho jazyka. Všade tam, kde je používanie spisovnej rusínčiny záväzné, ako napríklad v školách, v printových a elektronických médiách, v odbornej a umeleckej literatúre, divadle a pod., nie je spoločensky prípustné, aby sa spisovná norma nedodržiavala, resp. sa nahrádzala nárečovou normou. Pestovanie jazykovej kultúry spočíva v správnom výbere jazykových prostriedkov, lebo ovládanie spisovnej normy má **vysokú kultúrnu a spoločenskú prestíž**. Je synonymom vzdelanosti a kultúry daného národa či národnosti.

Podľa výsledkov posledného sčítania obyvateľov Slovenska v roku 2021 sa k rusínskej národnosti prihlásilo **38 679** obyvateľov, v roku 2011 **55 469** obyvateľov, v roku 2001 si rusínsku národnosť vybralo **54 907** obyvateľov. Najväčší prepad predstavuje posledné sčítanie obyvateľov Slovenska, ktorý sociologička Ľ. Kráľová pokladá za **alarmujúci**. Podľa jej slov to „svedčí o necielení činnosti všetkých rusínskych profesionálnych inštitúcií, ale hlavne občianskych združení na to podstatné, zakladať rusínske školy všade tam, kde Rusíni žijú vo svojich odvekých sídlach.“ (Ľ. Kráľová 2022, s. 39).

Profesionálne rusínske inštitúcie na Slovensku: **Ústav rusínskeho jazyka a kultúry** (1998), ktorý je od 1. decembra 2015 súčasťou Centra jazykov a kultúr národnostných menšín PU v Prešove.

Prešovská univerzita ako jediná na Slovensku ponúka štúdium rusínskeho jazyka a literatúry na bakalárskom, magisterskom a doktorandskom stupni vysokoškolského štúdia.

Medzinárodná letná škola rusínskeho jazyka a kultúry, ktorá sa od roku 2010 koná každoročne v júni (v roku 2025 sa konal už 13. ročník).

Organizovanie vedeckých seminárov a vydávanie vedeckých zborníkov **Studium Carpatho-Ruthenorum** (celkove už vyšlo 16 ročníkov).

Rusínsky jazyk znie aj v **Slovenskom rozhlase** a rovnako informácie o Rusínoch a ich kultúrnych aktivitách môžeme sledovať na obrazovkách Slovenskej televízie v reláciách pre národnostné menšiny.

V obci Klenová, okres Snina, je **Základná škola s materskou školou s vyučovacím jazykom rusínskym**. Je to jediná škola na severovýchodnom Slovensku (s ročníkmi 1-9) so zameraním na uplatnenie spisovného rusínskeho jazyka v školskej praxi.

Preto k najdôležitejším úlohám rusínskeho národnostného hnutia je zakladať rusínske školy v obciach, kde žijú Rusíni na súvislom jazykovom území na severovýchodnom Slovensku.

Divadlo Alexandra Duchnoviča v Prešove, ktoré hrá výlučne po rusín-

sky už od polovice 90-tych rokov. V roku 1990 bolo divadlo pomenované po Alexandrovi Duchnovičovi, vedúcej osobnosti národného obrodzenia na východnom Slovensku a Podkarpatskej oblasti v polovici 19. stor.

Múzeum rusínskej kultúry (2007) ako prešovská pobočka Slovenského národného múzea v Bratislave.

Rusínsky festival vo Svidníku (2013).

Občianske združenia: **Kolýsočka-Kolíška**, **Molody Rusyny**, **Spolok rusínskych spisovateľov Slovenska**, **Okrúhly stôl** a iné...

Printové médiá: dvojmesačník **Rusyn**, odborný a literárny časopis (**Akadémia rusínskej kultúry v SR**) a dvojtyždenník **NN info Rusyn – Narodný novynkŷ Rusyniv Slovakiji (Rusínska obroda na Slovensku)**.

4. Lemkovský jazyk v Poľsku: Po politických zmenách v roku 1989 prebieha proces reštitúcie a revitalizácie lemkovského areálu na poľskej strane. Výsledkom týchto snáh poľských Lemkov je **lemkovský jazyk**, ktorý získal v roku 2009 **status regionálneho jazyka**. V niektorých médiách sa môžeme stretnúť s názvom lemkovská etnická menšina, ku ktorej sa zaraďuje aj rómska, tatárska a karaimská menšina. Každoročne potomkovia poľských Lemkov organizujú festivaly a stretnutia známe pod názvom Lemkovská Vatra. Ak hovoríme o lemkovských dialektoch, máme na mysli bývalý areál rusínskych (lemkovských) nárečí v regióne juhovýchodného Poľska.

Lemkovské dialekty v juhovýchodnom Poľsku a areál rusínskych nárečí na severovýchodnom Slovensku tvorili až do roku 1944 jeden celok. Na základe poľsko-sovietskej zmluvy z roku 1944 bola väčšia časť lemkovského (rusínskeho) obyvateľstva z juhovýchodného Poľska vysídlená na Ukrajinu. Druhá časť bola na základe uznesenia poľskej vlády presídlená r. 1947 do západných a severných regiónov Poľska.

V dôsledku toho na poľskej časti zanikli pôvodné lemkovské obce, zanikol pôvodný areál lemkovských nárečí, preto ak dnes hovoríme o lemkovských nárečiach v Poľsku, máme na mysli bývalé lemkovské nárečia.

Vďaka výskumu lemkovských nárečí na poľskom i slovenskom území v medzivojnovom období (1934-36), ktorý uskutočnil poľský slavista a dialektológ Zdzisław Stieber na základe dotazníka pozostávajúceho zo 400 otázok pre lexikálny typ jazykového atlasu, sa zachoval podrobný opis týchto karpatských nárečí. V päťdesiatych a šesťdesiatych rokoch 20. stor. Z. Stieber uvedený dialektologický materiál spracoval v ôsmich zväzkoch (zošitoch) lingvistického atlasu pod názvom **Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny**. I-VIII. (1956-1964). Tieto publikované materiály, ako zdôrazňuje Z. Stieber, majú pre poľskú i slovanskú jazykovedu a dialektológiu historickú a dokumentárnu hodnotu. Ale materiály z bývalého areálu lemkovských nárečí na poľskej strane nemožno dnes verifikovať, ani doplniť o ďalšie údaje. Preto sa musíme opierať o jazykové údaje, ktoré zozbieral v tomto regióne Z. Stieber

aj so svojimi spolupracovníkmi v medzivojnovom období (Z. Stieber, 1974, s. 464).

Z profesionálnych lemkovských inštitúcií v Poľsku treba spomenúť: *Stowarzyszenie Ruska Bursa* v Gorliciach, ktorá bola založená v roku 1908. Zameriava sa na osvetovú, kultúrnu, výchovnú a vydavateľskú činnosť, spravuje knižnicu, archív a pamätnú izbu Ivana Rusenka (1890 – 1960). (<https://www.lem.fm/pl/ruska-bursa-pl/>). V roku 2011 bolo pri Ruskej Burse založené rádio LEM.fm, ktoré prevádzkuje informačný portál LEM.fm a celolemkovské rádio (<https://www.lem.fm/pro-nashe-radiyo>). Lemkovská organizácia *Stowarzyszenie Łemków* so sídlom v Legnici bola založená v roku 1989 (<https://team.legnica.eu/organizacje/174>).

Na Inštitúte ruskej filológie *Pedagogickej univerzity v Krakove* v rokoch 2001 – 2017 sa realizovalo štúdium lemkovsko-rusínskej filológie. Nadácia *Rutenika* finančne prispieva na podporu lemkovských profesionálnych inštitúcií v juhovýchodnom a západnom Poľsku, ku ktorým tiež patrí najstarší folklórny súbor *Lemkovyna*. Súbor propaguje originálne lemkovské piesne a tance; súbor založil Jaroslav Trochanovský v roku 1969, hudobný skladateľ a dirigent súboru). Spoločnosť **Стоваришья Лемків** (*Stowarzyszenie Łemków*) vydáva od roku 1989 kultúrny a spoločenský dvojmesačník **Бесіда**. Podrobnejšie údaje sú na internetovej stránke: <http://www.stowarzyszenielemkow.pl>

5. Spisovný rusínsky jazyk v Maďarsku. Prvý pokus o kodifikáciu spisovnej rusínčiny v Maďarsku sa opieral o jazykový systém dialektu v **Komloške** a pochádza z roku 2004, garantom a kodifikátorom bol prof. Gergej Benedek. Tento jazyk sa neujal najmä pre pokročilú asimiláciu Rusínov. Preto sa predstavitelia rusínskej inteligencie a občianskych združení zastupujúcich rusínsku národnostnú menšinu v Maďarsku rozhodli pre **adaptáciu zakarpatského variantu spisovnej rusínčiny**.

Odborný garant štúdia spisovnej rusínčiny v Maďarsku: **Русинський Научний Інститут ім. Антонія Годинки** a **Вседержавное Русинське Самосправованя у Мадярщини**, ktoré vydáva v rusínsko-maďarskej mutácii časopis **Русинський світ /Ruszin világ**. Časopis vychádza ako **dvojmesačník od roku 2000** a v roku 2025 začal vychádzať už 23. ročník tohto kultúrneho a spoločenského časopisu Rusínov v Maďarsku, ktorý na vydanie pripravuje budapeštianska pobočka Celoštátnej rusínskej samosprávy. Zodpovedným redaktorom je Viktor Kramarenko (predseda Celoštátnej rusínskej samosprávy v Maďarsku) a členmi redakčnej rady sú: Giricz Viktor (hlavný redaktor), Dr. Káprály Mihály (riaditeľ Rusínskeho vedeckého ústavu A. Hodynku), Szónoczky János Mihály, Manajló András, Szücs-Vorinka Irén.

Rusíni v Maďarsku majú svojho zástupcu v parlamente, menovite je to Vira Giricz, ktorá je poslankyňou za rusínsku národnostnú menšinu v Maďarskom parlamente so sídlom v Budapešti. Rusíni v Maďarsku majú aj raz

v týždni vymedzený čas na vysielanie v Maďarskom rozhlasе v rozsahu 30 minút vysielacieho času. V Maďarskej televízii sa rusínsky program vysielal raz mesačne v rámci relácie určenej pre menšiny. Od roku 2001 Rusínska samospráva organizuje kurz rusínskeho jazyka pre dospelých.

V sobotu **11. novembra 2023** sa v Budapešti uskutočnila **slávnostná kodifikácia maďarského variantu spisovnej rusínčiny**. Táto udalosť sa konala v bazilike sv. Štefana v Budapešti a v sále kaštieľa Stefania grófa Michala Esterházyho, na ktorej sa zúčastnili hostia zo Slovenska, Poľska, Ukrajiny, Rumunska a Srbska.

Základné kodifikačné príručky maďarského variantu spisovnej rusínčiny:

- (1) **Русинський орфографічний словарь** (з граматичними таблицами). Составитель Михаил Капраль. (Ruszin helyesírási szótár (nyelvtani táblázatokkal). Будапешт 2017. 222 с.
- (2) **Зберька правил русинського писання и выговорёваня про Русинув Мадярщины**. Зобрав и зладив до печатні: Др. Михаил Капраль. (Ruszin nyelvtani kodex a Magyarországon élő ruszinok kiadványa). КРОАТИКА – БУДАПЕШТ 2021. 212 с.
- (3) **Карпаторусинські поселення**. Лішта сел и варошув у Централній Європі, де днесь бывають вадь даколы бывали Карпаторусини. Зобрав и зладив до печатні: Др. Михаил Капраль. (Közép-Európa ruszinok által lakott vagy valaha lakott falvainak és városainak gyűjteménye). КРОАТИКА – БУДАПЕШТ 2021. 96 с.

„Паралелно у нашум словарёви даёме назвы русинських поселень и офіційным языком туй державы, у котруй днесь они суть, и по мадярськы, ибо, за выимков Лемкув Польщі, ушыткі русинські села ищи на зачатку ХХ. столітя были частёв історичнуй Мадярщины, а у мадярськым языкови захранили ся до теперь и хоснують ся на практиці старі тітулы. Окреме сьме представили указовач русинських поселень в самуй Мадярщині и в сосідніх Словакії и Україні по мадярськы, жебы хоть лем дамало помочи тым хоснователям нашого видання, котрі ся не фест читаво орієнтувать у кириличных текстах. Робота над формованём днешнуй лішты ушыткых наших поселень была проблематичнов зато, же, ги сьме споминали выше, нигда не мали сьме переже русинськоцентричнуй і верзії. Позад того, же сьме не мали властнуй державы, стовкы рокув записовали тітулы наших сел представителі иных народув, котрі не все и познавали наші русинські діалекты, так же и не могли даколы коректно записати на папірєви того, што чули од обывателюв русинських відикув.“ (М. Капраľ 2021 s. 7 – 8).⁴

⁴ Tento krátky úryvok z predslavu z tretej kodifikačnej príručky spisovnej rusínčiny v Maďarsku *Karpatorusyns'ki poselenja* svedčí o tom, že maďarský variant bol kodifikovaný na základe zakarpatských nárečí rozprestierajúcich sa v okolí Užhorodu na Zakarpatskej Ukrajine.

6. Spisovný rusínsky jazyk na Zakarpatskej Ukrajine nemá zatiaľ status oficiálneho spisovného jazyka, pretože doposiaľ nebol priznaný zakarpatským Rusínom status osobitnej národnostnej menšiny. Pokusy o štandardizáciu spisovnej rusínčiny na Zakarpatskej Ukrajine trvajú od vzniku samostatnej Ukrajiny (1991), avšak neúspešne a rusínsky jazyk sa naďalej pokladá za ukrajinské nárečie. V posledných rokoch v Užhorode vznikli viaceré kultúrne spolky a občianske združenia, ktoré vydávajú odbornú i umeleckú literatúru písanú v nárečí, resp. v kultúrnom jazyku formujúcom sa v Užhorode a okolí na základe západnej časti zakarpatských rusínskych nárečí. Základy rusínskeho jazyka na Zakarpatskej Ukrajine vyučoval niekoľko rokov v nedeľných školách Valerij Paďak.

O jazykovej situácii na Zakarpatskej Ukrajine píše užhorodský autor **Ігорь Керча** v štúdiu **Літературный язык. Пудкарпатська Русь**. Menovaný je tiež autorom dvojzväzkového prekladového slovníka, ktorý vyšiel v Užhorode vo Vydavateľstve ПоліПринт v roku 2012 pod názvom *Словник русько-русинський*. Slovník obsahuje 65 000 hesiel a je určený pre potreby prekladateľov z ruštiny do rusínčiny.

K aktívnym členom tejto užhorodskej skupiny Rusínov patrí doc. Mgr. Valerij Paďak, CSc., pôsobiaci v Centre jazykov a kultúr národnostných menšín Prešovskej univerzity, kde prednáša dejiny rusínskej literatúry. Prehľad jeho publikačnej činnosti, edičnej činnosti a medailón autora je zverejnený na webovej stránke Ústavu rusínskeho jazyka a kultúry CJKNM PU www.unipo.sk/cjknm/hlavne-sekcije/urjk/. Menovaný vedie v Užhorode aj *Výskumné centrum karpatisťky* so zameraním na vydávanie pôvodnej rusínskej literatúry z prvej polovice 20. stor.

V rokoch 1994 – 1997 štvorica autorov M. Almašij – I. Kerča – V. Molnar – S. Popovič napísali krátku gramatiku rusínskeho jazyka pod názvom *Материнський язык. Писемниця русинського языка*. Удало общество им. Александра Духновича Мукачово (1999. 98 с.).

Užhorodský bádateľ Michail Almašij (Михаил Алмашиј), zaslužilý učiteľ Ukrajiny, vydal v roku 2015 vo Vydavateľstve *Karpatská veža* v Užhorode rozsiahly vedecký slovník pod názvom *Русинсько-славянський лексикон*, ktorý je výsledkom jeho dlhoročného výskumu jazyka podkarpatských Rusínov. Slovník má charakter vedecko-populárnej práce a je určený širokému okruhu záujemcov. Autor hľadá odpoveď na otázku, aké je miesto rusínskeho jazyka v rodine slovanských jazykov. Význam každého hesla sa prekladá do jedenástich slovanských jazykov vrátane podkarpatského variantu rusínskeho jazyka.

Významným príspevkom k poznaniu užhorodského variantu rusínskeho jazyka je päťzväzkový slovník *Словарь русинського языка*, ktorý zostavil a na vydanie pripravil Jurij Čori (Юрій Чопі), regionálny básnik, spisovateľ a dramatik. Slovník obsahuje vyše 250 tisíc hesiel. Pri každom hesle sa uvádza exemplifikácia, čiže čitateľ si môže overiť význam slova použitého v konkrétnej

nom kontexte (2015). *Zakarpatská oblastná vedecko-kulturologická spoločnosť A. Duchnoviča*, ktorej predsedom je Vasyľ Popyk, vydáva od roku 2016 kultúrno-beletristický časopis **Отцюзнина**. Vydávanie časopisu finančne podporuje Volodymyr Drahun, majiteľom časopisu je Michail Čuchran a vychádza v súromnej tlačiarňi Romana Povča.

Podrobnejšie *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів*. Укл. П. Р. Магочій – І. Поп. Пер. з англ. мови Н. Кушко. Ужгород: Видавництво В. Падяка 2010. 856 с. In: Najnowsze dzieje języków słowiańskich. **Русинський язык**. Red. naukowy P. R. Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej 2004, s. 115 – 146.

7. Isto je pre mnohých slavistov prekvapujúce, že A. Duličenko, profesor slavistiky na Univerzite v Tartu v Estónsku a tvorca teórie tzv. slovanských spisovných mikrojazykov, zaraďuje do skupiny slovanských mikrojazykov (podskupina autonómne jazyky) aj tieto dva tradičné západoslovanské jazyky: **hornú lužickú srbčinu** a **dolnú lužickú srbčinu**. Ako je známe, uvedené jazyky sa už od čias zrodu slavistiky ako osobitnej vednej disciplíny koncom 18. stor. uvádzajú v rodine slovanských jazykov ako dva osobitné jazyky, ktorých tradícia spisovnosti siaha do 16. stor. Je pravda, že v dôsledku silného germanizačného tlaku trvajúceho už od 12. stor. sa hornolužické i dolnolužické jazykové územie neustále zmenšuje, v dôsledku čoho tieto jazyky majú status menšinových jazykov v Spolkovej republike Nemecko. Kým horná lužická srbčina pomerne dobre odoláva vonkajším vplyvom nemeckého jazyka, dolná lužická srbčina doslova zápasí o status spisovného jazyka a v posledných dvoch desaťročiach prebieha proces revitalizácie jazyka.

Horná lužická srbčina a **dolná lužická srbčina** majú v súčasnosti štatút menšinových jazykov, o dolnej lužickej srbčine sa niekedy hovorí ako o vymierajúcom jazyku. Je to podmienené tým, že horná lužická srbčina má lepšie kultúrne a autorské zázemie, oveľa vyšší počet aktívnych používateľov (cca 40 000). Veľkú úlohu zohráva aj **Budyšin (Bautzen)**, kultúrne, jazykové, hospodárske, spoločensko-politické centrum regiónu Horná Lužica.

Kultúrnym centrom Dolnej Lužice je **Chotěbuz (Cottbus)**, aktívnych používateľov dolnej lužickej srbčiny je cca 14 000. V posledných rokoch sa podnikajú všetky kroky na oživenie obidvoch jazykov, na posilnenie vedeckého výskumu a na rozširovanie vedeckých poznatkov o týchto západných Slovanoch a ich jazykoch, ktoré majú nezastupiteľnú úlohu v historicko-porovnávacej aj konfrontačnej gramatike slovanských jazykov.

Obidva jazyky ležia na okraji západoslovanského jazykového územia, preto sa v nich zachovalo veľa petrefaktov, ktoré pomáhajú pri rekonštrukcii najstaršieho vývinového stavu slovanských jazykov. Početné sú paralelné javy v slovenčine a hornej lužickej srbčine, čo je v slovenskej slavistike ešte málo preskúmaná problematika. Posilniť treba aj konfrontačný výskum slovenčiny

a obidvoch lužickosrbských jazykov, lebo každá nová informácia o týchto archaických jazykoch má veľkú hodnotu.

Horná a dolná lužická srbčina patria do lužickosrbskej podskupiny západoslovanskej skupiny. Podľa **dichotomického** členenia **B skupinu** tvorili **jazyky severozápadného kmeňa** [čeština, slovenčina, horná lužická srbčina, dolná lužická srbčina, poľština (s nárečiami veľkopolština, malopolština a sliezčina)].

Podľa klasického **trichotomického** členenia do skupiny západoslovanských jazykov patria tieto jazyky: čeština, slovenčina, horná a dolná lužická srbčina, poľština, kašubčina, vymretá polabčina a pomorská slovinčina (K. Horálek str. s. 393 – 411).⁵

Záver

Predstavili sme najdôležitejšie informácie záujemcom o spisovný rusínsky jazyk a jeho varianty v karpatskej oblasti, ktoré boli kodifikované v posledných desaťročiach vo Vojvodine v Srbsku, na Slovensku, v Poľsku a v Maďarsku. Na Zakarpatskej Ukrajine Rusíni zatiaľ nezískali status osobitnej národnostnej menšiny, ale mnohí predstavitelia rusínskej inteligencie žijúcej v Užhorode a okolí sú publikačne aktívni a vydávajú slovníky, časopisy, venujú sa vedeckému výskumu dejín rusínskej literatúry a spolupracujú s rusínskymi organizáciami v zahraničí. Táto ich tvorivá aktivita je veľmi dôležitá pre dejiny slavistiky, lebo vo svojich prácach predkladajú domácim i zahraničným bádateľom svedectvo o slobode ich ducha, o túžbe vyjadrovať sa a tvoriť v materinskom jazyku a výsledky svojho štúdia sprístupňovať všetkým domácim i zahraničným záujemcom o problematiku slovanskej mikrofilológie, ktorá má dnes zastúpenie aj Medzinárodnom komitete slavistov. Ostatný **17. medzinárodný zjazd slavistov sa konal v dňoch 25. – 30. augusta 2025 v Paríži**, kde Rusíni mali príležitosť predstaviť sa zahraničným bádateľom svojou aktivitou v rámci dvoch komisií: v *Komisii pre jazykové kontakty* (predseda G. Hentschel) a v *Komisii pre slovanské spisovné mikrojazyky* (predseda A. D. Duličenko).

5 Porov. literatúru: DOBROVSKÝ, Josef: Podrobná mluvnice jazyka českého v redakcích z roku 1809 a 1819. Praha: Melantrich 1940. 993 s.

DOBROVSKÝ, Josef: Dějiny české řeči a literatury. Přeložil, k vydání připravil a úvodní studii napsal Dr. Benjamín Jedlička. Praha: Československý spisovatel 1951. 191 s.

DOBROVSKÝ, Josef: Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Prag 1822.

ŠAFÁRIK, Pavol Jozef: Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nárečí. Spisy Pavla Jozefa Šafárika. Zväzok 1. (Z nemeckého originálu Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, Budín 1826, preložili, edične pripravili a poznámky napísali doc. dr. Valéria Betáková, CSc., a PhDr. Rudolf Beták, CSc.). Košice: vydalo Východoslovenské vydavateľstvo Košice pre Univerzitu Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach v roku 1992. 416 s.

HORÁLEK, Karel: Úvod do studia slovanských jazyků. Praha: Československá akademie věd 1962, s. 328 – 329, 357-359, 401-404.

Podrobnejšie DUDÁŠOVA-KRIŠŠÁKOVÁ, Júlia: Fonologický systém slovanských jazykov z typologického hľadiska. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity v Prešove 2014, s. 52 – 63.

LITERATÚRA

- DOBROVSKÝ, Josef (1940). *Podrobná mluvnice jazyka českého v redakcích z roku 1809 a 1819*. Praha. V generální komisi nakladatelství Melantrich. 993 s.
- DOBROVSKÝ, Josef (1951). *Dějiny české řeči a literatury*. Z něm. originálu Geschichte der Böhmisches Sprache und Literatur (1792) přeložil, k vydání připravil a úvodní studii napsal Dr. Benjamin Jedlička. Praha: Československý spisovatel 1951. 191 s.
- DOBROVSKÝ, Josef (1822). *Institutiones linguae slavicae dialecti veteris*. Prag.
- DORULA, Ján (2000). *Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy na úrovni nárečí a spisovných jazykov*. In: Slovensko-rusínsko-ukrajinské vzťahy od obrodnenia po súčasnosť. Ved. red. J. Dorula. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, s. 152 – 160.
- DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, Júlia (2008). *Kapitoly zo slavistiky*. II. Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Prešovensis. Monografia 95. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove Filozofická fakulta 312 s.
- DUDÁŠOVA-KRIŠŠÁKOVÁ, Júlia (2014). *Fonologický systém slovanských jazykov z typologického hľadiska*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity v Prešove. 224 s.
- DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, Júlia (2022). *Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia*. Vysokoškolská učebnica. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove. 286 s.
- DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, Júlia (2023). *Miesto rusínčiny v rodine slovanských jazykov* – Slavica Slovaca, 58, s. 421 – 435.
- ДУЛИЧЕНКО, Александр Дмитриевич (1981). *Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития*. Таллин: Валгус.
- ДУЛИЧЕНКО, Александр Дмитриевич et al (2003-2004). *Славянские литературные микроязыки. Образцы текстов*. Т. I-II. Tartu
- ДУЛИЧЕНКО, Александр Дмитриевич (2006). *Современное славянское языкознание и славянские литературные микроязыки*. In: Славянские литературные микроязыки и языковые контакты. – Slavica Tartuensia. VII. Ред. А. Д. Дуличенко – С. Густавссон. Тарту: Тартуский университет Кафедра славянской филологии, с. 22 – 46.
- МЕДЕШИ, Гелена – ФЕЙСА, Михайло (2012). *Войводянски Руснаци: Стан и перспективи розвою у культури, языку и образованию*. In: Studium Carpatho-Ruthenorum. 2012. Штудії з карпаторусиністики. Ед. К. Копорова. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові Інститут русинського языка і культури с. 19 – 42.
- HORÁLEK, Karel (1962). *Úvod do studia slovanských jazyků*. Praha: Československá akademie věd. 535 s.
- KRÁLOVÁ, Ľuba (2022). *Špecifické problémy jazykovej národnej sebareflexie Rusínov na Slovensku v duchu sčítania obyvateľov, bytov a domov v rokoch 1991 – 2021*. In: Koporová, K. (zost.): Studium Carpatho-Ruthenorum 2022. Štúdie

- z karpatorusinistiky 14. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, s. 35 – 48.
- ПЛІШКОВА, Анна – ЯБУР, Василь (2009) : *Сучасний русинський списовний язык* (Высокошкольскы учебны тексты). Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові Інститут русинського языка і культури 2009. 212 с.
- ПЛІШКОВА, Анна – ЯБУР, Василь (2004). *Пряшівська Русь*. In: Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык. Red. naukowy P. R. Magocsi. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej, s. 147-209.
- STIEBER, Zdzisław (1956 – 1964). *Atlas językowy dawnej Łemkowszczyzny*. Zeszyt I-VIII. Łódź: Zakład im. Ossolińskich we Wrocławiu.
- Славянская микрофилология* (2018). Slavica Tartuensia XI (Tartu Ülikool / Тартуский университет) Slavic Euroasian Studies XXXIV (Hokkaido University). Ред. А. Д. Дуличенко а Motoki Nomachi. Sapporo – Tartu. 453 с.
- Slavica Tartuensia XI (Tartu – Ülikool / Тартуский университет) – Slavic Euroasian Studies XXXIV. (2018). (Hokkaido University). Edit. by A. D. Dulichenko – Motoki Nomachi. Sapporo – Tartu. 453 s. <http://srch.slav.hokudai.ac.jp/>.
- STIEBER, Zdzisław (1982). *Dialekt Łemków. Fonetyka i Fonologia*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- ŠAFÁRIK, Pavol Jozef (1992). *Dejiny slovanského jazyka a literatúry všetkých nárečí*. Spisy Pavla Jozefa Šafárika. Zväzok 1. (Z nemeckého originálu Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, Budín 1826, preložili, edične pripravili a poznámky napísali doc. dr. Valéria Betáková, CSc., а PhDr. Rudolf Beták, CSc.). Košice: vydalo Východoslovenské vydavateľstvo Košice pre Univerzitu Pavla Jozefa Šafárika v Košiciach. 416 s.

Prof. PhDr. Júlia Dudášová-Kriššáková, DrSc.
Prešovská univerzita v Prešove
Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín
Ústav rusínskeho jazyka a kultúry
Ul. 17. novembra č. 1
080 01 Prešov
Slovenská republika

julia.dudasova@unipo.sk

ДОДАТКОВЫ ШТУДІЇ

RUTHENISTICKÉ A UKRAJINISTICKÉ STOPY V LINGVISTICKÉM DÍLE OTAKARA VOČADLA

David FRANTA

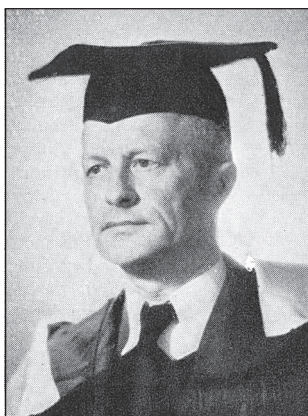
Abstract

The study focuses on the Ruthenian and Ukrainian issues in the linguistic work of the Slavist and Anglicist Otakar Vočadlo (1895–1974), with particular attention to his monograph *Linguistic Separatism from a World Perspective* (1935), which is based on his earlier text *Linguistic Separatism among the Slavs and Elsewhere* (1923). Vočadlo's negative stance toward the establishment of independent Ruthenian and Ukrainian standard languages is interpreted as a reaction rooted in Vočadlo's Russophilism and Slavic reciprocity.

Keywords: linguistic separatism; Ruthenians; Ukrainians; Russophilism; Slavic reciprocity.

Lingvista **Otakar Vočadlo** (1895–1974) získal mezinárodní renomé zejména v anglistice, založil první vysokoškolské pracoviště anglistiky na Slovensku a amerikanistiky v celém Československu, nicméně se okrajově zabýval i tématy z bohemistiky, rusistiky, sorabistiky a slovanské filologie. Problematika jazykové situace na Podkarpatské Rusi a Ukrajině nepatřila k Vočadloovým tématům, jimž by se systematictěji věnoval, ale ruthenistické a ukrajinistické stopy jsou roztroušené v některých jeho obecnělingvistických a slavistických textech. Právě mozaikovitost (po) vědomí jazykovědce původem ze západních Čech o nejvýchodnější výspě meziválečného Československa je zajímavým dokladem o dobovém vědeckém diskursu a „nutných“ limitech slavistického, ba obecnělingvistického pohledu.

Ruthenistickou problematiku u O. Vočadla je nutné nahlížet v konstelaci jeho vědeckého zájmu a ideových preferencí, které ho sváděly z objektivního nazírání na předmět vědecké analýzy velmi často na subjektivní scestí stereotypních výkladů od nekritického obdivu k ideji čechoslovakismu a k civilizační misi anglosaské (anglické a americké) kultury až po hypotézu o neblahém působení německé („prušácké“) kultury, včetně německého jazyka na střední

Otakar Vočadlo

Evropu, či xenofobní, ba rasistické invektivy o „žluté“, a tudíž méněcenné maďarské rase a o její „mongolské“ řeči.¹

Z nečetných slavistických textů O. Vočadla vyplývá jeho obliba lužické srbštiny² a ruštiny a zaujetí pro slovanskou vzájemnost (viz dále). „Nejславističtější“ textem O. Vočadla v jeho bohaté a rozmanité tvorbě je bezesporu 34stránková monografie *Jazykový separatismus s hlediska světového* s podtitulem *Příspěvek ke slovenské otázce*,³ jež vyšla roku 1935 v pražském nakladatelství periodika *Nové Čechy* jako 2., přepracované a doplněné vydání 30stránkového spisu *Slovanská nesvornost* s podtitulem *Jazykový separatismus u Slovanů a jinde* z roku 1923 jako 16. svazek edice Rozpravy téhož nakladatelství.⁴ Dodejme pro úplnost, že původní text vycházel časopisecky v *Nových Čechách* od 1. listopadu 1922 do 15. června 1923⁵ a jeho hlavní část sepsal autor za pobytu na své rodinné chalupě v Sedlejovicích u Turnova v létě 1923, než byl jmenován lektorem českého jazyka a literatury v Ústavu slovanských studií při londýnské univerzitě.⁶

Základní cílem této publikace bylo dokázat výhody jazykové konvergence a nevýhody jazykové divergence na příkladu slovanských jazyků ve srovnání se „západními“ jazyky, tj. především angličtinou, francouzštinou, italštinou a němčinou. V úvodu O. Vočadlo připomíná teze Jana/Jána Kollára (1793–1852) o slovanské vzájemnosti, čtyřech nářečí jednoho slovanského jazyka a o neblahých důsledcích slovanské odstředivosti. O. Vočadlo se podivuje nad tím, jak se mohlo ze 6–7 „typů“ slovanských jazyků vyvinout 12–14 spisovných jazyků; povzdychnuv si: „*Snad se osamostatní i karpatská ruština*.“ Polemizuje s „odstředivými“ myšlenkami slovenského duchovního Jána Palárika (1822–1870), absolventa prešovského gymnázia, jenž se vymezil vůči Kollárově rusofilní koncepci poukazem na rozrůznění slovanských jazyků jako důsledku „svobodomilovného individualismu“: „*Ale je pak věru těžko říci, kde má míti tato individualizační snaha po samostatnosti své meze – každé větší nářečí by pak mohlo konec konců býti východiskem spisovného jazyka*“.⁷

1 FRANTA, D. (2025). Kulturní orientace Otakara Vočadla jako předpoklad jeho aktivit při zakládání československého centra PEN klubu. In: *České centrum mezinárodního PEN klubu (= Literární archiv 57)*. Praha: Památník národního písemnictví – Muzeum literatury (v tisku).

2 LEBEDA, J. (1998). Sorabika a sorabistická korespondence. In: *Opera Slavica* 8, č. 1, s. 18–24; LEBEDA, J. (1981). Propagátor Lužických Srbů Otakar Vočadlo. In: *Slavia* 50, č. 3–4, s. 359–365.

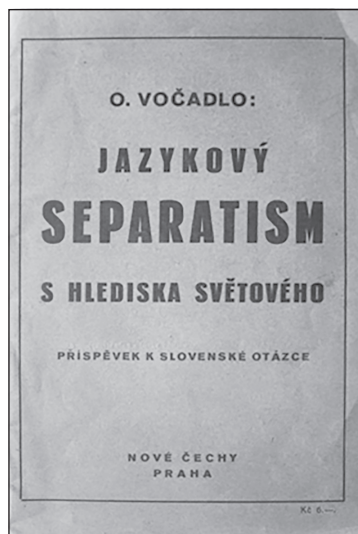
3 VOČADLO, O. (1935). *Jazykový separatismus s hlediska světového. Příspěvek ke slovenské otázce*. Praha: Nové Čechy.

4 VOČADLO, O. (1923). *Slovanská nesvornost. Jazykový separatismus u Slovanů a jinde*. Praha: Nové Čechy (= Rozpravy, 16. sv.). Ukázky z textu vyšly v [?] (1923). Čitárna. In: *Čas* 33, č. 6, 10. 1., s. 2–3. Několik výňatků bylo přeloženo do němčiny, viz [MÁGR, A. S. (?)] (1923). Die slavische Uneinigkeit. In: *Prager Presse* 3, 1923, č. 111, 24. 4. odpolední vyd., s. 4; č. 112, 25. 4. odpolední vyd.; č. 113, 26. 4. odpolední vyd., s. 4.

5 VOČADLO, O. (1922–1923). *Slovanská nesvornost. Jazykový separatismus u Slovanů a jinde*. In: *Nové Čechy* 6, 1922–1923, č. 2, 1. 11. 1922, s. 69–72; č. 4, 19. 12. 1922, s. 133–143; č. 5–6, 31. 1. 1923, s. 195–201; č. 9–10, 15. 6. 1923, s. 290–292.

6 VOČADLO, O. (1923–1924). *Slovanská nesvornost*. In: *Nové Čechy* 7, č. 6, 26. 2. 1924, s. 220–221.

7 VOČADLO, O. (1935). *Jazykový separatismus s hlediska světového. Příspěvek ke slovenské otázce*. Praha: Nové Čechy, s. 3.

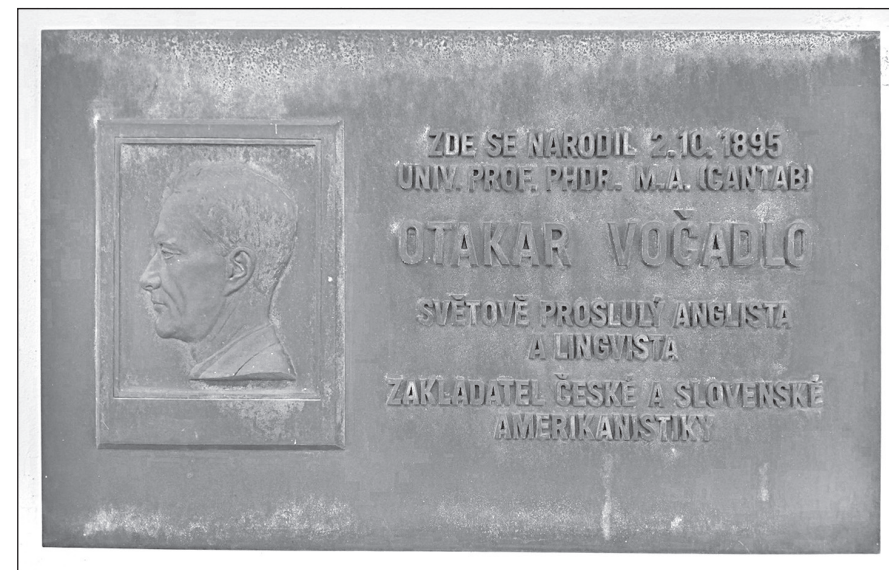
Obálka publikace *Jazykový separatismus s hlediska světového*

vanského – zmiňuje rozluky Slováků od Čechů a Malorusů/Ukrajinců od Rusů.⁹

Dále vysvětluje, že spisovný jazyk je nutné kvůli kodifikovanosti, a tedy určité míře petrifikace, odlišnosti od jazyka mluveného se učit. Pochybuje však o kognitivních schopnostech obou národnostních skupin: „*O Malorusech je známo, že pokud se vzdělání týče, staví se na poslední místo mezi Slovany a pro vytvoření karpatské ruštiny se tuším uvádí psát co nejlépe jazykem zanedbaným horalům*“. Úvodní myšlenku uzavírá O. Vočadlo douškou z autopsie, že spisovná (velko)ruština může být srozumitelná i v nejzazší maloruské/ukrajinské vsi pod silným vlivem polštiny, záleží jen na jistém stupni inteligence mluvčích.¹⁰

Nadbytečnou rozrůzněnost spisovných jazyků u Slovanů vysvětluje jako nepochopení funkce spisovného jazyka hegelíanskými romantiky 19. století, kteří si prý neuvědomovali, že nářečí jako slovenština či maloruština/ukrajinština jsou sice bohatá na lidovou frazeologii, ale chudá na abstrakta, nutná pro beletristický a vědecký styl, navíc trpí často paralelismy, dubletami jako např. při skloňování slova *oko* v maloruštině/ukrajinštině.¹¹ Normativní gramatika spisovného jazyka podle O. Vočadla způsobí, že „*štávnatá*“ nářečí budou pohlcena „*papírovým kompromisem*“ – „*zpěvným dialektům maloruským je také odzvoně-*

O. Vočadlo uznává, že se právo na samostatný spisovný jazyk dá uhájit vždy, protože pro ni chybí objektivní kritérium, jen jedno kritérium je „*spolehlivé*“ a tím je literární tradice. Upozorňuje, že ale ani toto kritérium ještě nezakládá jazyk jako spisovný, uvádí skotštinu a provensálštinu, jež mají bohatou literární tradici, sahající až do středověku, ale pozici spisovného jazyka přenechaly angličtině a francouzštině. Uvádí, že genezi spisovného jazyka si vyžádaly kromě potřeb literární a náboženské, také faktory administrativní a geografické, přičemž ale často právě velcí spisovatelé dodali těmto jazykům prestiž potřebnou pro pozici spisovného jazyka.⁸ Politické potřeby spisovnosti jsou podle O. Vočadla často „*mocnou zbraní v rukou separatistů*“, kteří tak v dějinách způsobili rozpad národů ruského, československého a jihoslo-

Pamětní deska Otakaru Vočadlovi na jeho rodném domě v Klatovech
(foto David Franta, 28. 10. 2024)

no“.¹² Ustavováním spisovných jazyků se také prý plýtvá energie a někteří z experimentátorů v 19. století načas váhali, zda se nevrátit k původním jazykům, jako např. maloruský/ukrajinský básník Taras Ševčenko (1814–1861).

Slovanská roztříštěnost je podle O. Vočadla nepochopitelná pro západní lingvisty, z nichž např. Antoine Meillet (1866–1936), profesor slavistiky na Collège de France, se nesouhlasně vyjádřil ke slovenskému i maloruskému/ukrajinskému schizmatu.¹³ V dalších odstavcích O. Vočadlo srovnává slovanský separatismus s jazykovou situací v západní Evropě. Tam totiž panuje hlubší vědomí o jazykové jednotě než u Slovanů, kteří se tak kvůli své nevědomosti stali „*loutkami v rukou výbojných sousedů, kteří si je takřka rozebrali*“, přičemž jazykové rozdíly např. mezi dolní němčinou jsou o poznání markantnější než mezi maloruštinou/ukrajinštinou a (velko)ruštinou.¹⁴ Uznává ozvláštňující funkci nářečních prostředků i v klasické literatuře, vždyť i velký ruský spisovatel Nikolaj Vasiljevič Gogol (1809–1852) „*neskrblil maloruskými slovy*“.¹⁵

Sumarizuje, že v romantismu vznikla sice všeslovanská myšlenka, ale také partikularismus, kvůli němuž „*stmelený ruský národ počal se zase rozpadávati*“. Opakuje nicméně, že tvrzení např., že Malorus/Ukrajinec či Bělorus jsou zvlášť-

8 Tamtéž, s. 4.

9 O. Vočadlo není v pojmenování etnik a jazyků vždy koherentní, proto v analýze uvádíme i dublety, aby náš vlastní text koherentní zůstal.

10 VOČADLO, O. (1935). *Jazykový separatismus s hlediska světového. Příspěvek ke slovenské otázce*. Praha: Nové Čechy, s. 5.

11 Tamtéž, s. 6.

12 Tamtéž, s. 7.

13 Tamtéž, s. 8.

14 Tamtéž, s. 9.

15 Tamtéž, s. 11.

ními národy, přestože s tím údajně většina filologů nesouhlasí, je obhajitelné, protože existuje jistá jejich literární tradice, podpořená navíc velkým počtem mluvčích, a dodává: „*Ale co říci, tvoří-li se zvláštní spisovný jazyk pro podkarpatské Rusy, jichž není ani půl milionu.*“ O. Vočadlo upozorňuje také na pocit sounáležitosti jednotlivce k danému národu, ale kraj Podkarpatské Rusi je podle jeho názoru natolik primitivní, že „nelze očekávat veliké [národní] uvědomění“.¹⁶ Na milost bere ještě dětské čítanky, díky nimž si mohou žáci osvojit maloruskou/ukrajinskou ortografii snáze než (velko)ruskou, ale i tak v tomto ústupku spatřuje možný zárodek dalších „zbytečných svárů“. „*Neuvědomí-li si větve maloruské a běloruské svou souvislost s ruskou kulturou, nemá-li pro ně přitažlivost literatura, před kterou se v obdivu sklání celý svět, je to k jejich vlastní škodě, zřikají se tím velkého kulturního bohatství.*“¹⁷ Vysvětluje na osobě literáta N. V. Gogola, že je zároveň ruským klasikem a zároveň věrným Malorusem, který vylíčil život tamějších kozáků a ostře vystupoval v souboru povídek nazvaných podle vesnického dějiště *Mirgorod* proti maloruským/ukrajinským renegátům.

Další příčiny v rozštěpení (velko)ruského národa vidí O. Vočadlo např. v náboženských poměrech, kdy někteří uherští Malorusové (Rusíni) přistoupili k uniatství (církvní unii s římskokatolickou církví) a mezi nábožensky jednotné katolické Poláky a pravoslavné Rusy byl „*chytře vsunut klín národa ukrajinského, v němž rozdmýchána nenávisť na obě strany*“.¹⁸ Viní politiku Ústředních mocností, zejména Rakouska-Uherska z rozkolu mezi Malorusy/Ukrajinci a (Velko)rusy za 1. světové války, když pod heslem osvobození Ukrajiny byly financovány ukrajinské legie proti „*ruským bratrům*“. O. Vočadlo vzpomíná, jak tehdy s maloruským/ukrajinským přítelem za tmy navštívil zapadlou haličskou vesnici, jejíž obyvatelé – Rusíni, čtoucí ruskou literaturu – byli „*rakouskou soldateskou*“ odvečeni neznámo kam.¹⁹ O. Vočadlo přesto bere existenci ukrajinského národa za fakt, s nímž se musí počítat,²⁰ ale na druhou stranu opět připomíná, že literatura vzniká v určitém časoprostoru, je sycená čtenářským zájmem a tvořená jazykovým kódem, materiálem, jenž se také podílí na světovosti dané literatury, „*proto je-li mezi Karpatorusy nebo Bělorusy veliký duch světový, nebude psát lidomluvou svého kraje, nýbrž užije světového jazyka ruského vybroušeného jako Gogol*“.²¹ Lidstvo podle O. Vočadla stejně spěje jednoznačně k jednotě, „*rýsuje se veliká synthesisa spojeného Slovanstva*“, sní o Spojených státech evropských, dokonce o jednom světovém státě.²²

Jazykový separatismus klasifikuje O. Vočadlo do čtyř typů: Folklore (nářečí) + Subaltern (podřízenost) + Equality (rovnocennost) + Schism (úplný roz-

16 Tamtéž, s. 12.

17 Tamtéž, s. 13.

18 Tamtéž, s. 14.

19 Tamtéž, s. 15.

20 Tamtéž, s. 16.

21 Tamtéž, s. 18.

22 Tamtéž, s. 19.

kol), jenž je charakterizován roztržením kulturní jednoty a nepřátelstvím vůči jednotlicímu jazyku, např. ukrajinština vůči ruštině.²³ Klade si otázku, jak bude vlastně budoucnost Slovanů, zda se Ukrajinci vrátí k velkoruštině, společnému spisovnému jazyku. Odpovídá si negativně, ale doporučuje Ukrajincům, aby nepředstírali, že „*Gogolův jazyk jim je cizí*“.²⁴ V dalších odstavcích opakuje a rozhojňuje informace o maloruském/ukrajinském rozkolu: jejich separatismus se opírá o neověřitelnou hypotézu o kultuře Kyjevské Rusi jako o předchůdkyni kultury ukrajinské, nikoliv (velko)ruské/moskalské. Domnívá se, že pro západní Evropany je maloruština/ukrajinština zbytečná: např. Hermann Diels (1848–1922), profesor klasické filologie z Humboldtovy univerzity v Berlíně, neuváděl Malorusy/Ukrajince jako samostatný slovanský národ. Podle O. Vočadla je vztah Rusů k Malorusům/Ukrajincům úmyslně zkreslován – ve skutečnosti Malorusové/Ukrajinci získávali podporu ruských učenců, kteří nepopírali rozdíly mezi oběma typy jazyků, počítali T. Ševčenka do ruské literatury a např. rusista Alexej Alexandrovič Šachmatov (1864–1920), člen Petrohradské akademie věd, měl sympatizovat s maloruským/ukrajinským hnutím. O. Vočadlo, stoupenec masarykovské politiky, ale také zmiňuje, že československý stát podporuje emancipaci Rusínů.²⁵

Svůj text, sepsaný roku 1923, zakončuje O. Vočadlo nabádací pointou, že by se Slované „*měli naučit zdůrazňovat spíše[,] co je navzájem spojuje*“, a odmítnutím dalšího potenciálního „*vyrábění umělých spisovných jazyků*“. Poslední věty tohoto textu znějí: „*Či přinese vytoužená svoboda ještě rozkvět slonozáčtiny a šaryštiny vedle několika karpatských ruštin? Apage, satana!*“

V dodatku z roku 1935 se k našemu tématu zmiňuje jen o jazykové mapě od Luciena Tesnière (1893–1954) k Meilletovu jazykovému slovníku z roku 1928, kde sice není vyznačena dolní němčina či provensálština, ale zato je výrazně oddělena maloruština/ukrajinština a běloruština od (velko)ruštiny. Tento „*francouzský bloud*“ pak přebírá i odborná literatura anglosaské provenience.²⁶

Vočadlův monografický spis, resp. jeho první verze z roku 1923, nezůstal v dobovém diskursu nepovšimnut. Recenze na něj a zprávy o něm byly vesměs pozitivní. O. Vočadlo prý stručně a srozumitelně vysvětlil problematiku jazykového separatismu, což má být otázka „*životně důležitá také pro náš stát na Slovensku a Podkarpatské Rusi*“.²⁷ Útlý spis je doporučován čtenářům k prostudování, protože vysvětluje napětí mezi slovanskou divergencí a konvergencí zejména na příkladu česko-slovenského a velkorusko-ukrajinského separatismu.²⁸ Básník a konzervativní politik Viktor Dyk chválí Vočadlův text, proto-

23 Tamtéž, s. 20.

24 Tamtéž, s. 21.

25 Tamtéž, s. 26.

26 Tamtéž, s. 32.

27 [?] (1923). Literatura. In: *Šumavan* 55, č. 33, 28. 4., s. [5].

28 ROČEK, A. (1923). Dr. O. Vočadlo, Slovanská nesvornost. Jazykový separatismus u Slovanů a jinde.

že se s jeho obsahem a vyzněním z velké části ztotožňuje, jak dokládá tezemi ze své přednášky o tradici, již pronesl v Umělecké besedě v listopadu 1922; polemizuje však s Vočadlovými prognózami o potřebě „výroby velkonárodů“. Vočadlův článek si podle jeho názoru „zaslouží větší pozornosti, nežli které dosáhl“.²⁹ Dokonce i literární vědec Arne Novák, jenž odmítl jinou Vočadlovu monografickou esej *V zajetí babylonském* jako nevědeckou a oportunistickou, praví, že text o jazykovém separatismu je „bystře psaný“.³⁰

Vočadlova monografie neušla pozornosti ani v zahraničí. Britský filolog Norman Brooke Jopson napsal, že „tato drobná práce“, týkající se mj. i problematiky Ukrajinců (Ruthenů), „bude čtena s užitkem, ne snad proto, že by měla praktický dopad na slovenskou otázku, ale protože představuje poučný příspěvek k literatuře o užívání nářečí a pomáhá řešení problémů týkajících se nárůstu spisovných jazyků obecně“.³¹ Také v literární příloze anglického periodika *The Times* byla Vočadlova publikace zhodnocena jako cenný, myšlenkově originální a podněcující příspěvek ke srovnávací jazykově, jež svědčí o autorově důvěrné znalosti evropských jazykových podmínek.³² André Mazon, profesor slavistiky na Collège de France, napsal, že „Vočadlo právem, objektivně a energicky soudí jazykový separatismus, který má tendenci tak nepříjemně znásobovat rozdělení ve slovanském světě“.³³

Nejkritičtější z hodnotitelů tohoto Vočadlova spisu byl tehdy začínající slavista Miloš Noha. Vočadlovu textu vytkl formální nedostatky jako nedostatečné referování ke zdrojům, opakování myšlenek, slabou textovou koherenci, ale také absenci „jasného výkladu“, věcnou mezerovitost a faktické nepřesnosti, přesto stejně jako O. Vočadlo dospěl k témuž závěru, a sice že slovanský sepa-

Hrob Vočadlovy rodiny v Klatovech
(foto David Franta, 3. 12. 2022)

ratismus je „něco nezdravého“ a jeho příčiny je nutné hledat v politické a ekonomické sféře; k Vočadlovu uchopení maloruské/ukrajinské a rusínské látky se ale explicitně ve své recenzi nevyjádřil.³⁴

Vočadlův vztah k maloruštině/ukrajinštině a karpatské ruštině/rusínštině byl utvářen zejména jeho postojem k ruštině a ruské literatuře. Ruštinu se prý O. Vočadlo naučil již za gymnazijních studií jako pátý cizí jazyk (dodejme jen, že angličtinu, jež byla později i rodilými mluvčími hodnocena jako bezchybná, se učil až jako svůj sedmý cizí jazyk).³⁵ Podle Vočadlovy manželky Ludmily (1895–1982) byla ruština dokonce jeho nejoblíbenějším cizím jazykem vůbec.³⁶ Ruština ovšem nepatřila ve vzdělávacím systému Rakouska-Uherska k povinným, ba ani nepovinným školním předmětům. Ze vzpomínek Vočadlova staršího spolužáka, jenž studoval na klatovském gymnáziu v letech 1874–1881, víme, že jeho „pilný a svědomitý“ učitel Václav Markalous (1847–1905) si vybíral nadějně žáky a motivoval je k tomu, aby se soukromě učili slovanským jazykům, především srbštině, ruštině a polštině.³⁷ V. Markalous však již roku 1883 odešel vyučovat na gymnázium do Chrudimi; O. Vočadlo na klatovském gymnáziu studoval až v letech 1906–1914.

Možná základy ruštiny pochytil O. Vočadlo od Eduarda Kohlíka, jenž na téže ústavu maturoval o rok dříve. Budoucí asistent Fyziologického ústavu na pražském Albertově se totiž narodil ve Vrchnačce/Verchniačce na Rusi,³⁸ což je v současnosti město Verchnjačka (ukr. Верхнячка) v Čerkaské oblasti na Ukrajině, o jehož rozvoj se zasloužili v 19. století mj. čeští cukrovarníci. Možná se O. Vočadla ve vyučování ruštině ujal sám jeho otec Vilém, jenž na téže škole vyučoval cizím jazykům, kterých prý ovládal neuvěřitelných 24. Ostatně Vočadlova rodina patřila k těm jazykově nadaným. Dědeček O. Vočadla Jan byl prvním docentem francouzštiny na Karlo-Ferdinandově univerzitě v Praze a v dospělém věku se naučil hovořit maďarsky, polsky a rusky. Knihovna jeho bratra Františka v Karlových Varech disponovala knihami v různých jazycích, včetně ruštiny.³⁹

Otec O. Vočadla byl navíc jistou dobou i správcem gymnazijní profesorské a žákovské knihovny. Po analýze výročních zpráv klatovského gymnázia od školního roku 1881/1882 do maturity O. Vočadla jsme nezjistili, že by tato

O vzniku spisovných jazyků. Slovanská jednota. In: *Lumír* 50, č. 6–7, 12. 7., s. 380–381.

29 DYK, V. (1923). Separatism slovanský. In: *Lumír* 50, č. 8, 4. 10., s. 404–410.

30 NOVÁK, A. (1924). Zprávy. In: *Český časopis historický* 30, s. 183.

31 JOPSON, N. B. (1923). Slovanská Nesvornost. In: *The Slavonic Review*, Vol. 2, No. 4, pp. 462–463. V originále: „The little work will be read with profit, not perhaps so much because it will have a practical bearing on the Slovak question, but because it is an instructive addition to the literature on dialect use and helps a solution of the problems bearing on the growth of literary languages in general“; „the questions of Ukrainian (Ruthenian)“.

32 VOČADLO, O. (1923–1924). Slovanská nesvornost. In: *Nové Čechy* 7, č. 6, 26. 2. 1924, s. 220–221.

33 MAZON, A. (1923). Publications. In: *Revue des études slaves*, Vol. 3, No. ¾, pp. 304–307. V originále: „Vočadlo fait avec raison, de manière à la fois objective et énergique, le procès du séparatisme linguistique qui tend à multiplier si fâcheusement les divisions dans le monde slave“.

34 NOHA, M. (1923). O slovanském separatismu jazykovém. In: *Lidové noviny* 31, č. 610, 5. 12., s. 7.

35 HODEK, B. (1998). Český vzdělanec Otakar Vočadlo. In: *Zpravodaj Společnosti bratří Čapků* 37, s. 57–61, zde s. 57.

36 VOČADLOVÁ, L. (1980). Nic lepšího nepřeji ani Vám... In: *Naše rodina* 13, č. 40, 1. 10., s. 9.

37 SCHAUER, A. (1912). Vzpomínky. In: Vančura, J. (ed.). *Almanach vzpomínek býv. žáků gymnasia klatovského. Na oslavu 100letého jubilea znovuotevření tohoto ústavu*. Klatovy: Knihotiskárna Ot. Čermáka, s. 83–86, zde s. 86.

38 Státní okresní archiv Klatovy (dále SOKA Klatovy), fond Vrchlického gymnasia Klatovy (1812–1953), *Výroční zpráva c. k. státního reálného gymnasia v Klatovech vydaná za školní rok 1913–1914*, inv. č. 2009, s. 63.

39 NOVÁK, O. (1970). První český docent francouzského jazyka. In: *XII. ročenka Kruhu moderní filologie při Československé akademii věd a Krúžku moderných filológov při Slovenskej akademii vied za rok 1969 a 1970*. Praha – Bratislava, s. 2–6.

knihovna obsahovala jakýkoliv ruskojazyčný text, nicméně gymnázium postupně zakupovalo pro žákovskou knihovnu tituly ruských autorů. Mezi prvními doloženými to byla románová epopej *Vojna a mír* od Lva Nikolajeviče Tolstého (ve školním roce 1889/1890 a 1890/1891), jež patřila k nejpůjčovanějším knihám vůbec⁴⁰ a byla i žáky vyhledávaným tématem povinných řečnických cvičení a součástí soukromé, ale kontrolované četby. Od L. N. Tolstého se ve sledovaném období objevily v žákovské knihovně klatovského gymnázia další prózy: *Statkářovo jitro*, *Anna Karenina*, *Kavkazský zajatec*, *Válečné obrazy sevastopolské* aj. Dalšími zastoupenými ruskými spisovateli byli např. N. V. Gogol, Alexandr Sergejevič Puškin, Ivan Sergejevič Turgeněv, Fjodor Michajlovič Dostojevskij, Vladimir Ivanovič Němirovič-Dančenko, Vlas Michajlovič Doroševič, Alexandr Ivanovič Kuprin, Vasilij Vasiljevič Věreščagin nebo Olga Ivanovna Šmidt-Moskvitinová. Žáci klatovského gymnázia se seznamovali s ruskými reáliemi a stylizací ruských látek také prostřednictvím české literatury, zejména *Slávy dcery* od Jana/Jána Kollára a *Ohlasů písní ruských* od Františka Ladislava Čelakovského, jejichž pečlivou četbu pak profesori testovali formou písemných prací. Taková témata s uvedením slohového útvaru v závorce pak zněla např. *Ilja Muromec (Charakteristika dle stejnojmenné básně Fr. L. Čelakovského)*⁴¹ nebo *Ilja Volžanin pobytem u matky Volhy (Líčení)*.⁴²

Karel Rupert si v septimě školního roku 1913/1914 zvolil za téma povinného řečnického cvičení *Počátky maloruské literatury*.⁴³ O oblibě ruštiny a ruské literatury a o živé myšlence slovanské vzájemnosti mezi gymnazijními studenty v Klatovech oné doby svědčí studentský časopis vydávaný aktivními septimáky ve školním roce 1895/1896. V článku podepsaném jménem Vlastislav, pod nímž se skrýval, jak odhalil v posledním čísle, Josef Veselý, se nabádá ke studiu moderních jazyků, zejména francouzštiny, a píše se v něm, že pro Slované je důležitým jazykem také ruština. „*Kdyby uskutečnila se myšlenka o zavedení jazyka všeslovanského, byl by jím zajisté ruský.*“⁴⁴

S ruštinou „naživo“ se ale jistě setkal O. Vočadlo za první světové války, do níž musel jako student Filozofické fakulty Univerzity Karlovy v Praze v roce 1916 narukovat. Byl přidělen do zajateckého tábora v Mostě jako tlumočnick z pěti jazyků, včetně ruštiny. S ruskými zajatci udržoval potají nadstandardní vztahy, o jedné „noční besedě“ v březnu 1917 jim oznámil, že jejich car byl svržen, přičemž se všichni přítomní, včetně O. Vočadla za zpěvu *Marsellaisy* a

40 SOKA Klatovy, fond Vrchlického gymnasia Klatovy (1812–1953), *Výroční zpráva c. k. státního reálného gymnasia v Klatovech vydaná za školní rok 1906–1907*, inv. č. 2002, s. 35.

41 Tamtéž, *Výroční zpráva c. k. státního reálného gymnasia v Klatovech vydaná za školní rok 1908–1909*, inv. č. 2004, s. 40.

42 Tamtéž, *Výroční zpráva c. k. státního reálného gymnasia v Klatovech vydaná za školní rok 1909–1910*, inv. č. 2005, s. 24.

43 Tamtéž, *Výroční zpráva c. k. státního reálného gymnasia v Klatovech vydaná za školní rok 1913–1914*, inv. č. 2009, s. 46.

44 Vlastislav [= VESELÝ, J.] (1895). Studujeme jazyky moderní. In: [studentský časopis c. k. gymnasia v Klatovech vydávaný studenty třídy] VII, č. 1, 7. 10., s. 8–13, zde s. 12.

Dubinušky neubránili slzám ani polibkům. Od svých ruských přátel měl obdržet vyřezávanou skříňku a jídelní příbor s nápisem *На память войны (Na pamjat' vojny)*.

Znalost ruštiny mu pak ulehčila trápení za 2. světové války, kdy byl internován jako germanofob a panslavista nejdříve v Terezíně a následně v Osvětimi a Buchenwaldu. V Terezíně za něho spoluvězni vykonávali úkony spjaté s fyzickou prací nebo řemeslnou zručností, jíž jeho vědecký duch neoplýval, a na oplátku je vyučoval ruštině a angličtině. V Buchenwaldu tajně, ale po prověrce učiněné zajatými sovětskými důstojníky vyučoval zavlčené ruské děti vlastivědě SSSR a ruské literatuře.⁴⁵ K dalším aspektům svého potýkání s ruskou kulturou se vyznal ve vzpomínkách z roku 1957.⁴⁶

Tato konstelace, tj. osobní zkušenost O. Vočadla s rusky hovořícími jedinci, pochvalné úsudky o světovosti ruské literatury a obliba ruského jazyka, musela jistě ovlivnit jeho odmítavý postoj ke snahám Ukrajinců a Rusů o vlastní spisovný jazyk. Minul se tak v ruthenistických otázkách s Antonínem Hartlem (1885–1944), velkým propagátorem rusínského jazyka, literatury a kultury v Československu,⁴⁷ nejen na chodbách klatovského gymnázia (A. Hartl maturoval 18.–20. července 1906, 19. září 1906 do primy nastoupil O. Vočadlo), ale především ideově.

Při vzniku práce studie byly využity zdroje výzkumné infrastruktury Česká literární bibliografie – <https://clb.ucl.cas.cz/> (kód ORJ: 90243).

LITERATURA

Státní okresní archiv Klatovy, fond Vrchlického gymnasia Klatovy (1812–1953).

Archiv Vlastivědného muzea Karla Hostaše v Klatovech, Osobní fond, složka Otakar Vočadlo, *Curriculum ve zkratce, se zřetelem k zahraniční činnosti a slovanským stykům*.

[?] (1923). Čítárna. In: *Čas* 33, č. 6, 10. 1., s. 2–3.

[?] (1923). Literatura. In: *Šumavan* 55, č. 33, 28. 4., s. [5].

DYK, V. (1923). Separatism slovanský. In: *Lumír* 50, č. 8, 4. 10., s. 404–410.

FRANTA, D. (2025). Kulturní orientace Otakara Vočadla jako předpoklad jeho aktivit při zakládání československého centra PEN klubu. In: *České centrum mezinárodního PEN klubu (= Literární archiv 57)*. Praha: Památník národního písemnictví – Muzeum literatury (v tisku).

45 VOČADLOVÁ, L. (1980). Nic lepšího nepřeji ani Vám... In: *Naše rodina* 13, č. 40, 1. 10., s. 9.

46 Archiv Vlastivědného muzea Karla Hostaše v Klatovech, Osobní fond, složka Otakar Vočadlo, *Curriculum ve zkratce, se zřetelem k zahraniční činnosti a slovanským stykům*.

47 FRANTA, D. (2024). Od západu na východ. Ruthenistické dílo Antonína Hartla zejména v kontextu vazeb na Vladislava Vančuru. In: Koporová, K. (ed.). *Studium Carpatho-Ruthenorum 2024. Štúdie z karpatorusínstiky 16*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, s. 17–31.

- FRANTA, D. (2024). Od západu na východ. Ruthenistické dílo Antonína Hartla zejména v kontextu vazeb na Vladislava Vančuru. In: Koporová, K. (ed.). *Studium Carpatho-Ruthenorum 2024. Štúdie z karpatorusistiky* 16. Prešov: Prešovská univerzita v Prešove – Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry, s. 17–31.
- HODEK, B. (1998). Český vzdělanec Otakar Vočadlo. In: *Zpravodaj Společnosti bratří Čapků* 37, s. 57–61.
- JOPSON, N. B. (1923). Slovanská Nesvornost. In: *The Slavonic Review*, Vol. 2, No. 4, pp. 462–463.
- LEBEDA, J. (1998). Sorabika a sorabistická korespondence. In: *Opera Slavica* 8, č. 1, s. 18–24.
- LEBEDA, J. (1981). Propagátor Lužických Srbů Otakar Vočadlo. In: *Slavia* 50, č. 3–4, s. 359–365.
- [MÁGR, A. S. (?) (1923). Die slavische Uneinigkeit. In: *Prager Presse* 3, 1923, č. 111, 24. 4. odpolední vyd., s. 4; č. 112, 25. 4. odpolední vyd.; č. 113, 26. 4. odpolední vyd., s. 4.
- MAZON, A. (1923). Publications. In: *Revue des études slaves*, Vol. 3, No. ¾, pp. 304–307.
- NOHA, M. (1923). O slovanském separatismu jazykovém. In: *Lidové noviny* 31, č. 610, 5. 12., s. 7.
- NOVÁK, A. (1924). Zprávy. In: *Český časopis historický* 30, s. 183.
- NOVÁK, O. (1970). První český docent francouzského jazyka. In: *XII. ročenka Kruhu moderní filologie při Československé akademii věd a Krúžku moderných filológov při Slovenskej akademii vied za rok 1969 a 1970*. Praha – Bratislava, s. 2–6.
- ROČEK, A. (1923). Dr. O. Vočadlo, Slovanská nesvornost. Jazykový separatismus u Slovanů a jinde. O vzniku spisovných jazyků. Slovanská jednota. In: *Lumír* 50, č. 6–7, 12. 7., s. 380–381.
- SCHAUER, A. (1912). Vzpomínky. In: Vančura, J. (ed.). *Almanach vzpomínek býv. žáků gymnasia klatovského. Na oslavu 100letého jubilea znovuotevření tohoto ústavu*. Klatovy: Knihtiskárna Ot. Čermáka, s. 83–86.
- Vlastislav [= VESELÝ, J.] (1895). Studujme jazyky moderní!. In: [studentský časopis c. k. gymnasia v Klatovech vydávaný studenty třídy] *VII*, č. 1, 7. 10., s. 8–13.
- VOČADLO, O. (1922–1923). Slovanská nesvornost. Jazykový separatismus u Slovanů a jinde. In: *Nové Čechy* 6, 1922–1923, č. 2, 1. 11. 1922, s. 69–72; č. 4, 19. 12. 1922, s. 133–143; č. 5–6, 31. 1. 1923, s. 195–201; č. 9–10, 15. 6. 1923, s. 290–292.
- VOČADLO, O. (1923–1924). Slovanská nesvornost. In: *Nové Čechy* 7, č. 6, 26. 2. 1924, s. 220–221.
- VOČADLO, O. (1923). *Slovanská nesvornost. Jazykový separatismus u Slovanů a jinde*. Praha: Nové Čechy (= Rozpravy, 16. sv.).

- VOČADLO, O. (1935). *Jazykový separatismus s hlediska světového. Příspěvek ke slovenské otázce*. Praha: Nové Čechy.
- VOČADLOVÁ, L. (1980). Nic lepšího nepřeji ani Vám. In: *Naše rodina* 13, č. 40, 1. 10., s. 9.
- VOČADLOVÁ, L. – BRADBROOK, B. R. (1996). Bibliography of Professor Otakar Vočadlo's Published Work / Soupis prací univ. profesora dr. Otakara Vočadla. In: *Acta Universitatis Carolinae – Philologica 2. Prague studies in English XXI*, pp. 19–41.

PhDr. Mgr. David Franta, Ph.D.
Západočeská univerzita v Plzni
Fakulta pedagogická
Katedra českého jazyka a literatury
Veleslavínova 42
301 00 Plzeň
Česká republika

psenice1@kcj.zcu.cz

INSTRUMENTÁL 1. DEKLINACE SUBSTANTIV V RUSÍNSKÉM JAZYCE NA MATERIÁLU NEJSTARŠÍCH RUSÍNSKÝCH PAMÁTEK

Anastasija Iljinična FRANTA

Abstract

The study is devoted to the development of instrumental case endings of first-declension nouns in the Rusyn language. It is based on examples from the oldest Rusyn texts, as well as historical phonetics and dialectology. A comparison is made with the development of the instrumental case in Russian and Ukrainian.

Keywords: instrumental case, noun declension, Rusyn language, historical morphology, dialectology.

V současné spisovné rusínštině do 1. deklinace patří jména podstatná rodu ženského a mužského s koncovkou -a/-я v nom. sg., jejich tvar instr. sg. má koncovku -ов/-ев (-оу/-‘оу) v závislosti na typu deklinace (tvrďém n. měkkém): *женов, землєв*.¹

Co se týká nářečních variant tvaru f. sg. instr. 1. deklinace, lze spatřit následující koncovky: -ов/-ев v Podkarpatské Rusi,² -ов/-ев v Prešovské Rusi,³ -ом (*мухом, земльом*) v Lemkovině,⁴ -ом (*женом*) v Maďarsku,⁵ -у/-ю (*школу, вишню*) ve Vojvodině,⁶ v posledním případě zřejmě dochází k pádovému synkretismu f. sg. acc. = f. sg. instr. v paradigmatu.

Spisovná ukrajinština zachovává koncovky -ою/-єю ze staroruského jazyka pro tvrdou a měkkou deklinaci, v početných západních nářečích koncovka -ою vystupuje také u substantiv měkké deklinace: *земльою, долоньою*. Koncovky -ов/-ев, -ом jsou přítomny v řadě západních nářečí – haličských, zakarpatských, naddněsterských: *земльов, землєв, земльом*.⁷ V severních nářečích

lze spatřit koncovku -ой/-ей (*хатой, землеј*): bezpřízvučné konečné -u zaniklo, -j se proměnil v -і; v severozápadních nářečích existuje varianta koncovky s neslabičným -ь (*хатоь, душеь*): po zániku intervokálního -j- konečné -y ztratilo slabičnost.⁸

I. J. Taranenko v historické mluvnici ukrajinštiny předpokládá takovou cestu vzniku koncovek -ов/-ев: rukoju, zemleju > rukou, zemleu (-j- zanikl v intervokální pozici) > rukoу, zemлеу (samohláska *u* na konci ztratila slabiční povahu, což se projevilo v grafice: *руков, землев*).⁹ Tím se nejspíše myslí, že po ztrátě -j- konečná hláska *u* ztratila slabičnost a nabyla bilabiální povahy ve výslovnosti (což může být příznačné také pro hlásku *v*), proto jejím grafickým odrazem se mohlo stát písmeno *v*. Koncovka -ом v f. sg. instr. 1. deklinace se vysvětluje vlivem tvaru m. sg. instr. 2. deklinace: *братом*.¹⁰

Jinou možnost odůvodnit průnik koncovky -ом do systému f. sg. nabízí J. Dudášová-Křiššáková pro rusínské dialekty, ve kterých se tato koncovka rozšířila na úkor původní (západní část lemkovských nářečí na slovenské straně, na polské straně, v příhraničních západních oblastech jihozápadních nářečí na ukrajinské straně, „osobitý areál tvoří pádová přípona -ом v západopodolských nářečích“), při čemž se tvary na -ом vyskytují již ze začátku 17. stol. v rusínsko-ukrajinských památkách z Lemkoviny: lze v tom vidět vliv malopolských nářečí, v nichž lze pozorovat rozložení nosové hlásky na vokál a nazál, tj. *o* > *om*: *žonq* > *žonom*.¹¹

J. Bičovský rekonstruuje PIE koncovku instrumentálu u substantiv *ā-kmenů (přesněji u kmenů na laryngál) jako *-éh₂-(e)h₁.¹² F. F. Fortunatov nabízí jiné rekonstrukce téhož tvaru u derivovaných kmenů: u kmenů na -ā⁰/ -ā^e zakončení instr. sg. -ā⁰-n s nekrátkým a pohyblivým n (-ā⁰ na konci kmenu je součástí -ā⁰), u kmenů na *-ā^aīā^a zakončení instr. sg. *-ā^aīā^a-n s nekrátkým a pohyblivým n, u kmenů na *-ā^a (možná z *-ā^aī) zakončení instr. sg. *-ā^a-n s nekrátkým pohyblivým n, u nářečních kmenů na *-ā^e po -i- nebo -і- jsou možná dva zakončení instr. sg.: 1) *-ā^eīā^a-n s nekrátkým pohyblivým n, 2) *-ā^e-n s nekrátkým pohyblivým n.¹³

Předpokládané konečné -n vysvětluje nosovost koncovky f. sg. instr. *ā-kmenu v praslovanštině a později v staroslověnštině. Pro staroslověnštinu F. F. For-

1 ПЛІШКОВА, А. – КОПОРОВА, К. – ЯБУР, В. (2019). *Русинський язык. Комплексний опис мовної системи в контексті кодифікації*. Видання перше. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity. ISBN 978-80-555-2243-2. s. 129–130.

2 МАГОЧІЙ, П. Р. ed. – БЕНЕДЕК, Г. – ВАНЬКО, Ю. – ДУЛІЧЕНКО, А. – ДУЦЬ-ФАЙФЕР, О. – КЕРЧА, І. – МАГОЧІЙ, П. Р. – ПЛІШКОВА, А. – РАМАЧ, Ю. – РІГЕР, Я. – ФЕЙСА, М. – ФОНТАНСЬКИЙ, Г. – ЯБУР, В. (2004). *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. ISBN 83-86881-38-0. s. 131.

3 Tamtéž s. 168.

4 Tamtéž s. 229–230.

5 Tamtéž s. 272.

6 Tamtéž s. 287.

7 БЕЗПАЛЬКО, О. П. – БОЙЧУК, М. К. – ЖОВТОБРИХ, М. А. – САМІЙЛЕНКО, С. П. – ТАРАНЕНКО, І. Й. (1962). *Історична граматика української мови*. 2-е видання. Київ: Державне учбово-педагогічне видавництво «Радянська школа». s. 205.

8 КРИЖАНІВСЬКА, О. І. (2010). *Історія української мови. Історична фонетика. Історична граматика*. Київ: Академія. ISBN 978-966-580-311-9. s. 82.

9 БЕЗПАЛЬКО, О. П. – БОЙЧУК, М. К. – ЖОВТОБРИХ, М. А. – САМІЙЛЕНКО, С. П. – ТАРАНЕНКО, І. Й. (1962). *Історична граматика української мови*. 2-е видання. Київ: Державне учбово-педагогічне видавництво «Радянська школа». s. 206.

10 Тамtéž.

11 DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, J. (2015). *Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešově – Ústav rusínskeho jazyka a kultury. ISBN 978-80-555-1294-5. s. 212.

12 BIČOVSKÝ, J. (2009). *Vademecum starými indoevropskými jazyky*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta. ISBN 978-80-7308-287-1. s. 44.

13 ФОРТУНАТОВ, Ф. Ф. (2017). *Сравнительная морфология индоевропейских языков*. Москва: Юрайт. ISBN 978-5-534-02953-6. s. 144. Základem této pozdější publikace jsou Fortunatovy vydané přednášky z let 1897–1901.

tunatov uvádí kromě standardní koncovky -ojŕ/-ejŕ, také nářeční variantu -u: rybojŕ, voľejŕ / rybu, voľu. O poslední tvrdí, že vznikla z PIE *-āṛjan, při čemž ještě v PIE zanikla hláska -ṛ- v intervokální pozici, a v PSL došlo ke kontrakci dvou vokálů. Jelikož hláska -ṛ- zanikla ještě na úrovni PIE, autor dále nabízí následující možnost vzniku koncovky *-ojŕ/-ejŕ: koncovka -oŕ v PSL dialekttech se mohla měnit v -ojŕ analogicky nejdříve v zájmené deklinaci pod vlivem tvarů jiných pádů v sg., zatím se ze zájmené deklinace mohlo rozšířit do deklinace substantiv.¹⁴ Na variantu koncovky f. instr. sg. -ж (-ŕ) (ржжж, доушж) ve staroslovenštině upozorňuje také A. A. Šachmatov,¹⁵ nevysvětluje však její původ.

R. Večerka také podotýká, že staroslověnská koncovka f. sg. instr. -ojŕ má zájmenný původ a v této podobě se zachovala jen ve východoslovanských jazycích, vývoj tohoto tvaru v jiném slovanském areálu je založen na mladších tvarech: -oŕ v srbštině a chorvatštině, také ve slovenštině, nebo dlouhé -ŕ, které mohlo vzniknout ve výsledku kontrakce z *-ojŕ, v ostatních slovanských jazycích, včetně češtiny.¹⁶

M. L. Remnjova uvádí koncovku *-m jako původní v PIE deklinaci na -ā (odkazuje na litevštinu), což by se mělo společně s tematickým vokálem vyvinout v *-ŕ v PSL, příklady této koncovky ve staroslověnsčině lze nalézt například v bulharském *Supraslském kodexu* (съ воѣводѣ, съ Ѡомѣ), avšak v tomto tvaru *ā/jā-deklinace se zakotvila koncovka *-ŕŕ / *-ŕŕŕ pod vlivem zájmenných tvaru (tojŕ, jejŕ) a stala se příznačnou pro všechna podstatná jména rodu ženského bez ohledu na typ deklinace.¹⁷

Koncovkou f. sg. instr. ve staré ruštině je -oju/-eju (роукою, душею).¹⁸ P. S. Kuzněcov zdůrazňuje, že koncovka instr. sg. ve staré ruštině jako ve slovanských jazycích všeobecně je spjatá spíše s gramatickým rodem podstatného jména než s jeho typem skloňování. Tak tvar instr. sg. u jmen podstatných rodu ženského ve staré ruštině končil na -iju, ve staroslověnsčině na -ijŕ, u rodu mužského a středního na -mъ.¹⁹ V tomto případě koncovka -om f. sg. instr. v rusínských a ukrajinských nářečích tuto tendenci porušuje a představuje tendenci k synkretismu koncovek instr. sg. u všech rodů.

V moderní ruštině je převažující koncovkou f. sg. instr. 1. (původní *ā-) deklinace -oj/-ej (-oj/-ej): -oj u slov tvrdé deklinace (рукѡй, кошкой), u

slov měkké deklinace a deklinace na sykavky a -ц pouze v přízvučné pozici (землѣй, господѡй, овицѣй), -ej u slov měkké deklinace a deklinace na sykavky a -ц v bezpřízvučné pozici (бѡшнеѣ, афишеѣ, ѣлицеѣ)²⁰. Koncovka -oj/-ej je výsledkem zkrácení koncovky -oju/-eju podle analogie v paradigmatu – aby každý pádový tvar čísla jednotného měl stejný počet slabik. Zatímco koncovka -oj/-ej značně převažuje v hovorové ruštině, koncovku -oju/-eju lze spatřit v knižní ruštině,²¹ nejširší použití má v poezii.²²

V severoruských nářečích se koncovka -oj/-ej používá buď převážně, nebo výhradně, jen v některých nářečích existuje existuje variabilita koncovek -oj/-ej a -oju/-eju. Variabilita těchto koncovek je patrná i v jihoruských nářečích, tam však je možné i převažující nebo výlučné použití starších tvarů na -oju, jak je tomu ve spisovné ukrajinštině. Stejně tak variabilita zkrácených a dlouhých koncovek je příznačná pro běloruská nářečí: -oj/-ej převažuje na severovýchodě, -oju/-eju na jihozápadě.²³

S. P. Obnorskij upozorňuje na tendenci používat ve tvarech f. sg. instr. jen jednu koncovku, tendenci vysvětluje přítomností v současné ruštině dvou variant f. sg. instr. -oju/-eju (pro *ā-deklinaci) a -ju (pro *ī-deklinaci), přičemž koncovka m./n. sg. instr. je jen jedna. Proto dochází a) k průniku koncovky -oj(u) / -ej(u) do tvaru instr. sg. bývalé *ī-deklinace (за казнеѣ, за казнею, с мышей) a b) k průniku koncovky -ju do tvaru instr. sg. bývalé *ā-deklinace (банью, вицью, с гостью, межью, неделью). Druhý proces má výlučně nářeční povahu, první měl příklady i v knižním jazyce.²⁴

V řadě ruských nářečí existuje i další varianta koncovky f. sg. instr. u jmen bývalé *ā-deklinace -uj (с палкуѣ, за коровуѣ, за малинуѣ), která je příznačná jen pro tvary s bezpřízvučnou koncovkou a jen v některých nářečích, která se vyznačují akáním,²⁵ S. K. Požarickaja doplňuje také dlouhou variantu -ujy vedle -uj (берѣзуѣ, берѣзуюѣ).²⁶ Koncovka -ev, známá v rusínštině a ukrajinských nářečích, je v ruských nářečích spíše výjimečná, S. P. Obnorskij uvádí příklady с матерьѣв, осеньѣв, нѡчьѣв, с сѡльѣв, грязьѣв, старѣхуѣ, водѣу морскѣу, vývoj koncovky vysvětluje jako fonetickou změnu еѣ < еѣ.²⁷ Lze vidět, že většina uvedených podstatných jmen ženského rodu nepatří k bývalé *ā-deklinaci. Ve většině příkladů jde pouze o grafickou podobu ruské nářeční a rusínské koncovky: v осеньѣв, с сѡльѣв, водѣу koncovku vyslovujeme jako -еѣ, v старѣхуѣ

14 ФОРТУНАТОВ, Ф. Ф. (2017). *Сравнительная морфология индоевропейских языков*. Москва: Юрайт. ISBN 978-5-534-02953-6. s. 147.

15 ШАХМАТОВ, А. А. (1957). *Историческая морфология русского языка*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. s. 70–75.

16 VEČERKA, R. (2006). *Staroslověnština v kontextu slovanských jazyků*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci – Praha: Nakladatelství Euroslavica. ISBN 80-244-0889-9 – ISBN 80-85494-711-X. s. 145.

17 РЕМНЕВА, М. Л. (2004). *Старославянский язык*. Москва: Академический проект. ISBN 5-8291-0270-6. s. 182.

18 ШАХМАТОВ, А. А. (1957). *Историческая морфология русского языка*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. s. 70–74.

19 БОРКОВСКИЙ, В. И. – КУЗНЕЦОВ, П. С. (1965). *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Наука. s. 198.

20 ШВЕДОВА, Н. Ю. ed. (1982). *Русская грамматика. Том I*. Москва: Наука. s. 489–490.

21 ОБНОРСКИЙ, С. П. (2010). *Именное склонение в современном русском языке: единственное число* / Под ред. Е. Ф. Карского. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». s. 276–277.

22 ШВЕДОВА, Н. Ю. ed. (1982). *Русская грамматика. Том I*. Москва: Наука. s. 489.

23 ОБНОРСКИЙ, С. П. (2010). *Именное склонение в современном русском языке: единственное число* / Под ред. Е. Ф. Карского. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». s. 276–277.

24 Тамтѣж s. 277–279.

25 Тамтѣж s. 284–286.

26 ПОЖАРИЦКАЯ, С. К. (2005). *Русская диалектология*. Москва: Академический проект / Парадигма. ISBN 5-8291-0613-2 / ISBN 5-902833-09-4. s. 112.

27 ОБНОРСКИЙ, С. П. (2010). *Именное склонение в современном русском языке: единственное число* / Под ред. Е. Ф. Карского. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». s. 288.

nejspíše jako -ѹх (bezpřízvučné -оу в позиции за přízvučnou slabikou), pouze příklady v *с матерієвъ, нѣчьєвъ, грязьєвъ* mají i fonetickou podobu s rusínskou koncovkou -'оу. Přestože v ruských nářečích existuje menší variabilita koncovek f. sg. instr., podle S. K. Požarické to nelze nazvat častým jevem a nemá to vliv na nářeční členění.²⁸

Koncovky f. sg. instr. 1. deklinace v rusínštině ve srovnání s týmiž tvary v ukrajinštině, ruštině a staroslověnštině, která měla vliv na vývoj všech třech jazyků, představíme v tabulce:

	rusínština	ukrajinština	ruština	staroslověnština
spisovné varianty	-ов/-ѣв (-оу/-'оу)	-ою/-ею (-оју/-еју)	-ой/-ей, -ою/-ею (-ој(у)/-еј(у))	-оѣ/-іѣ (-ојо/-ејо) -ж (-ѣ)
nářeční varianty	-ом -у/-ю	-ов/-ев (-оу/-еу) -ом -ой/-ей -оў/-еў	-ю (-ју) -уй, -ую (-уј(у)) -ев (-еу/-оу/-'оу)	

Spisovné varianty jsou také představeny v nářečích, v druhé řádce tabulky je neopakujeme, uvádíme jen další varianty.

V nejstarších památkách Karpatské Rusi (17.–18. stol.), které jsou obsaženy v Duličenkově publikaci,²⁹ byly nalezeny 2 varianty koncovky f. sg. instr. -овъ/-евъ a -ою/-ею. Analýze byly podrobeny texty světské povahy, poněvadž právě ty mohou s větší pravděpodobností reprezentovat skutečný mluvený jazyk než texty úřední nebo knižní.

Kontextů se zadaným tvarem v analyzovaných textech nebylo mnoho, většina jich tvoří ustálené konstrukce (klišé), např. „X podepsal vlastní rukou“, „X koupil tuto knihu společně s manželkou Y“, „Boží milostí pravoslavný biskup“. S ohledem na malý výběr kontextu je uvedeme zde všechny.

Koncovka -овъ/-евъ (6 tvarů f. sg. instr., 6 podstatných jmen)

- *купиемъ сїю книгу <...> (1) изъ своемъ [sic!] малъжо(н)ковъ (2) Марієвъ* (zápis v knize „Evangelium“ / «Евангеліон», Slovensko, Velké Bukovce 1690),
- *сїю грамоту дал списати <...> поповичъ ялинскіи (3) изъ своеѣ женоѣ (4) Анновъ* (zádušní zápis, Jedlinka 1767),
- *такая на^м была токѣма изъ Гаврило^м на^мкѣ^мкы^м та^и (5) изъ Шенему^и*

28 ПОЖАРИЦКАЯ, С. К. (2005). *Русская диалектология*. Москва: Академический проект / Парадигма. ISBN 5-8291-0613-2 / ISBN 5-902833-09-4. s. 110.

29 ДУЛИЧЕНКО, А. (2008). *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)*. Ужгород: Издательство В. Падяка. ISBN 978-966-387-020-5. 904 s.

ковъ (6) изъ теѣ^а Гаврилововъ (obchodní zápis 1751).³⁰

Tady můžeme uvést také jediný příklad osobního zájmena s touto koncovkou: *памятку вчинятъ за мноѡѡ* (Darovací gramota pana Ulašina Mstičovskému klášteru / Дарча грамота Улашина Мстичівському монастиреві 1654).

Zajímavé je, že přivlastňovací zájmeno v příkladu (1) má koncovku -емъ, zatímco substantivum, se kterým se shoduje, má koncovku -овъ, oproti podobnému příkladu (3), kde oba slovní tvary mají stejnou koncovku -овъ/-евъ. Může to svědčit o variabilitě koncovek v řeči autora zápisu.

Koncovka -ою/-ею (11 tvarů f. sg. instr., 6 podstatných jmen: 4x *рукою*, 2x *Милостію*, 2x *жоною*)

- **(1) Милостію Божією** Православный Епископ; **сїе (2) наше [sic!] рукою** подписанное и **(3) печатію Епископкою (!) нашею** запечатлиніе Писаніе (Gramota Iosifa Sternovy Vološinovského Andrejovi / Грамота Иосифа Стерновы Волошиновского Андрею 1674),
- **(4) рукою вся Архі Ерійско [sic!] подписати; (5) рукою власною** (Gramota Iosifa Sternovy Vološinovského diakonovi Vasiliju Tiesnevičovi / Грамота Иосифа Стерновы Волошиновского дьякону Василию Тиевевичу 1674),
- **(6) Милостію Бжією** Православный Епископ; **(7) укою [sic!] власною** (Gramota Iosifa Sternovy Vološinovského synovi faráře z Ruskova / Грамота Иосифа Стерновы Волошиновского сыну священника из Руськова 1675),
- *купил еи щеник Михаилъ Чоповский (8) изъ жоною своею (9) Феодосію* (kronikový zápis v knize „Apostol“, Zakarpatská Ukrajina, Čopivci / хроникальная запись в книге «Апостол», Закарпатская Украина, Чопівці 1636),
- *сїю книгу <...> купилъ <...> шолты(с) миковский (10) изъ жоною своею (11) Ганусією* (zápis v knize „Evangelium“ / «Евангеліон», Slovensko, Навай 1637).³¹

V uvedených kontextech vedle tvarů f. sg. instr. 1. deklinace byly vyznačeny i větné členy, které se s těmito slovními tvary shodují, tj. přídavná jména a přivlastňovací zájmena s toutéž koncovkou ve většině případů (až na 1. příklad koncovky -овъ/-евъ). Jak je zřejmé, příkladů s koncovkou -ою/-ею je více (11 oproti 6), avšak počet podstatných jmen v tomto tvaru je stejný (6), poněvadž podstatná jména s koncovkou -ою/-ею se opakují. V příkladě (9) koncovky -ою/-ею из жоною своею (9) Феодосію jde spíše o překlep, než o výskyt koncovky -ю, která, jak již bylo uvedeno, se vyskytuje ve Vojvodině (tento text pochází ze Zakarpatské Ukrajiny). Vlivem ukrajinštiny koncovku -ю bychom také nemohli vysvětlit, poněvadž se s ní v ukrajinských nářečích nesetkáme. Může

30 ДУЛИЧЕНКО, А. (2008). *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)*. Ужгород: Издательство В. Падяка. ISBN 978-966-387-020-5. s. 54–69.

31 Tamtéž.

tady jít o vliv alternativní staroslověnské koncovky, avšak v jiných tvarech f. sg. instr. se v tomto zápisu koncovka -y/-ю nevyskytuje, proto lze předpokládat spíše překlep. Ve tvaru gen. sg. tohoto jména ve stejném textu vidíme: и жены еро Феодосіеи. Možná si autor nebyl jistý, jak se toto jméno správně skloňuje v grafické podobě.

Většina příkladů (7 z 11) f. sg. instr. na -ою/-ею byla excerpována ze tří dopisů Iosifa Sternovy Vološinovského. Tady lze výběr koncovky odůvodnit tím, že autorem je biskup a píše knižně, takže jeho texty jsou nejspíše ovlivněny staroslověninou, proto autor zvolil „knižnější“ variantu. V jeho textech lze rovněž nalézt další staroslověnské tvary a konstrukce, např. *судихом, поставихом* (gramoty z roku 1674).

Podobným způsobem lze vysvětlit příklady (10) a (11) – jejich autorem je šoltys, tj. středověký funkcionář, úředník, proto může jeho text také nést stopy „knižnějšího“ stylu.

Autor kronikového zápisu v knize „Apostol“ z Čopivců je farář, takže jeho povolání mohlo také mít vliv na výběr koncovky -ою/-ею. Je také možné, že farář preferoval knižní tvar pro zápis v církevní knize.

Povolání autorů textů, kde byly nalezeny příklady f. sg. instr. na -овъ/-евъ, nám není známo, jen autor zápisu 1767 o sobě napsal, že je „popovič“, což může znamenat, že je to farářův syn, nebo je sám duchovní a mluví o sobě pejorativně.

Můžeme dospět k závěru, že tvary f. sg. instr. na -овъ/-евъ, které představují spisovnou normu v moderní rusínštině, se začaly prosazovat již v rané fázi vytvoření rusínského písemnictví, poněvadž jsou představeny v nejstarších světských památkách ze 17.–18. stol. V té době jejich výrazným konkurentem byl tvar na -ою/-ею, který představoval normu ve staroslověnině a také se stal spisovnou variantou v moderní ukrajinštině a ruštině (kde však podlehl zkrácení).

LITERATURA

- BIČOVSKÝ, J. (2009). *Vademecum starými indoevropskými jazyky*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Filozofická fakulta. ISBN 978-80-7308-287-1. 278 s.
- DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, J. (2015). *Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia*. Prešov: Prešovská univerzita v Prešově – Ústav rusínského jazyka a kultury. ISBN 978-80-555-1294-5. 285 s.
- VEČERKA, R. (2006). *Staroslověnština v kontextu slovanských jazyků*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci – Praha: Nakladatelství Euroslavica. ISBN 80-244-0889-9 – ISBN 80-85494-711-X. 273 s.
- БЕЗПАЛЬКО, О. П. – БОЙЧУК, М. К. – ЖОВТОБРЮХ, М. А. – САМІЙЛЕНКО, С. П. – ТАРАНЕНКО, І. Й. (1962). *Історична грамати́ка української мови*. 2-е видання. Київ: Державне учбово-педагогічне видавництво «Радянська

школа». 510 s.

БОРКОВСКИЙ, В. И. – КУЗНЕЦОВ, П. С. (1965). *Историческая грамматика русского языка*. Москва: Наука. 555 s.

ДУЛИЧЕНКО, А. (2008). *Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)*. Ужгород: Издательство В. Падяка. ISBN 978-966-387-020-5. 904 s.

КРИЖАНІВСЬКА, О. І. (2010). *Історія української мови. Історична фонетика. Історична грамати́ка*. Київ: Академія. ISBN 978-966-580-311-9. 246 s.

МАГОЧІЙ, П. Р. ed. – БЕНЕДЕК, Г. – ВАНЬКО, Ю. – ДУЛІЧЕНКО, А. – ДУЦЬ-ФАЙ-ФЕР, О. – КЕРЧА, І. – МАГОЧІЙ, П. Р. – ПЛІШКОВА, А. – РАМАЧ, Ю. – РІГЕР, Я. – ФЕЙСА, М. – ФОНТАНЬСЬКИЙ, Г. – ЯБУР, В. (2004). *Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Русинський язык*. Opole: Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. ISBN 83-86881-38-0. 482 s.

ОБНОРСКИЙ, С. П. (2010). *Именное склонение в современном русском языке: единственное число* / Под ред. Е. Ф. Карского. Изд. 2-е. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 324 s.

ПЛІШКОВА, А. – КОПОРОВА, К. – ЯБУР, В. (2019). *Русинський язык. Комплексний опис мовної системи в контексті кодифікації*. Выдання перше. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity. ISBN 978-80-555-2243-2. 476 s.

ПОЖАРИЦКАЯ, С. К. (2005). *Русская диалектология*. Москва: Академический проект / Парадигма. ISBN 5-8291-0613-2 / ISBN 5-902833-09-4. 256 s.

РЕМНЕВА, М. Л. (2004). *Старославянский язык*. Москва: Академический проект. ISBN 5-8291-0270-6. 351 s.

ШАХМАТОВ, А. А. (1957). *Историческая морфология русского языка*. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. 400 s.

ШВЕДОВА, Н. Ю. ed. (1982). *Русская грамматика. Том I*. Москва: Наука. 783 s.

ФОРТУНАТОВ, Ф. Ф. (2017). *Сравнительная морфология индоевропейских языков*. Москва: Юрайт. ISBN 978-5-534-02953-6. 176 s.

Anastasija Iljinična Franta, Ph.D.

Зápadočeská univerzita v Plzni

Fakulta filozofická

katedra filologických studií

Sedláčkova 15

301 00 Plzeň

Česká republika

aplotnik@ff.zcu.cz

K DESAŤROČIU LITERÁRNEJ TVORBY ĽUDMILY ŠANDALOVEJ¹

Ivana SLIVKOVÁ

Abstract

The paper summarizes the literary work of Ľudmila Šandalová and contributes to the characterization of contemporary Rusyn literature in Slovakia. It maps the achievements of the author's works and analyses the poetics of her work, which primarily focuses on the children's reader. At the same time, it provides an insight into Šandalová's development as an author and points out the perspectives for the development of the author's potential on the basis of, among others, the latest publication *Poppy Tales* (2024). The paper accentuates the role of reading comprehension for the child reader, and encourages reflection on the use of cultural geography and cultural patterns in the development of cultural-identification efforts of the Rusyn population in Slovakia. It is based on the communicative method of storytelling as a perspective element of strengthening the linguistic competence of the child reader in the intercultural Rusyn-Slovak dialogue.

Key words: Rusyn literature in Slovakia, Ľudmila Šandalová, literature for children, reading, storytelling.

Ľudmila Šandalová (1964) patrí k etablovaným rusínskym autorkám a v roku 2025 uplynulo 10 rokov od momentu, keď získala medzinárodnú cenu za rusínsku literatúru – Prémium Alexandra Duchnoviča za knižný debut *Pod'te, d'ity, što vam povim / Подъте діти, што вам повім* (2014). Medzinárodná porota vtedy toto výnimočné ocenenie pôvodnej rusínskej literárnej tvorby udelila po prvýkrát za literatúru pre deti. Po autorskej prvotine, zhudobnenej básni *Karpaty, Karpaty* (2010), Šandalová napísala scenáre viacerých príbehov, napr. *Prypovidka z l'isa a Wi-fintena princezná*, ktoré sa stali základom divadelných hier prezentovaných žiakmi svídníckej Základnej umeleckej školy na Rusínskom festivale v rokoch 2014 a 2015. Tvorba pre deti je dodnes pilierom autorčiných umeleckých ambícií a ako sama poznamenala „Deti sú mojou najväčšou inšpiráciou, hľadám témy, ktorými by som ich mohla osloviť, potešiť a zabaviť“². Pôvodná rusínska tvorba pre deti má prevažne typizovanú podobu krátkych a tematicky rôznorodých básní, medzi ktorými prevažujú texty zamerané na hravosť a druhy hier, rodinu a priateľské vzťahy, prírodné motívy – veľmi často zvieracie. Nezriedka sa aj v týchto textoch objavujú národno-identifikačné snahy, je to akýsi spôsob výchovy a enkulturačných snáh začleňovania naj-

¹ Príspevok je výstupom z grantového projektu KEGA č. 001PU-4/2024 Inovácia odborného nemeckého jazyka prostredníctvom rozprávania príbehov – storytelling.

² <https://www.rusyn.sk/ludmila-sandalova-napisala-dalsiu-knihu-pre-deti-pod-nazvom-mame-do-ma-psyka/>

mladšej generácie Rusínov do prostredia menšinovej kultúry. V tomto duchu sa rozvíja aj tvorba Ľ. Šandalovej, o ktorej K. Koporová po ocenení autorkinho debutu zhrnula „**vkročila na scénu rusínskej detskej literatúry a stala sa jej prirodzenou súčasťou**. Pokračovanie v umeleckej literárnej tvorbe prinieslo autorke úspešné tituly aj v nasledujúcich rokoch. Zbierke poviedok *Червений берег / Červenýj bereh*, vydané v roku 2016, bola Literárnym fondom udeľená Cena Alexandra Pavloviča za originálne umelecké dielo v rusínskom jazyku a o ďalšie dva roky, v roku 2018, vyšla pre detského čitateľa kniha pod názvom *Ани бы сьте не вірили / Any by s'te ne v'irily*. Cenu verejnosti získala v kategórii Beletria zbierka duchovných básní pre deti *Наню ся водичкы / Napju s'a vodičkŷ*, rok vydania 2020, ktorou sa autorka zúčastnila literárnej súťaže Kniha roka PSK 2021“³ (zvýraznenie IS).

Obdobne pozitívne, uznanlivo a s akcentom zamerania na detskú literárnu tvorbu o Ľ. Šandalovej píše M. Pavlič (2021, s. 63) „По веце як десятих роках творчости Людмилы Шандаловой мож повісти, же **авторка ся в русинській літературі випрофілювала як творця літератури про діти і молодих**, і як письменка, котра не зістає лем в комфорті знаного жанру ці способу писання. Шандалова пише поезію, прозу і драму, а і хоць зістає вірна літературі про діти і молодих, снажить ся розвивати і не стагновати“ (zvýraznenie IS).

Literárne dielo pomáha rozvíjať estetický vkus čitateľa a formuje čitateľské záľuby príjemcov, buduje čitateľský idiolekt, rozvíja slovnú zásobu a vedie k imaginatívnejmu používaniu jazyka, čo je pre detského čitateľa mimoriadne dôležité. V poetickej tvorbe Ľ. Šandalovej – v knižkách *Pod'te d'ity, što vam povim / Подъте діти, што вам повім* (2014) a *Ани бы сьте не вірили / Any by s'te ne v'irily* (2018), sa detskému čitateľovi humorne predstavujú domáce i exotické zvieraťá z celého sveta. Básne sú doplnené ilustráciami, ktoré podnecujú fantáziu a spolu s textovou zložkou vedú k sebarozvoju čitateľa, k vymýšľaniu vlastných autentických príbehov. V marketingovom texte k vydaniu publikácie na webovej stránke o. i. čítame, že autorka citlivo spisovala debut „(...) s túžbou priblížiť mladému čitateľovi nielen bežné, ale dnes už i málo používané slová a slovné spojenia, ktoré čerpala zo životných skúseností“⁴. Z tohto hľadiska, treba poznamenať, je autorský zámer prezentovaný akosi dvojsmerne, pretože na jednej strane sa uvádza snaha rozvíjať slovnú zásobu malých Rusínov, rozširovať prirodzenú jazykovú prax aj do abstraktnej roviny a na druhej strane sa vyzdvihuje prítomnosť málo používaných slov, ktoré sa nemusia v slovnej zásobe detí udržať práve z dôvodu nízkej frekvencie ich výskytu v bežnom jazykovom prejave. Postupné rozvíjanie slovnej zásoby smerom od centra k periférnym sféram lexiky sa však javí ako vhodný postup rozvoja jazykovej kompetencie na všetkých úrovniach ovládania jazyka.

³ <https://www.rusyn.sk/ludmila-sandalova-napisala-dalsiu-knihu-pre-deti-pod-nazvom-mame-do-ma-psyka/>

⁴ <https://tota.sk/projekt/podte-dity-sto-vam-povim>

Sériu básnických kníh pre deti Ľ. Šandalovej uzatvára zbierka duchovnej poézie *Наню ся водічки / Napju s'a vodičky* (2020), ktorá sumarizuje osobnú reflexiu, poetické vyznania a duchovné zamyslenia v podobe krátkych modlitbičiek. M. Pavlič (2021, s. 69) analyzujúc túto zbierku o. i. akcentuje „Цілково можемо повісти, же зборник дїтської духовної поезії Людмили Шандаловой ся визначає позитивнов наладов, гармонієв і змірливостєв, не находжають ся ту вершы з негативными емоціями як є гнів або жаль, але праві наспак, іде о выядрїня гармонічного одношіня ідеалізованої дїтинської невинности ку божскому принціпу.“ Nemožno nesúhlasit' s prirodzeným vyzdvihovaním axiologického systému Rusínov, do ktorého bezpochyby patrí náboženstvo a, širšie vnímaná, viera v Božiu prítomnosť v rôznych podobách, vrátane dodržiavania prikázaní a vloženia svojho osudu do Božích rúk, ktoré možno pozorovať vo viacerých dielach rusínskej literatúry na Slovensku. Aj v tomto smere Ľ. Šandalová nasleduje rusínsku kultúrnu tradíciu a pomerne priamo podnecuje k jej uchovávaniu a rozvíjaniu, čím potvrdzuje svoju pozíciu úspešnej a akceptovanej rusínskej autorky. Modlitbičky a básničky z tejto zbierky majú silnú výpovednú hodnotu pre každého, nielen detského, čitateľa, pretože sú síce poučné, ale zároveň citlivé a osobné.

Prozaickou knižnou prvotinou Ľ. Šandalovej je zbierka príbehov, ktorá vyšla v roku 2016 pod názvom *Червеный берез / Červenýj bereh*. Kniha je vyvrcholením štvorročnej práce autorky. Hlavná hrdinka Marča, mama autorky, prežila vojnu, aj preto bola prvotným impulzom k písaniu snaha o uchovanie rodinnej histórie. Zbierka poviedok objavuje detský naivný svet, do ktorého sa postupne vkráda element nepochopiteľného zmätku prameniáci z vonkajšieho dramatického a drastického zásahu do života jednotlivca v pokojnom prostredí východoslovenskej dediny. Autorkino úsilie o detailné zachytenie dobovej reality viedlo k stretnutiam s pamätníkmi vojnových čias z Nižného Orľika a Jurkovej Vole. Z fragmentov vypočutých príbehov vzniklo šesť poviedok, ktoré eskalujú od bežných rodinných starostí cez prvé nálety až k evakuácii a životu v dnes nepredstaviteľných podmienkach. Príbehy Marče a jej súčasníkov autorka pretkala vlastnými fantazijnými predstavami a vykreslila obraz života a smrti v okolí obce Nižný Orľík pod Duklou. „Протагоністами не суть войновы герої знеприятеленых штатів, але праві цивільне русинське жытельство, герої-недобровольници, котры в каждій войні терплять найвеце і нераз приходять о вшытко. Політична ситуація ці конкретны формователі історії не суть визначны, Шандалова акцентує псіхічне пережывання простых людей“ (Pavlič 2017, s. 15). Práve prežívanie a emócie hrdinky v rôznych životných etapách odlišujú *Červenýj bereh* od iných diel reflektujúcich ťažké osudy ľudí vo vojne a prirodzene začleňujú rusínske obyvateľstvo z východu Slovenska do dejinných udalostí, dokazujú prítomnosť rusínskej menšiny v tomto prostredí a zároveň poukazujú na kultúrno-identifikačné špecifiká Rusínov bez násilnej apelatívности a národno-obrodeneckého pátosu. Autorka touto knihou

vystúpila z rámca rýdzo detskej literatúry a pootvorila tvorivé dvere k dospelému čitateľovi, čo sa ukázalo ako dobrý krok a je na zváženie či by nebolo aj v ďalšej tvorbe vhodné vystúpiť z komfortnej zóny detského sveta, minimálne napr. k literatúre pre staršie deti a mládež, keďže diela pre starších detských čitateľov (cca od 13 rokov) v rusínskej literatúre takmer absentujú.

Najnovšie knihy Ľ. Šandalovej miera na cieľovú skupinu detí približne do 10 rokov a ide o príbehy *Маме дома псука / Mame doma psyka* z roku 2022 a *Маковы прыповідкы / Makový prypovidky* z roku 2024. V oboch prípadoch je nevyhnutné skonštatovať, že ide o graficky a vizuálne veľmi pekne spracované knihy (písmo, ilustrácie, kontrastná farebnosť), ktorými *tota agentura* dokazuje svoju stabilnú pozíciu na vydavateľskom trhu s rusínskou literatúrou a zároveň snahu inovovať a modernizovať publikácie menšinovej literatúry.

Mame doma psyka (2022) je tradičný príbeh o veľkej túžbe malého chlapca mať psa. Skúsená autorka má predstavu o recipientovi svojej tvorby a v súvislosti s tým vhodne vyberá jazykové prostriedky, objem informácií i ideu, ktorú sa textom snaží preniesť. Próza je určená pre čitateľa mladšieho školského veku – hrdinom je 10 ročný chlapec Samko, ktorého predstavy o svete, o dôležitosti vecí/javov/ludí v jeho živote sú adekvátne veku. Dej je pútavý a naplňuje základnú úlohu diela takéhoto rozsahu – vtahuje čitateľa do deja, vytvára vzťah čitateľa k hlavnej postave, čím dochádza k stotožneniu s postavou, s jej radosťami a starosťami a takto si prirodzeným spôsobom osvojuje rusínsky jazyk. Napriek týmto pozitívnym aspektom treba vyzdvihnúť aj fakt, že od tejto oceňovanej skúsenej autorky by sme v prozaickej tvorbe očakávali viac ako len remeselnú zručnosť. Autenticita príbehu (ide o reflexiu založenú na životných udalostiach spisovateľky a jej vnuka) predurčuje dielo k hlbšiemu prieniku do encyklopedických faktov, ich konkretizácii v živote detského hrdinu – chýba tam napr. opis situácie, v ktorej sa Samko snaží Narju vychovávať (cieľová skupina detských čitateľov je v súčasnej dobe orientovaná na získavanie informácií, preto by pokojne privítala napr. aj nejaké zaujímavosti o kynologickom výcviku psíka a pod.). Veľmi okrajovo je spracovaná reflexia vnútorných pocitov a zážitkov chlapca (ktorou vyniká, napr. vyššie spomínaná próza *Červenýj bereh*), pri charakteristike ktorých autorka opäť len kľže po povrchu (veľká túžba po zvieratku je vyjadrovaná prostredníctvom zákazov rodiča, nie argumentácie dieťaťa...). Epizódne a detailnejšie obrazy by prirodzenou a nevtieravou formou rozvíjali nielen poznatky, ale aj fantáziu jednotlivca. Naratív umožňuje životné peripetie chlapca Samka a psíka Narje najprv preniesť do sveta, rozšíriť obzory recipienta nielen v podobe jazykového vzdelávania, ale aj v otázke nazerania na budúcnosť (situácie, pri ktorých sa opisuje úloha psa ako záchranca, pomocníka je pomerne umelá, neprirodzená a nevedie čitateľa k životnej skúsenosti).

Obdobne aj najnovšia publikácia *Makový prypovidky* (2024) sa orientuje na čitateľov predškolského, resp. mladšieho školského veku. Knihu tvorí tri-

násť krátkych rozprávkových príbehov pre deti, ktoré sú určené na počúvanie i prvé skúsenosti s čítaním. V rozprávkach, poučných aj fantastických, ožívajú rozmanité obyčajné veci okolo nás (hrniec, klobúk, lavička...), ktoré sú tak blízke každému človeku. Príbehy sú antropomorfné (*Hornec*, *Ďiravýj kapeluch*, *Dvi kumý* atď.) a zoomorfné (*Čorna mačka*, *Mucha* atď.), plné vlastností, ktoré v optike detského čitateľa prepájajú svet reality s fantáziou a obrazmi, ktoré sa v období hier tvorí v hlave každé dieťa. Počet rozprávok nás taktiež vedie do sveta mágie, ale aj kresťanstva a tajomstiev ľudovej skúsenosti. V rozprávkach ožívajú veci každodennej potreby (riad, topánky, klobúk, fazuľa, dub, snehová vločka atď.), ale sú tiež späté s rodinnými väzbami, napr. obraz príbuzenského vzťahu topánky a pančuchy, a reflektujú sa prirodzené životné cykly – od rána do večera, od jari do zimy, od semiačka po úrodu, od práce po oddych..., čo je pre detského čitateľa mimoriadne vhodné, pretože sa akosi podvedome, prostredníctvom veselých zážitkov, učí vnímať čas a kolobeh života. Autorka, rovnako ako v predchádzajúcich dielach, používa príjemný nenásilný jazyk, tematicky nevstupuje do apelatívosti, ale v texte je prítomná, s čitateľom vedie priateľský dialóg a funguje prirodzene ako katalyzátor povedomia a všetkých ľudských práv. Prívlastok *makový* je tiež symbolický, evokuje viacero obrazov ako, napr. drobnosť, množstvo, rast, krásu a silu. Z hľadiska priestoru, v ktorom sa príbehy rozvíjajú možno taktiež hovoriť o naturálnom, známom prostredí – skôr vidieckom, užšie vnímanom domove, ktorý je však čiastočne idealizovaný, nostalgický a zdá sa, že aj tu sa podľa typizovaného vzoru rusínskej prózy, pracuje s retrospektívou.

Jednotlivé kultúry sú prirodzene späté s geografickým priestorom a fenomén tzv. kultúrnej krajiny často formuje predstavu o kultúrnej identite, ale tiež o identite miest, resp. širšie chápaných regiónov. Tieto motívy sa potom reflektujú aj v literárnom procese, ktorý odráža geografiu miesta a kultúrnu tradíciu spoločenstva, ktoré sa na tomto mieste rozvíja. V tomto zmysle je rusínska literatúra na Slovensku prirodzene spätá s východným Slovenskom, resp. pohraničím a prevažne s rurálnym prostredím tvoriacim a modifikujúcim motívy prepojenia zeme a ľudu a kultúry. Takéto obrazy sú identifikovateľné v tvorbe väčšiny rusínskych autorov, vrátane Ľ. Šandalovej (pravdepodobne najexplicitnejšie je spätosť s krajinou vyjadrená v prózach zbierky *Červenýj bereh*, avšak typologicky sa krajinné motívy prelínajú viacerými ďalšími, aj poetickými dielami). Podľa J. Mistríka (2021) kultúrna tradícia spoločenstva je selektívnym súborom kultúrnych hodnôt a mení sa v dôsledku premien postavenia sociálnej skupiny, čo je taktiež esenciálne v rusínskej literatúre na Slovensku, ktorá chronologicky odzrkadľuje premeny kultúrneho spoločenstva, ale aj jeho sociálneho postavenia (dedina, vojna, emigrácia, zatopenie obcí atď.), no zároveň zachováva piliere axiologického systému Rusínov (práca, viera, jazyk...). Aj tu je viditeľná a pochopiteľná línia národnobuditeľských aspektov, ktoré sa síce časom menia z heslovitého „ja som Rusín a navždy budem“ na inú podobu (viac

či menej priamy apel na uvedomenie si kultúrnej identity)⁵, ale ostávajú v textoch prítomné.

Čítanie je nevyhnutná kultúrna zručnosť, čítanie s porozumením je dôkazom kultivovanosti a vnímavosti. „Čítanie aj interpretácia je v podstate „odmotávanie“ textu, rozklad súvislého textu na jeho časti, na zložky, aby sa tak odhalila jeho podstata, jeho hodnota. Čítanie je operácia, odmocňovanie textu, je to zrkadlový postup jeho štylizácie, jeho výstavby. Dobrým interpretom textu je ten človek, ktorý je dobrým štylistom a to platí aj naopak. Štylistika a interpretácia – písanie a čítanie – sú zrkadlové pojmy.“ (Mistrík 1996, s. 45). Toto konštatovanie je obzvlášť dôležité z hľadiska tvorby pre deti, pretože ak je zámerom autora kultivovať a rozvíjať jazykový prejav dieťaťa, je nevyhnutné, aby bol text koncipovaný zrozumiteľne, prirodzene, normatívne a kultivovane. Tu možno vnímať limity tvorby Ľ. Šandalovej, ktorej jazykový prejav patrí k tým obrazne nasýtenejším, avšak aj v prozaickej tvorbe by bolo vhodné rozvíjať ho ďalej, predovšetkým do hĺbky (koncentrácia poznatkov, eskalácia emócií a pod).

Rozprávanie príbehov od nepamäti patrí k potrebám ľudstva rozvíjať sa, odovzdávať skúsenosti, vychovávať a formovať archetypy. Rovnako vo voľnočasovom, ako aj vo vzdelávacom procese čítania, ide u čitateľa o vyvolanie záujmu, upútanie pozornosti, motiváciu k činnosti, podporu kreativity a rozvíjanie kritického myslenia. Analýza prečítaného vedie k zamysleniu sa nad štruktúrou dejovej línie, vývojom postáv a logickými súvislosťami. Kreatívne čítanie s mladšími čitateľmi otvára priestor na experimentovanie s jazykom a rozvíja jazykovú flexibilitu a originalitu. Ak sa dieťa v texte stretne s jazykom, ktorý pozná, resp. ktorý si dokáže ľahko osvojiť, napr. spôsobom tolerovania nejednoznačnosti významu, podporí sa tým jeho schopnosť identifikovať frázy, idiomy a ďalšie jazykové vzory, ktoré dovtedy nepoznalo. Počúvanie príbehov stimuluje aj ďalšie pozitívne javy ako, napr. aktívne vnímanie, sústredenie, porozumenie. V tvorbe pre detského čitateľa je preto nevyhnutné mať na pamäti využiteľnosť textu aj na výchovné a vzdelávacie účely (čo je u Ľ. Šandalovej splnené), napr. v podobe využívania metódy storytellingu, ktorý predstavuje dynamickú alternatívu k tradičným pasívnym formám výučby jazyka. Jednotliví teoretici zdôrazňujú v súvislosti so storytellingom viacero aspektov, napr. pútavosť a efektívnosť, zábavnosť, atraktívnosť, popularnosť a pod., čo vedie k súhrnnej úvahe o výhode rozprávania príbehov v tom, že oslovujú čitateľov na kognitívnej aj emocionálnej úrovni, pričom emocionálna zložka pôsobí podporne na kognitívnu. Čitateľ si ľahšie zapamätá fakty, z príbehu, ktorý ho emocionálne zasiahol. Okrem osvojenia si faktografických údajov a rozvoja slovnej zásoby storytelling cieľene a komplexne rozvíja komunikačné zručnosti, číta-

⁵ Тема хоснования русиньского языка ся проявлявала в літературі ославлёванём красоты русиньского языка, прямов апелациёв на то, абы Русины не забыли родный язык, а то в літературі про віковы категорії од найменших дітей аж по дорослых. (Pavlič 2022, s. 50).

telia sa zdokonaľujú v plynulej komunikácii. Rozprávkové príbehy prirodzene podporujú aj rozvoj interkultúrnej citlivosti a porozumenia rôznym kultúrnym prostrediam. Pri výučbe jazyka (rovnako aj pri podpore používania menštinového jazyka) sa práca s krátkym a čitateľsky atraktívnym príbehom ukazuje ako efektívny spôsob rozvoja jazykových schopností, stimul ku kreatívnemu a kritickému mysleniu. Je veľmi dôležité, aby príbehy zobrazovali prirodzený a autentický kontext, ktorý uľahčuje rozvoj všetkých jazykových zručností – čítania, počúvania, písania a hovorenia.

V súvislosti s mapovaním doterajšej tvorby Ľ. Šandalovej a v snahe poodhaliť perspektívu autorského vývinu je dobré zvážiť koncentráciu autorského potenciálu na naratívnu štruktúru, ktorá bude nenútené upútavať pozornosť, vzbudzovať u detského čitateľa záujem a zvedavosť. Dôležité je tiež zasadiť do príbehu informácie tak, aby boli jasné a zrozumiteľné a tým lepšie a dlhodobo zapamätateľné. Zároveň treba mať na pamäti, že príbehy dokážu sprostredkovať široké spektrum emócií a emocionálne vnímanie prečítaného posilňuje a stabilizuje osvojenie si informácie (slová, frázy, poznatky, kultúrne vzorce atď.). V tejto súvislosti by bolo možné rozšíriť pole pôsobnosti autorky, orientovať sa aj na staršieho detského, resp. mladého čitateľa. Z hľadiska autorských možností Ľ. Šandalovej – jazykového prejavu, všeobecného prehľadu aj vnímania a správnej interpretácie kultúrnych vzorcov a kódov, by to bolo pre rusínsku čitateľskú obec prospešné. Interpretovať text, o. i. znamená vysvetľovať, prerozprávať iným spôsobom, tlmočiť autorovu myšlienku cez optiku čitateľa a jeho vlastnej životnej skúsenosti. Interpretačná skúsenosť s tvorbou Ľ. Šandalovej má vopred dané hranice, avšak rovnako ako každá iná skúsenosť, vedie k ďalším možným perspektívam recepcie.

LITERATÚRA

- MISTRÍK, J. (1996). *Efektívne čítanie*. Bratislava: Veda, 117 s. ISBN 80-224-0454-3.
- MISTRÍK, J. (2021). *Štylistika*. Bratislava: Veda, 600 s. ISBN: 978-80-224-1892-8.
- ПАВЛИЧ, М. (2017). In: Літературна рефлексія війни в оповіданнях Людмили Шандаловой. In: Копорова, К., ed. (2017) *Studium Carpatho-Ruthenorum 2017. Штудії з карпаторусиністики 9*. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові – Інститут русинського языка і културы – Центр языків і култур народностных меншын, ISBN 978-80-555-1952-4, s. 15-21.
- ПАВЛИЧ, М. (2022). „Білы місця“ або потенціалы русиньско́й літературы на Словакіі. In: Копорова, К., ed. (2022) *Studium Carpatho-Ruthenorum 2022. Штудії з карпаторусиністики 14*. Пряшів: Пряшівська універзіта в Пряшові, ISBN 978-80-555-3037-6, s. 49-57.
- ŠANDALOVÁ, Ľ. (2020). *Напю ся водічки/Напју s'a vodičký*. Svidník: tota agentura, 80 s. ISBN 978-80-972058-7-4.

tura, 80 s. ISBN 978-80-972058-7-4.

ŠANDALOVÁ, Ľ. (2022). *Маме дома псыка/Mame doma psyka*. Nižná Jedľová: tota agentura, 144 s. ISBN 978-80-972058-8-1.

ŠANDALOVÁ, Ľ. (2024). *Маковы прпывідкы/Makový prypovidký*. Nižná Jedľová: tota agentura, 126 s. ISBN 978-80-972058-9-8.

Doc. Mgr. Ivana Slivková, PhD.

Prešovská univerzita v Prešove

Filozofická fakulta

Институт средоевропейских штудий

ul. 17. novembra č. 1

080 01 Prešov

Slovenská republika

ivana.slivkova@unipo.sk

ГІАДОР СТРИПСЬКИЙ (1875–1946): ІНТЕЛЕКТУАЛЬНА БІОГРАФІЯ ВИЗНАЧНОГО ЕТНОГРАФА, ЛІНГВІСТА, БІБЛІОГРАФА, ІСТОРИКА ЛІТЕРАТУРИ ТА ПЕРЕКЛАДАЧА КАРПАТОРУСИНСЬКОГО ПОХОДЖЕННЯ (1)

Володимир ФЕНИЧ

Присвячується 150-річчю з дня народження вченого

Abstract

This publication is dedicated to the forgotten scientist of Carpatho-Rusyn origin, Hiador Stripsky (1875–1946), who this year celebrated his 150th birthday. The article focuses on the following issues: 1) the family background, upbringing, and education of the scientist; 2) the adoption of a Ukrainophile orientation by Galician Ruthenians during their student years, as opposed to the Russophile orientation of local Ugro-Ruthenian figures; 3) work as an ethnographer in Kolozsvár (Cluj) and as a school inspector in Maramoros-Sziget; 4) life and work in Budapest as an ethnographer at the National Museum and a government official at the Ministry of Religions and Education; 5) breaking off relations with Ukrainianophilism and transitioning to a Carpatho-Rusyn identity; 6) active membership in the «Subcarpathian Society of Sciences»; 7) the fate of his wife Margareta Stripska (Kish) after the scientist's death. The complete bibliography of G. Stripsky consists of 115 titles of publications from various fields of knowledge and sciences: 36 – linguistics, 29 – ethnography, 26 – bibliography and literary history, 24 – translated works (especially from Ukrainian to Hungarian and vice versa).

Keywords: Stripsky Hiador, ethnographer, linguist, bibliographer, literary historian, Carpatho-Rusyn.

Вступ

Березень місяць став знаковим у житті одного видатного і несправедливо забутого вченого карпаторусинського походження. 7 березня 2025 р. виповнилося 150 років з дня народження відомого етнографа, лінгвіста, бібліографа, історика літератури та перекладача карпаторусинського походження Гіадора Миколайовича Стрипського. Він народився 7 березня 1875 р. в с. Шелестово біля Мукачєва в комітаті Берег Австро-Угорській монархії, а помер 9 березня 1946 р. в Будапешті в Угорській Республіці. Дана публікація складається із двох частин і є спробою представити повну інтелектуальну біографію Г. Стрипського. У першій частині йдеться про життя і діяльність молодого Г. Стрипського, формування

його поглядів як вченого в інтелектуальних середовищах Будапешта, Коложвара і Львова, його творчі успіхи як народознавця та успішна робота на державній службі угорського уряду в добу автономної Руської Крайни.

Народження, гімназійна та університетська освіта

Г. Стрипський народився 7 березня 1875 р. в с. Шелестові (угор. Szélestő) в королівському комітаті Берег Австро-Угорської монархії четвертою дитиною в греко-католицькій сім'ї священника Мукачівської єпархії Миколи Стрипського (1838–1907) та Юліани Васовчик (1844–після 1909). Старшими за Гіадора були брати Омелян (1861–1933), Володимир (1865–1952) і сестра Ельвіра (1871–1958), а молодшими – брати Константин і Мирон. Старші брати стануть греко-католицькими священниками, сестра вийде заміж за греко-католицького священника Івана Рабара (1863–1942), а молодші брати оберуть собі світські професії. Коли народився Гіадор їхній батько був парохом у с. Шелестово (з 1867 до 1894), а через кілька років ще й деканом Сентміклошського (Чинадійовського) благочинного округу (1886–1894) того ж комітату Берег. З 1894 до 1907 р. сім'я Стрипських жила в с. Руськовці / Руське того ж комітату, де батько парохував останні роки свого життя як емерит¹. Як впливає із шематизму Мукачівської єпархії від 1896 р. в парафії Руськовці / Руське проживало 642 греко-католиків та 45 юдеїв, а у його філії с. Бенедикувці – 450 греко-католиків та 168 юдеїв².

Початкову освіту Г. Стрипський отримав у сусідньому с. Фрідешові, а повну шкільну освіту закінчив у с. Руськовцях / Руському того ж комітату Берег³. Микола Мушинка пише (без покликання на джерело), що Г. Стрипський закінчив чотирикласну так звану «нормальну» школу у 1884 р. в Ужгороді, де його вчителем був Стефан Левандовський⁴.

У 1893 р. Г. Стрипський закінчив Ужгородську королівську католицьку вищу гімназію. Того року у восьми класах гімназії навчалося 592 учнів. Головними директорами гімназії в той час були о. Норберт Югас (1866–1887) і Еде Сібер (1887–1906), а директорами – Еде Сібер (1873–1886) і Ласло Годоль (1886–1899). Викладачами Г. Стрипського були доктори Шандор Фібігер, Іштван Лаудон, Йозеф Зімані, Мартон Шмідт, греко-католицькі священники Мукачівської єпархії Єнив Гомічко, Еміл Егреші,

1 MOROSI, I. – MOROSI, A. (2023). *A történeti Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye papi névtára*. Ужгород: Видавництво «Карпати», old. / с. 843-844; *Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkacsensis pro anno domini 1896*. (1896). Ungvarini: Typis typographiae Bartholomaei Jäger, p. 12. (265 p.).

2 *Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkacsensis pro anno domini 1896..*, p. 12.

3 УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства*. III. Гіадор Стрипський, народописник, бібліограф, лінгвіст, тоvmач. Ніредьгаза, с. 9.

4 МУШИНКА, М. (1995). Світлі душі Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського. In: *Карпатський край*, Річник V, Чис. 1-4 (110). Ужгород, 1995, с. 46.

Євмен Сабо, Пряшівської єпархії Дюла Хома та десяток інших світських професорів⁵. Г. Стрипський отримав класичну християнську, католицьку, угорську гімназійну освіту.

Після закінчення гімназії Г. Стрипський записався на Гуманітарний факультет Католицького університету кард. Пийтера Пазманя в Будапешті, де навчався до 1896 року. В тому ж році переходить на навчання до Коложварського університету Франца Йосифа в Трансільванії, де один навчальний рік (1896–1897) слухає лекції професорів Шандора Маркі (історія), Бейли Пошти (археологія), Антала Геррманна (етнологія) та інших. Тут у 1898 р. відкрилася перша і єдина в Угорщині до 1918 р. Кафедра етнографії, яку очолив перший доктор по етнографії А. Геррманн⁶. Г. Стрипський отримав класичну університетську католицьку, угорську вищу освіту.

Українофіл проти русофілів

У 1897–1898 навч. році, на польську стипендію, Г. Стрипський навчається у Львівському університеті Франца Йосифа. Тут він слухає лекції історика Михайла Грушевського та філолога Олександра Колесси, а живе цей час на квартирі із студентом-випускником цього університету етнографом Володимиром Гнатюком (1871–1926). Як відомо всі троє невдовзі стали відомими українськими вченими. У 1898–1899 рр. Г. Стрипський проходить строкову військову службу в австро-угорській армії в м. Кошіцях, де разом з ним служить львівський історик та етнограф Степан Томашівський (1875–1930)⁷. Під впливом цих людей Г. Стрипський став українофілом.

Згадуваний етнограф М. Мушинка, на підставі сумнівних спогадів Августина Штефана (1973, т. 1, с. 214–215), пише, що з ініціативи Г. Стрипського в с. Скотарськім в комітаті Берег, де парохом був чоловік його тітки по бабиній лінії о. Омелян Штефан, було засновано «Просвіту», куди з його ініціативи 27 листопада 1897 р. зі Львова було відправлено книжки українських діячів культури, а в його супроводі до села прибув сам Іван Франко⁸. Насправді ця інформація не відповідає дійсності: в іс-

торії Мукачівської греко-католицької єпархії був лише один священник на прізвище Еміл (Омелян) Штефан (1868–1930), який ніколи парохом у с. Скотарське не був⁹; по-друге, на думку історика Івана Стряпка, автора дисертаційного дослідження про закарпатську «Просвіту», заснування «Просвіти» в Скотарському у 1897 р. виглядає сумнівним, бо А. Штефану тоді було лише 4 роки, а вперше його спогади були оприлюднені у 1936 р., коли його слова вже не міг підтвердити жоден із учасників давніх подій¹⁰.

У двох листах до молодшого брата Константина, написаних угорською мовою зі Львова у 1897 р., 22-річний Г. Стрипський відстоює розвиток літературної мови угорських русинів на основі народних діалектів. Він підкреслював, що русинська інтелігенція повинна розірвати з мовною традицією русофілів XIX ст., заснованої на церковнослов'янській та російській мовах, і створювати нову сучасну русинську літературну мову, спираючись на місцеві говори, бесіди. Старший брат просив у листі молодшого зібрати своїх друзів «...і помалі пояснити їм, щоб не боялися, не зрадять тим Угорщину, якщо будуть читати русинські книги, навчатися ту правдиву русинську мову, якою бесідує 22-мільйонний народ, розділений між трьома державами». Цей початок заклав у 1837 р. Маркіан Шашкевич, коли підніс русинську народну мову на рівень літературної. «Головна мета: досвідчити, що малоруська мова інша, ніж великоруська». «А найперше, – просить він брата, – прочитай зшиток «Етнографічні замітки з Угорської Руси» Ю. Жатковича». «Належний правопис... у зшитку нашого стройнянського пароха Жатковича»¹¹.

У другому, об'ємнішому, листі до брата Константина, Гіадор пише: «Австрія неугорським народам в Угорщині радше благоволила, допомагала їм у всьому, тільки тому, щоб йшло на шкоду угорцям». Цим скористалися румуни, хорвати, серби, словаки, німці. «Із Русинами, тим часом, недоля інакше думала: дала їм одного чоловіка, який, будуючи свою долю і свого народа на ілюзіях, сам себе і свій народ повів на шлях самознищення. Це був Адольф Добрянський»: вихований на ідеях слов'янофільства, він вважав, що всі слов'янські народи повинні пристати до росіян. На щастя: «Вплив групи Добрянського не залишив ніякого результату, бо воно було поверховим, у народне життя, у глибокі народні верстви не пустило коріння». Як результат: «Ні літератури, ні науки, ні книг, що розширюють практичні

5 ХИМИНЕЦЬ, В. – БАСАРАБ, М. (2013). *Історія Ужгородської гімназії (1613–2013)*. Ужгород: Видавництво «Карпати», с. 180–183 (списки).

6 UDVARI, I. (1999). Sztripszky Híador (1875–1946) a Kárpát-medencei ruthenizstika jeles képviselője. In: *Relații interetnice în zona de contact româno-maghiaro-ucraineană din secolul al XVIII-lea până în prezent / Interethnische Beziehungen im rumänisch-ungarisch-ukrainischen Kontaktraum vol 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart / A román, magyar és ukrán népesoportok egymáshoz való viszonya a 18. századtól napjainkig*, Coordinatori: dr. H. Gehl și V. Ciubotă. Satu Mare – Tübingen: Editura Muzeului Sătmărean, s. 513 (s. 513–542); UDVARI, I. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський...*, с. 9, примітка 3.

7 Письмо Гіадора Стрипського безвістному пудкарпатському учителю-українофілу, 15 октовбра 1942 р., Будапешт. In: UDVARI, I. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський...*, с. 200–201.

8 МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського..., с. 46.

9 MOROSI, I. – MOROSI, A. (2023). *A történeti Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye papi névtára...*, old. / с. 776.

10 СТЯПКО, І. (2012). *Товариство «Просвіта» в громадсько-політичному та культурному житті Закарпаття*. Ужгород: Інформаційно-видавничий центр ЗІППО, с. 75.

11 Цит. за вид.: UDVARI, I. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський...*, с. 160–162 (текст листа). Про погляди о. Калмана Юрія Жатковича див. мою публ.: ФЕНИЧ, В. Перед викликом «залізниці і телеграфу»: ідентичність, менталітет та повсякденне життя угорських русинів очима о. Калмана Юрія Жатковича (1855–1920). In: *Наукові записки Богословсько-історичного науково-дослідного центру імені архієпископа Василя (Проніна)*, Випуск 11, Редколегія; гол. ред.: Ю. В. Данилець. Ужгород: «РІК-У», 2024, с. 55–108.

знання, газет, не дали народу; всі духовні потреби задовольняє календар, надрукований в Унгварі, та й той не на їхній мові... Ні, бо 90% інтелігенції виключно Угорці, не хочуть чути про русинську мову, за кириличні букви. Ні, бо тоді не буде добре Угорцю (?), тому не вчать селянина, проте штолу (податки) від нього бажать»¹², – пише син греко-католицького священника.

У 1897 р. на сторінках журналу «Magyar Szemle» 22-річний Г. Стрипський публікує свою першу перекладену працю: вірш Степана Руданського з української на угорську мову¹³. У 1897 р. В. Гнатюк назвав Г. Стрипського «світлим духом на Угорській Русі»¹⁴. Галицький вплив у початковій науковій кар'єрі молодого вченого не пройшов безслідно: з кінця XIX ст. і до початку 1920-х рр. угорський русин Г. Стрипський був ідейним українофілом¹⁵.

Життя і робота в Коложварі та Мараморош-Cigeti (1901–1910)

Після служби в армії Г. Стрипський повертається до Коложвара, де в 1901–1903 рр. працює в Музеї трансільванського карпатського товариства, куди неофіційно на роботу був прийнятий ще в студентські роки як асистент етнографа Яноша Йонко. Перші свої праці по етнографії Г. Стрипський опублікував у кількох числах у січні–квітні 1900 р. в щотижневій угорськомовній газеті «греко-католиків Угорщини» «Kelet» («Схід»)¹⁶, що виходила в Ужгороді у 1888–1901 рр. під редактуванням о. Юлія Дрогобецького (1888–1892) і о. Константина Невицького (1892–1901)¹⁷. Так, у статті «Дещо про нашу етнографію» Г. Стрипський публікує загальний етнографічний питальник, в якому респондент має відповісти на ряд питань із ономастики: 1) як називається село; 2) чи мало воно колись іншу назву; 3) топографічні назви (річка, потік, ліс, джерело, гора, висоти, полонини, печери тощо); 4) найбільш поширені прізвища і т. д. Г. Стрипський слідував принципам трансільванського етнографа Антала Геррманна та галицького етнографа В. Гнатюка¹⁸. М. Мушинка, не зрозуміло на підставі яких джерел пише, що Г. Стрипський ще під час навчання в університеті працював на посаді кустоса Етнографічного музею, а

«здобувши професорський диплом та звання доктора (1901), десять років викладав українську (руську) мову в Клузькому університеті»¹⁹. Ці твердження не відповідають дійсності.

До музею Трансільванського карпатського товариства в Коложварі Г. Стрипський зібрав понад 7 000 експонатів. По смерті його голови д-ра Яноша Йонко (пом. 28 липня 1902 р.) роботу Г. Стрипського високо оцінив директор Музею етнографії в Будапешті Вілібалд Шемаєр²⁰. Після перших публікацій по вивченню етнографії і фольклору карпатських русинів Г. Стрипського у 1903 р. було обрано членом Угорського королівського етнографічного товариства²¹.

В 1903–1909 рр. Г. Стрипський працює в Товаристві музеїв Трансільванії. У 1904 р. Г. Стрипський женився на Маргареті Кіш (1877 – після 1957 ?) щойно вона закінчила гімназію. У 1905 р. він безуспішно бере участь у конкурсі на посаду професора історії та географії в гімназії в Кішварді, мотивуючи своє бажання тим, що хотів би бути ближче до рідного краю²². В с. Руське комітату Берег ще жили батьки Гіадора о. Микола Стрипський (помер 15.08.1907) і мама Юліана Васовчик. Весною 1908 р. Г. Стрипський став доктором філософії з етнографії. Одночасно з роботою в музеї, у 1906–1909 рр. Г. Стрипський читає лекції з руської мови у Коложварському університеті як приватний доцент²³.

Не постійні посади не гарантували постійних прибутків. В листі до визначного етнографа проф. О. Геррманна від 17 грудня 1908 р. Г. Стрипський пише: «Коли чоловік жонатий, має 33 роки і такий ненадійний стан, то готовий йти хоч куди, тільки б заробив собі на життя»²⁴. В наступному листі до проф. О. Геррманна від 10 лютого 1909 р. він просить допомогти з місцем постійної роботи, наприклад, у Кошіцях, де б він міг заснувати відділення етнографії в місцевому музеї, або «...найкраще б в Ужгороді, у мене вдома, де живе моя овдовіла мати на пенсію 158 форинтів, я б краще зміг їй допомагати і там би міг займатися етнографією»²⁵.

12 Цит. за вид.: УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський...*, с. 164–174 (текст листа).

13 Ibidem, с. 34.

14 Цит. за: МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського..., с. 47.

15 УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський...*, с. 10, примітка 6.

16 MAYER, M. (1977). *Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések 1860–1910*. Budapest: Akadémiai Kiadó, old. 90–91. Див. бібліографію: УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський...*, с. 17.

17 MAYER, M. (1977). *Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések 1860–1910...*, old. 63–67, 84–87; МАЕЙР, М. (1985). О забытой газете «Келет». In: *Studia Slavica Hungarica*, XXXI. Budapest, ol. 171–178.

18 УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський...*, с. 20.

19 МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського..., с. 46.

20 SEMAYER, V. (1902). Az EKE kolozsvári táj- és néprajzi múzeuma. In: *Néprajzi Értesítő*, Sz. III, old. 143–144.

21 UDVARI, I. (1998). Adatok Sztripszky Hiador könyvészeti munkásságáról. In: *A Debreceni Kossuth Lajos Tudományegyetem Könyvtárának közleményei*, Köt. 189. Debrecen, 1998, old. 69. (old. 67–97).

22 УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський...*, с. 10.

23 UDVARI, I. (1999). Sztripszky Hiador (1875–1946) a Kárpát-medencei ruthenizstika jeles képviselője. In: *Relații interetnice în zona de contact româno-maghiaro-ucraineană din secolul al XVIII-lea până în prezent...*, s. 515–519.

24 UDVARI, I. (1999). Sztripszky Hiador (1875–1946) a Kárpát-medencei ruthenizstika jeles képviselője..., s. 528–529 (текст листа). Пор.: УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський...*, с. 10–11.

25 VIGÁ, Gy. (1998). Sztripszky Hiador és négy levele Herman Ottóhoz. In: *Herman Ottó Múzeum Évkönyve*, vol. XXXVIII. Miskolc, old. 1299–1314.

Тим часом у 1909 р. в Коложварі Рудольф Мерінгер почав видавати впливовий журнал «Wörter und Sachen» («Слова і Речі»). Між коложварськими філологами стало академічною нормою, що народна мова є основним предметом досліджень. Саме це середовище вчених прищепило Г. Стрипському науковий інтерес до живої народної мови на все його життя, і саме там у Коложварі в нього народилася ідея збирати «*готарні назви*» («межеві назви») на Підкарпатті²⁶.

За сприянням О. Геррманна з літа 1909 до лютого 1910 р. Г. Стрипський отримав нову посаду помічника шкільного інспектора в Мараморош-Сігеті. За кілька місяців він зібрав етнографічний матеріал в підкарпатських комітатах Мараморош і Унг для Угорського національного музею в Будапешті²⁷.

«Старша руська письменність на Угорщині» (1907)

1907 р. у впливовій русинофільській ужгородській газеті «Наука» Г. Стрипський (під псевдо Біленький) публікує велику статтю про давню руську писемність в Угорщині. Це була перша його опублікована лінгвістична праця²⁸. З неї довідуємося, що найстарша руська писемність в Угорщині походить із XV–XVIII століть. З відомих Г. Стрипському станом на 1907 р. опублікованих різними авторами пам'яток руської писемності в Угорщині (о. Анатолієм Кралицьким, о. Матвієм Врабелем, Соколовим, о. Євменієм Сабовим, о. Євгеном Фенциком, Алексеем Петровим, Володимиром Охримовичем, Іваном Франком, о. Калманом Юрієм Жатковичем, Володимиром Гнатюком) до життя о. Михайла Лучкая (1789–1843) налічується 56 творів! За тематичною спрямованістю це: 1) світські і церковні історії, 2) літературно-історичні пам'ятки та 3) церковно-обрядові тексти²⁹.

Далі Г. Стрипський дає відповідь на питання «на што насъ сесѢ писаня научають?». «На сампередъ на то, што наші дѣды вміли знаменито по руськи писати, а то подекуды далеко лѣнше, якъ мы, позні внуки. Такимъ чистымъ, народнымъ, руснацькимъ складомъ идуть сесѢ слова, гейбы Бхъ декто изъ нашихъ селяниновъ теперь приказовавъ. Запаятайме собі добре: передъ двастопятьдесятьма роками красше и розумнѣше писалось у насъ, якъ теперь». Причина цьому на його думку в наступному: «Наша

стара публика была переважно не читаюча, але слушаюча, отже треба было сесѢ церковні оповіданя писати такимъ языкомъ, якого простый народъ добре розумівъ. Тому то усѢ творы старшоѢ письменности писані народнымъ, руснацькимъ словомъ, який у насъ тогды говорився»³⁰.

Сильний вплив галицьких українофілів на погляди Г. Стрипського помітний у наступних твердженнях: «языкъ нашего старшого письменства повный свойствами закарпатського малоруського языка. А сесе вказує на фактъ, што за сихъ давныхъ часовъ Руснаки всады однако писали: и въ насъ и за Карпатами писалось однимъ и тымъ самымъ письменнымъ языкомъ. Се значитъ только, што Угорські и закарпатські Руснаки жыли въ літературной едности». На думку Г. Стрипського ця мовно-літературна єдність стала наслідком того, що угорські русини отримували своїх священників і єпископів із Галичини і Молдови (що є тільки частково правдою), були підпорядковані до унії з Римом (1646) під церковну владу митрополита Київського (що є абсолютною неправдою) тощо. Словом, пише Г. Стрипський, «Угорська Русь была сполучена съ Галицькою Русью одною и тою самою церковною просвѣтою, однимъ и тымъ самымъ письменнымъ языкомъ ажъ до р. 1800»³¹.

«Але народный, простый языкъ сихъ старыхъ писанъ навчае насъ., што наші предки подали намъ сими писанями вже предъ двадо роками ясный прикладъ до того, якъ треба намъ писати по нашому». Останнім угро-руським письменником, який «пише розумнымъ народнымъ языкомъ», був о. Михайло Лучкай із своїми проповідями 1830 р. на всі неділі року («Гомілетикою»). «Теперь [1907 р.] мы живеме якразъ у такомъ положенію, у якомъ были предки наші въ XVII–XVIII-омъ столѣтѣ: не маеме просвітныхъ заведень, не маеме пановъ, не маеме книжокъ, тожъ и не е для кого по панськи писати. Кто теперь читаетъ въ насъ по руськи? Селяне. Та якимъ языкомъ повинні мы для селянъ писати? Розумієся, што по народному; именно по тому, што у насъ виробився, на нашей земли, нашими письменниками Угро-руськими; языкомъ, котрого простый народъ вповнѣ розуміє и радо читаетъ»³².

Найбільшу шкоду розвитку угро-руської літературної мови та літератури, переконаний Г. Стрипський, завдало русофільство: «року 1655. писалось у насъ по руськи для Руснаковъ, а року 1885-го па-русскі для гаспадиновъ!», на доказ чого наводить цитату із ужгородської газети «Карпат»: «Литература пишеться вездѣ для господиновъ, а не для простаковъ». Русофільський підхід станом на 1890 р. «зовсѣмъ померъ», тоді як «стародавня руснацька література живе у нашой Науцѣ и до нынѣшнього дня». Тож вибираючи, до якої пристати літературної норми, «до господинськоѢ,

26 УДВАРІ, І. (2007). Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський., с. 19.

27 UDVARI, I. (1998). Adatok Sztripszky Hiador könyvészeti munkásságáról. In: A Debreceni Kossuth Lajos Tudományegyetem Könyvtárának közleményei., old. 68–69; UDVARI, I. (1999). Sztripszky Hiador (1875–1946) a Kárpát-medencei ruthenizstika jeles képviselője., s. 531–533 (тексти листів). Пор.: УДВАРІ, І. (2007). Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський., с. 11.

28 БІЛЕНЬКИЙ [СТРИПСКИЙ, Я.] (1907). Старша руська письменность на Угорщинѣ. In: Наука. Унгварь, № 10–29. Передрук у кн.: УДВАРІ, І. (2007). Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський., с. 49–74. В даній статті цитується за останнім виданням.

29 БІЛЕНЬКИЙ [СТРИПСКИЙ, Я.] (1907). Старша руська письменность на Угорщинѣ. In: УДВАРІ, І. (2007). Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський., с. 49–53.

30 Ibidem, с. 61.

31 Ibidem, с. 64–65.

32 Ibidem, с. 65–67.

ци до руснацькоБ?», вибір Г. Стрипського очевидний: «Мы стоиме рішучо за руснацькою народною письменністю, бо она має минувшину у насъ, отже и будущность має»³³.

Під кінець свого дослідження Г. Стрипський пропонує власну концепцію як розвивати руснацьку народну писемність: на основі трьох головних, рівноцінних «наших нарічій» / діалектів, «котрі характеризуються выговоромъ основного звука «о» яко і, ѱ, у (кінъ, стѣлъ, вулъ)». Закарпатські русини (=галицькі і буковинські) взяли собі за основу народної мови звук і, і цією мовою говорять 25 млн. у Росії і Австрії. «Але мы не можеме брати за літературна основу нашого нарічія і...», «а то изъ тоБъ простоБъ причины, бо на 500. 000 Угорськихъ Русиновъ припадае ледвы пятинатыхъ, котрі симъ нарічіємъ у насъ говорятъ. Доложѣмъ сюда еще и того, што УкраѢнські Русины отъ насъ географічно дуже далеко, а Галицькі сусѣды жили отъ 1387-го року безустанно подъ польскимъ панованьемъ. Изъ сего выйшла не лише не мила прозыванка Полякъ., але выйшла и велика розлука у розвою громады и языка Галицькихъ Руснаковъ и нашихъ»³⁴. З огляду на відмінні шляхи історичного, політичного і культурного розвитку Галичини і Угорської Русі Г. Стрипський приходить у 1907 р. до висновку: «Изъ сихъ всѣлякихъ причинъ украѢнство у насъ теперь цѣлкомъ невозможно, бо якразъ такъ чужое, якъ московщина». «Тутъ же не е иншоБъ дороги, якъ сеся: мы повинѣ обновити тоті руснацько-літературні змаганя, котрыхъ розпочали наші предки и продовжати Бхъ. Бо они выросли у насъ, отже корінь Бхъ живе еще и нынѣ у насъ, а на живое, хотъ и старое дерево прискіплєні вѣтвы набизовно приймуться»³⁵.

На цій підставі Г. Стрипський приходить до заключного висновку: «... намъ приходить ся высказати право и на третю руську письменность, котра держитѣся середньоБъ дороги меже тыми двома: именно Угорьську літературу. Старі літературні змаганя наші подають намъ на сего не только право, але и правила». Відновлена писемність на народній угорорусинській основі повинна дотримуватися наступних правил: 1) «Задержати усѣ свойства малоруського языка, котрі спольні такъ у нашой бесѣдѣ, якъ у Закарпатськихъ Русиновъ...». 2) «Задержати Угороруські свойства...». 3) «Задержати коренный звук «о» для золлятя трехъ нарічій...». 4) «Главное правило правопису: уминати двохзначностей...». 5) «Уминати довгі слова, бо то не до руського смаку...». 6) «Уминати московські слова, коли маеме своБъ». 7) «Мадяризмы, котрыхъ не можѣ уходитьи, треба задержати...». 8) «У небизовныхъ випадкахъ научить и напутить насъ практика»³⁶.

33 Ibidem, с. 69.

34 Ibidem, с. 69-70.

35 Ibidem, с. 71-72.

36 Ibidem, с. 72-73.

Розмірковування Г. Стрипського дали підстави словацькому досліднику української орієнтації Миколі Мушинці зробити висновок, що в 1907 р. він став на позиції окремого «карпаторуського язика» («язичіє»), але не на етимологічному правописному принципі, якого дотримувалися москвофіли, а на фонетичному, на якому будувався правопис української літературної мови³⁷. І це правда!

Робота в Національному музеї Угорщини в Будапешті (16.03.1910 – 22.12.1918)

В березні 1910 р. життя Г. Стрипського кардинально змінилося: 16 березня він отримав посаду наукового співробітника в Етнографічному відділенні Національного музею Угорщини в Будапешті. В столиці Угорщини він житиме аж до смерті (1946)³⁸. На цій посаді Г. Стрипський працюватиме до 22 грудня 1918 року. У 1911 р. він став членом правління Угорського етнографічного товариства³⁹. М. Мушинка стверджує, що всі ці події сталися у 1913 р.⁴⁰, проте це не вірно.

У 1911 р. у Львові в Записках Наукового товариства ім. Т. Шевченка Г. Стрипський публікує статтю «Угороруські літописні записки»⁴¹. У ній розповідається про «Гукливський літопис», в якому викладено події з історії Європи, Угорщини та Мукачівської єпархії від 1783 до 1830 р., більшість з яких до 1823 р. записав парох с. Гукливе і декан (намісник) Верхньовецький о. Михайло Грігаші (1758–1783–1823)⁴².

За опублікований у 1911 р. в Будапешті (разом із Дьордем Алексічем) найдавніший румунський (волоський) друкований латиникою збірник Реформатської церкви XVI ст., Г. Стрипський був обраний у 1912 р. дійсним членом-кореспондентом Румунської Академії наук⁴³. Також важливо відзначити, що в 1912 р. Г. Стрипський доповнив відому бібліографію Кароя Сабова «Régi Magyar Könyvtár» («Давня угорська книгарня») 452 новими угорськими і 281 неугорськими назвами праць⁴⁴.

Боротьба Г. Стрипського за пошуки та збереження рукописної чи друкованої літературної спадщини угорських русинів, яку він виголосив до

37 МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіядора Стрипського., с. 48.

38 УДВАРИ, І. (2007). Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський., с. 11.

39 UDVARI, I. (1998). Adatok Sztripszky Hiador könyvészeti munkásságáról., old. 69.

40 МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіядора Стрипського., с. 46.

41 БІЛЕНЬКИЙ [СТРИПСКИЙ, Я.] (1911). Угороруські літописні записки. In: Записки Наукового Товариства ім. Т. Шевченка, Том CIV. Львів, с. 73-82.

42 MOROSI, I. – MOROSI, A. (2023). A történeti Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye papi névtára., old. / с. 290.

43 UDVARI, I. (1998). Adatok Sztripszky Hiador könyvészeti munkásságáról., old. 69-70; UDVARI, I. (1999). Sztripszky Hiador (1875–1946) a Kárpát-medencei ruthenizstika jeles képviselője., s. 520, 538 (текст листа). Пор.: УДВАРИ, І. (2007). Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський., с. 11-12.

44 УДВАРИ, І. (2007). Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський., с. 30.

народу у 1907 р. на сторінках газети «Наука», мала, як виявиться і негативні наслідки. У листі до директора Бібліотеки НТШ у Львові Івана Кревецького від 15 березня 1911 р. Г. Стрипський пише: *«Отсим посилаю товариству для продажі скарби мої. Михайла Оросви́гівського Андрелли два рукописи. Прочитайте про него в хрестоматії Сабова і згадує також Петров та Франко в «Житті і слові» в критиці над хрестоматією Сабова. [...] Мені судилося аж два з його творів в однім селі захопити. Думаю, що варт буде сих або публікувати, або принаймні (...) про них давати... Осу́діте ціну їх по добрій совісті, хоч би й на завдання; по-моєму они варт щонайменше 100 крон»*. Цими творами були два рукописні томи «Логос» і «Молитовник» (1668–1670) священника-полеміста Михайла Андрелли Оросви́гівського (1639–1711)⁴⁵. Далі в листі Г. Стрипський інформує І. Кревецького, що відправив йому 12 томів, між якими є одне рукописне Євангеліє з XVI ст., які просить продати. В кінці листа Г. Стрипський пише, що має ще 14 томів видань XVII–XVIII ст. для продажу⁴⁶.

Невдовзі на цей прикрий факт у біографії Г. Стрипського звернув увагу історик, академік Антоній Годинка (1864–1946). У передмові до «Русинсько-угорського словника» (залишався в рукописі до 1992 р.) вчений зауважив, що Євменій Сабов і Гіадор Біленький (Стрипський) налічили старих літературних пам'яток написаних народною угорорусинською мовою до 60. *«Шкода, што сесі памятки панове Біленький, Петров, Франко и Гнатюк рознесли до Ильова и до Петрограда»*⁴⁷. Бібліотечний фонд НТШ після 1945 р. успадкувала Наукова бібліотека ім. Василя Стефаника у Львові. У 1964 р. український літературознавець Олекса Мишанич нарахував там понад 70 рукописних томів(!), які до Львова надіслав Г. Стрипський⁴⁸. М. Мушинка пише, що Г. Стрипський *«передав бібліотеці НТШ у Львові понад 80 цінних рукописів XVII–XIX ст., між якими були й цілі збірники»*⁴⁹. Чим була викликана така не патріотичність Г. Стрипського до збереження культурної писемної спадщини угорських русинів, важко сказати. Певно його нестабільне матеріальне становище змушувало йти на такі шкідливі для розвитку місцевої карпаторусинської культури вчинки.

У 1913 р. Г. Стрипський публікує в Будапешті велику статтю про москвофілство, українство і рідних руснаків. У ній він пише, що мова підкарпатських русинів самостійна, розвинулася в угро-руську форму, яка

45 ДАНИЛЮК, Д. (1997). *Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку XX ст.)*. Ужгород: «Патент», с. 41.

46 УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський..*, с. 44.

47 ГОДИНКА, А. (1992). Передословіє до Русинсько-мадярського словаря. In: *Hodinka Antal válogatott kéziratai = Выбрани рукописи Антонія Годинки, Válogatta, szerkesztette és a bevezető életrajzot írta: I. Udvari. Nyíregyháza: Vasvári Pál Társaság*, 1992, old. 105.

48 МИШАНИЧ, О. (1964). *Література Закарпаття XVII–XVIII ст.* Київ: Наукова думка, с. 5.

49 МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського.., с. 47.

далека від української, а від російської ще дальша. Так само і його правопис різниться як від українського, так і від російського правописів. Із правопису одразу видно, що це не російська, не українська мови, тож хай свій правопис відповідає бажанню всіх діалектів⁵⁰. Найбільшу загрозу для етнічного розвитку угорських руснаків Стрипський бачив у москвофілстві та схизмі. Для того аби ці явища не поширювалися між руснаками, він пропонує уряду вирішити національне та господарське питання, в контексті якого слід призначити руснаків місцевими урядовцями⁵¹.

Відомий своїми проукраїнськими поглядами в ранній період життя і творчості Г. Стрипський у 1914 р. став членом Наукового товариства ім. Т. Шевченка у Львові. 4 березня разом із ним членами історично-філологічної секції НТШ стали бібліограф Богдан Барвінський, правник Володимир Вергановський, політолог В'ячеслав Липинський, мистецтвознавець Олександр Новицький, археолог Дмитро Яворницький та три іноземні історики: Раймунд Кайндль із Грацу, Шарль Сеньобос із Парижа і Людвік Кубаль із Кракова. Від самого початку і до 1939 р. Г. Стрипський працював в Археографічній комісії НТШ, яку довгий час очолював М. Грушевський (М. Мушинка її помилково називає Археологічною комісією)⁵².

Під час Великої війни у 1916 р. Г. Стрипський став редактором газети «Ukránia» («Українія»), в якій, за дорученням угорського уряду інформував угорців про Україну, а українців про Угорщину, захищав інтереси Угорщини в Україні. За трохи більше року під редагуванням Г. Стрипського вийшло друком 20 номерів газети⁵³. З того часу і до тепер це був перший і єдиний угорський друкований орган, повністю присвячений Україні⁵⁴. В Угорському національному музеї Г. Стрипський працює до 22 грудня 1918 р., після чого переходить працювати службовцем в Департамент національних меншин Міністерства віри і освіти⁵⁵, хоч М. Мушинка безпідставно стверджує, що *«головним і постійним місцем роботи Г. Стрипського від 1910 до 1945 р. був Угорський національний музей у Будапешті, в якому він працював кустосом (управителем збірок)»*⁵⁶.

50 SZTRIPSZKY, H. (1913). Moskophilismus, ukrainismus és a hazai rusznákok. In: *Budapesti Szemle*, Köt. 153, sz. 434. Budapest: Franklin, old. 278-296. Пор.: УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський..*, с. 24.

51 SZAKÁL, I. (2018). «Rend, fegyelem, összetartás, s nem lesz panasz többé a Kárpátok bércei között». In: *Iratok Ruszka Krajna történetéhez (1918–1919)*. Beregszász–Ungvár: «RIK-U» Kft., old. 28.

52 МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського.., с. 47.

53 UDVARI, I. (1999). Sztripszky Híador (1875–1946) a Kárpát-medencei ruthenizistika jeles képviselője.., s. 521. Пор.: УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський..*, с. 12.

54 МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського.., с. 47.

55 УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипський..*, с. 12.

56 МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського.., с. 50.

Робота в угорському уряді на благо рідного краю (22 грудня 1918 – літо 1921)

Після падіння Австро-Угорської монархії (13.11.1918) у складі новоутвореної Угорської Республіки 21 грудня 1918 р. було створено автономну область Руську Крайну, яка проіснувала де-юре до 28 квітня 1919 р., а де-факто до 9 червня 1919 року. Її життєдіяльність прямо або опосередковано була пов'язана з такими карпаторусинськими діячами як Орест Сабо, Агоштон Штефан, Євменій Сабо, Міклош Куткофолві, Антоній Годінка, Шандор Бонкало, Йосиф Камінський, Гіадор Стрипський та багато інших⁵⁷.

22 грудня 1918 р. Г. Стрипський залишає Національний музей: на запрошення урядового комісара у справах Руської Крайни при уряді Угорщини О. Сабо він переходить на посаду радника Департаменту національних меншин Міністерства віросповідань та освіти. Г. Стрипський відіграє важливу роль у визначенні культурної, мовної та релігійної політики влади в часи існування автономної області Руська Крайна в складі Угорської Республіки та після її краху. Одночасно з посадою в міністерстві Г. Стрипський очолював освітню адміністрацію. Після комуністичного перевороту та встановлення радянської влади в Угорщині (21.03.1919) Г. Стрипський продовжує державну службу в Русинському народному комісаріаті Руської Крайни, а після падіння комуністичного режиму Бейли Куна в Угорщині, працює короткий час у Міністерстві національностей⁵⁸.

У 1918–1920 рр. Г. Стрипський розробив проект заснування першого русинського крайового музею під назвою «Церковний музей Мукачівської єпархії в Ужгороді». Згідно з його проектом музей мав мати чотири відділи: 1) бібліотеку, основою якої мала стати діюча бібліотека богословської семінарії; 2) історичний відділ; 3) народознавчий і 4) природописний відділ⁵⁹. Але не судилося.

У Будапешті Г. Стрипський пробує кодифікувати русинську мову. Для цього він заснував русинське видавництво «Час», що мало публікувати серію книг «Русько-Країнська Бібліотека» для Руської Крайни. Першу з них хрестоматію, «Читанку для дорослих» (80 стр.), він уклав особисто у 1919 р. під псевдонімом Ядор (залишилася в рукописі)⁶⁰. Автор вико-

ристовує український фонетичний правопис, а не русинський етимологічний. Проте, говорячи про розвиток русинської мови, спирається на два джерела: домашні русинські літературні традиції, які збереглися в літературних пам'ятках, та живі місцеві діалекти, але не схвалює використання церковнослов'янських і великоросійських елементів. У вступі до читанки Стрипський пише: «*Штобы правильно и вірно выразити народну мову письмом, не можеме вже дале держатися того старого правописа, котрого нас давнійше учили. Из сеї причини ступаєме слідом усіх славянських народів, што Кириловськими буквами пишуть, и котрі народы зреформовали кирилицю вже скорше нас*»⁶¹.

За ініціативою Г. Стрипського на філологічному факультеті Будапештського університету у 1919 р. було засновано Кафедру русинської та російської мов і літератур, яку очолив д-р філології Шандор Бонкало (кафедра існувала до 1924 р.). Г. Стрипський також був головним редактором декількох номерів газети «Руська правда», що видавалася з 12 квітня 1919 р. в Мукачеві та Будапешті як офіційний орган Русько-крайнянського народного комісаріату. Останні номери газети (6-9-й) вийшли під назвою «Русько-країнська правда»⁶².

Г. Стрипський зацікавив свого родича із Ніредьгази угорського письменника і журналіста Дюлу Крудія (1878–1933) карпаторусинською тематикою. На думку І. Удварі, інтерес Д. Крудія до русинів підживив саме Г. Стрипський в короткі місяці існування Руської Крайни. Щоправда при житті Крудій не опублікував жодного твору про русинів. Твори угорського класика про русинів вийшли друком у Мішкольці аж у 2001 р. в одному томі⁶³. У 2002 р. його книга вийшла друком в Ужгороді в перекладі на русинську мову Ігоря Керчі⁶⁴.

III. Гіадор Стрипський., с. 25, 40, 42-43.

61 Цит. за: УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства*. III. Гіадор Стрипський., с. 42. Пор.: МУШИНКА, М. (1995). *Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського.*, с. 47-48.

62 ПОП, І. (2010). Стрипський Гіадор (Стрипський Ядор; Sztripszky Hiador). In: *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів*, Укладачі: П. Р. Магочій та І. Поп; заг. ред. П. Р. Магочія; пер. з англ. Н. Кушко; ред. укр. вид. В. Падяк; вип. ред. Л. Ільченко. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010, с. 716-718; ПОП, І. (2010). «Руська правда». In: *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів*, Укладачі: П. Р. Магочій та І. Поп; заг. ред. П. Р. Магочія; пер. з англ. Н. Кушко; ред. укр. вид. В. Падяк; вип. ред. Л. Ільченко. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010, с. 667.

63 KRÚDY, Gy. (2001). *Havasi kürt. Felföldi Kincsestar*. Miskolc.

64 КРУДІЙ, Д. (2002). *Наші добрі Русини*. Едіція Пудкарпатія, Miskolc: Felsőmagyarország – Ужгород: ПоліПрінт. Пор.: БЕНЕДЕК, А. Ш. (2002). Крудій у Пудкарпатію. In: КРУДІЙ, Д. (2002). *Наші добрі Русини*. Едіція Пудкарпатія, Miskolc: Felsőmagyarország – Ужгород: ПоліПрінт, с. 143-148.

57 SZAKÁL, I. (2018). «*Rend, fegyelem, összetartás, s nem lesz panasz többé a Kárpátok bércei között*». *Iratok Ruszka Krajna történetéhez (1918–1919)*., old. 19-49.

58 УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства*. III. Гіадор Стрипський., с. 12. Пор.: SZAKÁL, I. (2018). «*Rend, fegyelem, összetartás, s nem lesz panasz többé a Kárpátok bércei között*». *Iratok Ruszka Krajna történetéhez (1918–1919)*., old. 131-133.

59 СТРИПСЬКИЙ, Г. (1918). *Пару слів о музеях*. In: *М'бсяцослов'я на годъ 1919*. Унгварь, с. 49-53. Пор.: МУШИНКА, М. (1995). *Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського.*, с. 47.

60 ЯВОРСКИЙ, Ю. Я. (1931). Литературные отголоски «русско-краинского» периода въ Закарпатской Руси 1919 года. In: *Карпаторусский сборникъ. Подкарпатская Русь въ честь президента Т. Г. Масарика 1850–1930*. Ужгородъ, с. 79-87; УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства*.

ЛІТЕРАТУРА

- KRÚDY, Gy. (2001). *Havasi kürt. Felföldi Kincsestár*. Miskolc, 167 old.
- MAYER, M. (1977). *Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések 1860–1910*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 256 old. ISBN 963-051215-7.
- MOROSI, I. – MOROSI, A. (2023). *A történeti Munkácsi Görögkatolikus Egyházmegye rapi névtára*. Ужгород: Видавництво «Карпати», 1092 old. / с. ISBN 978-966-671-575-6.
- Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkacsensis pro anno domini 1896*. (1896). Ungvarini: Typis typographiae Bartholomaei Jäger, 265 p.
- SEMYAYER, V. (1902). Az EKE kolozsvári táj- és néprajzi múzeuma. In: *Néprajzi Értesítő*, Sz. III, old. 143-144.
- SZAKÁL, I. (2018). «Rend, fegyelem, összetartás, s nem lesz panasz többé a Kárpátok bércei közön». *Iratok Ruszka Krajna történetéhez (1918–1919)*. Beregszáz–Ungvár: «RIK-U» Kft., 248 old. ISBN 978-617-7692-20-0.
- SZTRIPSZKY, H. (1913). Moskophilismus, ukrainismus és a hazai rusznákok. In: *Budapesti Szemle*, Köt. 153, sz. 434. Budapest: Franklin, old. 278-296.
- UDVARI, I. (1998). Adatok Sztripszky Hiador könyvészeti munkásságáról. In: *A Debreceni Kossuth Lajos Tudományegyetem Könyvtárának közleményei*, Köt. 189. Debrecen, old. 67-97. ISSN 0415-1305 ISBN 963 472 365 9.
- UDVARI, I. (1999). Sztripszky Hiador (1875–1946) a Kárpát-medencei rutennizstika jeles képviselője. In: *Relații interetnice în zona de contact româno-maghiaro-ucraineană din secolul al XVIII-lea până în prezent / Interethnische Beziehungen im rumänisch-ungarisch-ukrainischen Kontaktraum vol 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart / A román, magyar és ukrán népesoportok egymáshoz való viszonya a 18. századtól napjainkig*, Coordonatori: dr. H. Gehl și V. Ciubotă. Satu Mare – Tübingen: Editura Muzeului Sătmărean, s. 513-542. ISBN 973-97339-4-8.
- VIGÁ, Gy. (1998). Sztripszky Hiador és négy levele Herman Ottóhoz. In: *Herman Ottó Múzeum Évkönyve*, vol. XXXVIII. Miskolc, old. 1299-1314. ISSN 0544-4225.
- БЕНЕДЕК, А. Ш. (2002). Крудій у Пудкарпатю. In: КРУДІЙ, Д. (2002). *Наші добрі Русини*. Едіція Пудкарпатія, Miskolc: Felsőmagyarország – Ужгород: ПоліПрінт, с. 143-148.
- БІЛЕНЬКИЙ [СТРИПСКИЙ, Я.] (1907). Старша руська письменність на Угорщині. In: *Наука*. Унгварь, №№ 10-29.
- БІЛЕНЬКИЙ [СТРИПСКИЙ, Я.] (1907). Старша руська письменність на Угорщині. In: УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипській, народописник, бібліограф, мовчач. Ніредьгаза*, 2007, с. 49-74. ISBN 963 9385 16 6 Ö ISBN 978-963-7336-70-6 HU ISSN 1216-9986.
- БІЛЕНЬКИЙ [СТРИПСКИЙ, Я.] (1911). Угороруські літописні записки. In: *Записки Наукового Товариства ім. Т. Шевченка*, Том CIV. Львів, с. 73-82.

- ГОДИНКА, А. (1992). Передословіє до Русинсько-мадярського словаря. In: *Hodinka Antal válogatott kéziratai = Выбрані рукописи Антонія Годинки*, Válogatta, szerkesztette és a bevezető életrajzot írta: I. Udvari. Nyíregyháza: Vasvári Pál Társaság, old. 103-107. ISBN 963-04-2591-2.
- ДАНИЛЮК, Д. (1997). *Історія Закарпаття в біографіях і портретах (з давніх часів до початку ХХ ст.)*. Ужгород: «Патент», 289 с. ISBN 966-7242-05-6.
- КРУДІЙ, Д. (2002). *Наші добрі Русини*. Едіція Пудкарпатія, Miskolc: Felsőmagyarország – Ужгород: ПоліПрінт.
- МАЕЙР, М. (1985). О забытой газете «Келет». In: *Studia Slavica Hungarica*, XXXI. Budapest, old. 171-178. ISSN 00393363, 1588290X.
- МИШАНИЧ, О. (1964). *Література Закарпаття XVII–XVIII ст.* Київ: Наукова думка, 116 с.
- МУШИНКА, М. (1995). Світлі духи Угорської Русі: до 120-ліття з дня народження Гіадора Стрипського In: *Карпатський край*, Річник V, Чис. 1-4 (110). Ужгород, 1995, с. 46-50.
- Письмо Гіадора Стрипського безвістному пудкарпатському учителю-країнофілу, 15 октовбра 1942 р., Будапешт. In: УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипській, народописник, бібліограф, мовчач. Ніредьгаза*, 2007, с. 200-201. ISBN 963 9385 16 6 Ö ISBN 978-963-7336-70-6 HU ISSN 1216-9986.
- ПОП, І. (2010). «Руська правда». In: *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів*, Укладачі: П. Р. Магочій та І. Поп; заг. ред. П. Р. Магочія; пер. з англ. Н. Кушко; ред. укр. вид. В. Падяк; вип. ред. Л. Ільченко. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010, с. 667. ISBN 978-966-387-044-1.
- ПОП, І. (2010). Стрипський Гіадор (Стрипський Ядор; Sztripszky Hiador). In: *Енциклопедія історії та культури карпатських русинів*, Укладачі: П. Р. Магочій та І. Поп; заг. ред. П. Р. Магочія; пер. з англ. Н. Кушко; ред. укр. вид. В. Падяк; вип. ред. Л. Ільченко. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010, с. 716-718. ISBN 978-966-387-044-1.
- СТРИПСЬКИЙ, Г. (1918). *Пару слів о музеяхъ*. In: *Мѣсяцословъ на годъ 1919*. Унгварь, с. 49-53.
- СТРЯПКО, І. (2012). *Товариство «Просвіта» в громадсько-політичному та культурному житті Закарпаття*. Ужгород: Інформаційно-видавничий центр ЗІППО, 328 с. ISBN 978-966-332-109-7.
- УДВАРІ, І. (2007). *Зберька жерел про студії русинського писемства. III. Гіадор Стрипській, народописник, бібліограф, мовчач. Ніредьгаза*, 2007, 257 с. ISBN 963 9385 16 6 Ö ISBN 978-963-7336-70-6 HU ISSN 1216-9986.
- ФЕНИЧ, В. Перед викликом «залізниці і телеграфу»: ідентичність, менталітет та повсякденне життя угорських русинів очима о. Калмана Юрія Жатковича (1855–1920). In: *Наукові записки Богословсько-історичного*

науково-дослідного центру імені архімандрита Василя (Проніна), Випуск 11, Редколегія; гол. ред.: Ю. В. Данилець. Ужгород: «РІК-У», 2024, с. 55-108. ISSN 2617-1317 (Print).

ХИМИНЕЦЬ, В. – БАСАРАБ, М. (2013). *Історія Ужгородської гімназії (1613–2013)*. Ужгород: Видавництво «Карпати», 272 с. ISBN 978-966-671-366-0. ЯВОРСКИЙ, Ю. Я. (1931). Литературные отголоски «русько-краинского» періода въ Закарпатской Руси 1919 года. In: *Карпаторусский сборникъ. Подкарпатская Русь въ честь президента Т. Г. Масарика 1850–1930*. Ужгородъ, с. 79-87.

Doc. PhDr. Volodymyr Fenyč, CSc.
Užhorodská národná univerzita
Fakulta histórie a medzinárodných vzťahov
Katedra modernej histórie Ukrajiny
a zahraničných krajín
Ukrajina

volodymyr.fenyh@uzhnu.edu

KULTÚRNE A JAZYKOVO-HISTORICKÉ SÚVISLOSTI VZNIKU KERESTÚRSKEHO RUKOPISU Z ROKOV 1893 – 1901¹

Peter ŽEŇUCH

Abstract

The texts included in the *Manuscript from Kerestur* are inspired by the teachings of the Bible and other ecclesiastical texts, which are primarily educational and didactic in nature. The *Manuscript from Kerestur* is written in an accessible language that provides the simple believer with a possibility for deeper understanding of a variety of religious themes and symbols that serve to interpret the basic or canonical biblical stories. The purpose of literary treatment is the moral ennoblement of the individual, especially in symbiosis with the truths of faith and the Church and in the context of the needs of cultivating literary language. Thus, the text of the *Manuscript from Kerestur* conveys the actual dynamics of the linguistic and cultural development of the Greek Catholics from Vojvodina, who have preserved their Greek Catholic identity precisely through and with the help of their vernacular language – the Vojvodina variant of the Eastern Slovak dialect.

Keywords: Cyrillic manuscripts, language, literature, culture, Greek Catholics, Vojvodina – Serbia.

Literárna tvorba gréckokatolíkov pod Karpatmi je pevne spätá s cyrilskou písarskou tradíciou, čoho svedectvom je aj písomníctvo v dolnozemskej prostredí. Umožňuje totiž presnejšie poznávať rozmanitosť jazykovo-kultúrneho vývinu v celom spektre cyrilskej písomnej tradície gréckokatolíkov, vrátane gréckokatolíckej písomnej tradície na Slovensku. Cyrilská písomná tradícia poskytuje priestor nielen na skúmanie sústavnosti takejto písomnej kultúry, ale utvára možnosti na pochopenie jazykovo-identifikačného a kultúrno-konfesionálneho myslenia gréckokatolíckeho spoločenstva. Starobylosť a sústavnosť cyrilskej písomnosti však neobmedzila jej jazykovú a kultúrnu divergenciu či rozmanitosť, ktorá sa odrazila v cyrilských textoch, práve naopak, umožňuje sledovať a hlbšie chápať spektrum jazykových prostriedkov jednotlivých spoločenstiev, ktoré tvoria súčasť takejto ľudovej cyrilskej tvorby. Jazykovo-kultúrnu členitosť cyrilských literárnych pamiatok dokumentujú práve jazykové varianty obsahovo i formálne podobných textov, ktoré sú úzko napojené predovšetkým na potreby ľudového jazyka v prostrediach, v ktorom sa tieto texty uplatňovali. Na ich základe je preto možné spoľahlivo zistiť najmä životaschop-

¹ Štúdia vznikla v rámci riešenia projektu: VEGA 2/0045/23 Premeny a súvislosti kultúrnej identity v enkláve a diaspóre: na príklade Slovákov a Rusnákov na Dolnej zemi.

nosť každého jazykového spoločenstva, ba i takého jazykového spoločenstva gréckokatolíkov, ktoré používa východnú slovenčinu ako základný dorozumievací prostriedok vo vzájomnej každodennej komunikácii.

V tomto kontexte si dovoľíme pripomenúť, že „dolnozemskí gréckokatolíci sú diaspórou pôvodne východoslovenského obyvateľstva, ktoré do oblasti dolnej zeme odišlo v polovici 18. storočia. Podnes si v prostredí Vojvodiny zachovali svoj jazyk, tradície i obrady. Migrácia východoslovenského obyvateľstva byzantského obradu do oblasti Vojvodiny v Srbsku umožnila petrifikovať stav ľudového jazyka gréckokatolíkov z východného Slovenska.“² Tento východoslovenský nárečový variant slovenčiny aj v cyrilských písomnostiach dokazuje svoju životaschopnosť, lebo v kontexte gréckokatolíckej literárnej tradície plnil rolu literárneho jazyka slovenských i dolnozemsých gréckokatolíkov.³ V rámci súčasných i predchádzajúcich výskumov sa zároveň podarilo potvrdiť, že nielen jazyk v tomto cyrilskom rukopise, ale v spontánných prehovoroch gréckokatolíckych obyvateľov v dolnozemsom gréckokatolíckom prostredí sa zhoduje s jazykom slovenských kalvínskych bohoslužobných tlačí.⁴

Jazyk dolnozemsých gréckokatolíkov – Rusnákov a východoslovenských kalvínov v polovici 18. storočia je jedna reč, ktorá sa nielen udržala, ale v dolnozemsom prostredí aj ďalej rozvíjala; je obohatená o prevzatia zo srbčiny a ďalších živých jazykov v tomto regióne.⁵

Východoslovenské nárečie použili dolnozemskí gréckokatolíci aj ako východisko pre svoj literárny jazyk, ktorý má podobne ako ktorýkoľvek iný literárny jazyk vlastný život, na ktorý prirodzene vplývajú rozmanité spoločenské i politické súvislosti. Nebudeme sa tu o tom zoširoka zmieňovať, preto odkážeme iba na to, že vo vedeckej i odbornej spisbe možno ešte aj dnes zaznamenať rozmanité pohľady na jazyk enklávy dolnozemsých gréckokatolíkov, ktorí používajú východnú slovenčinu, pričom sa často možno stretnúť s takým tvrdením, že jazyk dolnozemsých gréckokatolíkov nie je slovenčina, resp. nemá slovenské jazykové východisko. Aj preto sa o týchto dolnozemsých gréckokatolíkoch najnovšie hovorí ako o *panónskych Rusínoch*,⁶ na iných miestach sa o nich ho-

2 Žeňuch, P.: *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / Prameny k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae IV*, s. 435.

3 Žeňuch, P.: *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / Prameny k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae IV*, s. 435-436.

4 Žeňuch, P.: Vojvodinskí Rusnáci a slovenskí rusnáci: Jazyková, konfesijná a etnická identita v komparácii. In: *Slavica Slovaca*, 2018, roč. 53., č. 3-4 (supplementum), s. 75-85.

5 Napríklad z nemčiny sa prevzalo pomenovanie *hajziban*, ktorým dolnozemskí Slováci i Rusnáci označujú železnice i vlakovú železničnú súpravu, teda vlak (porov. nem. *die Eisenbahn*), hoci v nárečiach na východnom, strednom i západnom Slovensku sa takéto pomenovanie pre vlak nevyskytuje. Zo srbčiny sa zas na prejav súhlasu hovoriaceho používa lexéma *važi* (srb. *важи* s významom 'platí'), z maďarčiny preniklo napr. pomenovanie *katonac* na označenie ozbrojeného príslušníka vojska (porov. maď. *katona*) a pod.

6 Habijanec, S.: Pannonian Rusyn. In: *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online* [elektronický zdroj]. Leiden: Brill, 2020, dostupné na: https://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_031961

vorí ako o *bačvanských Ukrajincoch*, ktorých literárnym jazykom je napríklad podľa L. Beleja akýsi báčsko-ukrajinský jazyk.⁷ Dokonca sa o nich píše v tom zmysle, že títo dolnozemskí gréckokatolíci majú svoju *habsburskú rusínsku/rusnáciu identitu*,⁸ keďže ich jazykovo-kultúrnu samoidentifikáciu sprevádzala nejasná psychologická rozpoltenosť.⁹ Okrem týchto pohľadov však existujú ešte aj názory, že jazyk spoločenstva dolnozemsých gréckokatolíkov je osobitný slovanský mikrojazyk, ktorý sa vyvinul za špecifických podmienok, v ktorom sa vyvíjalo rusínske etnické spoločenstvo, keďže vychádza zo zmiešanej poľsko-rusínsko-slovenskej reči.¹⁰ Podľa niektorých zostáva otázka jazykovej tradície dolnozemsých gréckokatolíkov doposiaľ nevyriešenou otázkou, lebo nie je jasný identifikačný podiel východoslovenských prvkov na nevyhnutne „heterogénnom teda zmiešanom pôvode“¹¹ jazyka tohto dolnozemsého rusnákneho, gréckokatolíckeho spoločenstva.

Viacerí jazykovedci a slavisti na Slovensku i v zahraničí však už priniesli celý rad jazykových dôkazov a kultúrno-historických argumentov o tom, že východiskom jazyka dolnozemsých gréckokatolíkov je slovenský národný jazyk, východná slovenčina, najmä jej zemplínska nárečová osnova.¹² K problematike jazykovej identifikácie dolnozemsých gréckokatolíkov preto treba opäť len zopakovať, že základom, východiskom, jadrom jazyka dolnozemsých gréckokatolíkov je zemplínska nárečová osnova slovenčiny, ktorá sa presadila aj ako ich literárny (písomný) jazyk. Tento jazyk gréckokatolíci na východnom

7 Белей, Л.: Українці й українська мова на Балканах (Сербія, Хорватія, Боснія і Герцеговина). In: *Дивослово*, 2008, № 8, s. 44.

8 Goodrich, R.: Habsburg Ruthenian/Rusyn Identities Part I: The Habsburg Lands. In: *Upper Country: A Journal of the Lake Superior Region*, 2022, Vol. 10, Article 3. Dostupné na: https://commons.nmu.edu/upper_country/vol10/iss1/3; slovenský preklad: Habsburské ruthenské/rusínske identity je dostupný na <https://www.rusyn.sk/habsburske-ruthenske-rusinske-identity/>

9 Івасіків, В.: Ментальність Русинів Сербії та її вплив на формування особистості о. Гавриїла Костельника. In: *KELM (Knowledge, Education, Law, Management)*, 2020, № 3(31), vol. 1, s. 45-50, dostupné na <https://doi.org/10.51647/kelm.2020.3.1.9>.

10 Porovnaj napr. Дуличенко А. Д.: Язык русин Сербии и Хорватии (Югославо-руси́нский язык). In: *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2: Славянские языки*. Санкт-Петербург, 1998, s. 247-272; Чарский, В. В.: *Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов: лингвогенетический аспект*. Щёлково: ОнтоПринт, 2011; Kwoka, T.: *Wojwodina i jej Rusini. O języku, kulturze i historii Rusinów wojwodińskich*. Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka, 2023.

11 Porovnaj Habijanec, S.: Восточнославянские элементы в бачкорусинском языке. In: *Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии и филологического факультета*, 28-29 ноября 2018 года. Москва: МАКС Пресс, 2018, s. 327.

12 Štolc, J.: Slovenské nárečia v Juhoslávii. In: *Kultúrny život*, 1947, roč. 2, č. 21 a č. 22-24; Štolc, J.: O pôvode a rozvoji slovenskej reči v Juhoslávii. In: *Nový život. Časopis pre literatúru a kultúru*, 1965, roč. 17, č. 4, s. 333-342; Švagrovský, Š.: K otázke nárečovej podstaty jazyka báčsko-sriemských Rusnákov. In: *Jazykovedné štúdie XXVI. História, súčasný stav a perspektívy dialektologického bádania*. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2009, s. 188-204; Lunt, H. G.: Notes on the Rusin Language of Yugoslavia and Its East Slovak Origins. In: *International journal of Slavic linguistics and poetics: IJSLP*, Columbus, Ohio: Slavica Inc, 1998, roč. 42, s. 43-84; Bidwell, Ch. E.: The language of the Bačka Ruthenians in Yugoslavia. In: *The Slavic and East European Journal*, 1966, roč. 10, č. 1, s. 35-45; Žeňuch, P.: *Slováci a slovenčina v jazykovo-historických a konfesijných súvislostiach. Procesy a kontexty kultúrnej komunikácie*. Bratislava: Slovenský komitét slavistov – Pedagogická fakulta Univerzity Komenského, 2022 a i.

Slovensku používali už v predkodifikačnom období vývinu ako svoj literárny jazyk (kultúrna východoslovenčina) a takto si ho priniesli na dolnú zem v polovici 18. storočia práve dolnozemplní gréckokatolíci, kde prešiel vlastnou cestou literárnej kultivácie. Pre dolnozemplní Rusnákov preto dnes plní integračnú a identifikačnú funkciu nielen ako základný spisovný komunikačný prostriedok, ale vystupuje aj ako identifikačný symbol gréckokatolíckeho spoločenstva v dolnozemplnej diaspóre. „Rusnaci na dolnej zemi si vybrali vlastnú cestu etnickej identifikácie, na ktorej si za znak svojej identity zvolili to, čo v konečnom dôsledku tvorí podnes osnovu kultúrnej jedinečnosti všetkých gréckokatolíkov pod Karpatmi – ruskú cirkev, obrad a vieru. Systémovým východiskom jazyka dolnozemplných Rusnacov bola a po dnes je živá východná slovenčina. Prioritným príznakom identity dolnozemplných Rusnacov nie je jazyk, ale iné zložky kultúrnej identity, najmä ich silné konfesijné povedomie, ktoré poskytlo priestor pre im vlastné identifikačné stereotypy.“¹³

Počas terénneho výskumu v 2007 a tiež v kontexte nadväzujúcich opakovaných terénnych výskumov (najmä v rokoch 2021–2023, osobitne v rámci riešenia projektu VEGA 2/0045/23 „Premeny a súvislosti kultúrnej identity v enkláve a diaspóre: na príklade Slovákov a Rusnákov na Dolnej zemi“) sa na základe jazykového výskumu získaných spontánnych prehovorov a cirkevnoslovenských modlitebných prejavov vojvodinských gréckokatolíkov podarilo opätovne nielen zdokumentovať, ale najmä potvrdiť to, že jazyk dolnozemplných gréckokatolíkov je vo svojej osnove východná slovenčina a že toto ich jazykové povedomie sa transponuje aj do cirkevnoslovenských ústnych súkromných i verejných modlitbových prejavov.

Osobitnú zložku bádania predstavuje výskum lexikálnej bázy týchto prehovorov. Časť slovnej zásoby dolnozemplných gréckokatolíkov tvoria lexémy súvisiace s konfesijným prostredím, preto sú zrozumiteľné najmä ich používateľom (podobne ako aj gréckokatolíkom na východnom Slovensku), keďže sú späté s cirkevným obradom a sú prevzaté z cirkevnej slovančiny ako liturgického jazyka. S byzantsko-slovenskou cirkevnou terminológiou prišli dolnozemplní gréckokatolíci najskôr z východného Slovenska, preto toto cirkevnoslovenské pojmoslovie úzko korešponduje s konfesijnou terminológiou gréckokatolíkov na východnom Slovensku. Do svojej novej domoviny vo Vojvodine si ju dolnozemplní gréckokatolíci prirodzene preniesli ako živý komponent svojho jazyka a ako súčasť cirkevnej tradície a identity z materskej krajiny (Slovenska). V srbskom prostredí im táto terminológia umožnila odlišiť sa od Slovákov evanjelikov.¹⁴ Liturgickú lexiku gréckokatolíkov, ktorá je živá vo vý-

chodoslovenskom i v dolnozemplnom prostredí, použil tiež križevacký biskup Dionýz Njaradi vo svojom výklade liturgie pre veriacy. Svoj výklad publikoval v literárnom jazyku, teda dolnozemplnej zemplínčine v knižnej práci s názvom *Служба Божья* alebo *Литургия* v roku 1932. Jazykom tejto liturgickej príručky je práve reč vojvodinských gréckokatolíkov, ktorú vo svojej *Gramatike bačvansko-ruskej bešedi* opísal G. Kostelník v roku 1923. „Dolnozemplní gréckokatolíci (Rusnáci) používajú zemplínčinu ako svoj spisovný jazyk a v tomto ich jazyku sa podobne ako v živej reči Slovákov gréckokatolíkov nachádza aj cirkevnoslovenská obradová lexika plne prispôbená východnej slovenčine.“¹⁵ Možno zdôrazniť, že slovná zásoba je dôležitým potvrdením kultúrno-konfesijného kultivácie spoločnosti, keďže „svedčí o jazykovom rozvoji cirkevného spoločenstva, ktoré sa v kontexte byzantsko-slovenskej tradície aj v slovenskom jazykovom prostredí formovalo oddávna“¹⁶ a podnes je živá aj v jazykovom prejave gréckokatolíkov Ruského Kerestúra, Kocury, Ďurďova a v ostatných oblastiach dolnej zeme, kde žijú títo Rusnáci. O uvedenej skutočnosti svedčí aj transliterovaný a v prílohe publikovaný text *Kerestúrskeho rukopisu z rokov 1893 – 1901*.

Pri výskume jazyka cyrilských pamiatok treba vychádzať zo synergetickej a komparatívnej historicko-filologickej analýzy.

Cyrilská písomná tvorba súvisí nielen s kultúrnou rozmanitosťou slovenskej cirkvi byzantsko-slovenskej tradície, ale aj s jazykovými špecifikami v rámci jednotlivých religiózne homogenných entít, ktoré sú späté s cyrilskou a cirkevnoslovenskou literatúrou a kultúrou, do ktorej jednoznačne patrí aj cyrilská písomná tradícia v historickej Mukačevskej eparchii. Práve táto mukačevská gréckokatolícka písomná tradícia zjednocovala všetkých veriacy tejto uniatskej cirkvi v priestore pod Karpatmi bez rozdielu prebiehajúcej (formujúcej sa) jazykovo-etnickej identifikácie, ktorá vyvrcholila v 19. storočí. Podnes gréckokatolícki veriacy vnímajú jednotu mukačevskej tradície najmä na základe bohoslužobného obradu v cirkevnoslovenskom jazyku a právnej príslušnosti k rímskej cirkvi. Gréckokatolícki veriacy pod Karpatmi však už v súčasnosti žijú v rozmanitých jazykových a etnicky diferencovaných spoločenstvách, ktoré utvorili vlastné štruktúrne cirkevné jednotky v štátnych hraniciach štyroch štátov: Slovenská republika, Ukrajiná republika, Maďarská republika a Rumunská republika. Tieto spoločenstvá už majú vlastné jazykovo a etnicky vyprofilované biskupstvá: na Slovensku je to Prešovská metropolia, Košické a Bratislavské biskupstvo, v Zakarpatskej oblasti Ukrajiny je to Mukačevské biskupstvo so sídlom v Užhorode, v Rumunsku je to Maramurešské biskupstvo so sídlom v Baia Mare, biskupstvo v Oradei, Kluži (Cluj) a Satu-Mare a v Maďarsku sú to biskupstvá v Hajdúdorogu, Miskolci a Nyíregyháze a vo vojvodinskom gréckokatolíckom prostredí je to gréckokatolícka eparchia sv. Mikuláša

13 Žeňuch, P.: Jazyk ako svedectvo o prekonanej identite a/alebo pamäť kultúry. In: *Шветлосці, часопіс за науку, літературу, культуру і уменності*, 2022, roč. 70, č. 1., s. 18-19.

14 Žeňuch, P.: Aktuálne výsledky výskumov o liturgickej cirkevnej slovančine v prostredí gréckokatolíkov byzantského obradu na Slovensku a vo Vojvodine. In: Uhláriková, J. – Šimáková Speváková, M. (eds.): *Slovakistika – súčasný stav a perspektívy*. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2024, s. 187-200.

15 Žeňuch, P.: *Slováci a cirkevná slovančina – kultúrno-historické súvislosti*. Bratislava: Veda SAV, 2024, s. 85-86; príklady pozri s. 86-89.

16 Žeňuch, P.: *Slováci a cirkevná slovančina – kultúrno-historické súvislosti*, s. 89.

ša v Ruskom Kerestúre (Грkokатоличка епархија Светог Николе у Руском Кресту). Veľkú pozornosť si v tejto súvislosti zasluhuje aj jazykovo-literárny vývin týchto gréckokatolíkov, keďže sa do veľkej miery podieľal na rozvíjaní cyrilскеj gréckokatolíckej literárnej tradície.

Je všeobecne známe, že nárečia na historickom území Slovenska prešli svojim vlastným vývinom, ktorý sa dotkol nielen ich slovnej zásoby či frazeológie, ale aj ostatných jazykových rovín. Slovenské nárečia v enklávach a diaspóre sa po odchode ich nositeľov z materskej krajiny postupne rozvíjali vlastným spôsobom. Pri porovnávaní stupňa rozvoja nárečí v historickom slovenskom prostredí a v diaspóre či enkláve sa ukázalo, že slovenské nárečia mimo materskej krajiny čelili inojazykovým, politickým a kultúrnym podnetom, ktoré sa prirodzene odrazili aj na ich rozvoji. Komunity vysťahovalcov zo Slovenska v rodinnom prostredí z generácie na generáciu však udržiavali tento svoj materinský jazyk (nárečie), ktorý si priniesli zo svojej vlasti. Najmä rodinné a cirkevné spoločenstvá predstavovali hlavné kultúrne podhubie pre zachovávanie identity nositeľov tohto nárečia, no najmä pracovné, sociálne, hospodárske a školské prostredie v novej krajine, do ktorého títo Slováci vstúpili po svojom presídlení z materskej vlasti, výrazne modifikovalo aj ich jazykové potreby, ktoré súviseli s potrebou ich hospodárskeho a spoločenského uplatnenia sa. Radikálnej deetnizácii podľahli najmä vysťahovalci, ktorí sa presťahovali do krajín, ktoré neboli v strednej Európe, ale najmä za Atlantikom. K ich deetnizácii prispievala nielen nemožnosť priamo sa kontaktovať s materským územím, ale najmä s materinským jazykom v materskej domovine.

Aj na dolnej zemi predovšetkým Slováci evanjelici i gréckokatolíci podobne ako vysťahovalci za Atlantik vytvorili konfesionálne a kultúrne komunity,¹⁷ ktoré však nepodľahli jazykovo-kultúrnej deetnizácii. Práve častejší kontakt obyvateľov dolnej zeme so Slovenskom, najmä s jeho cirkevnými inštitúciami, im poskytoval úmerne viacej možností na bezprostrednejšiu komunikáciu, ktorá je hlavným zdrojom udržateľnosti a rozvíjania kultúrno-konfesionálnej svojbytnosti a identity v novoosídlenom priestore.

V prípade dolnozemsých gréckokatolíkov – Rusnákov – významnú rolu pri ich identifikácii zohralo predovšetkým konfesionálne podhubie, ktoré bolo tesne prepletené s mukačevskou gréckokatolíckou cirkvou, jej cyrilskou liturgickou a literárnou tradíciou a cirkevnoslovanským jazykom. Toto východisko poskytlo gréckokatolíkom na dolnej zemi priestor špecifikovať samých seba nielen voči domácejmu srbskému, chorvátskemu či maďarskému etniku, ale aj voči ostatným prisťahovalcom zo Slovenska, najmä voči evanjelikom, ale aj rímskym katolíkom. Slováci rímskokatolíci sa v prostredí dolnej zeme čoskoro asimilovali preto, že na základe svojej konfesionálnej príslušnosti navštevovali rímskokatolícke chrámy v chrovátskom alebo aj maďarskom jazykovom pro-

stredí, v ktorých sa v tom čase omša slávila po latinsky.

M. Hríbová¹⁸ v tejto súvislosti poznamenáva, že obyvateľstvo na Dolnej zemi, ktoré používa východoslovenské nárečia, hlási sa k rusínskej národnostnej skupine, ale početné výskumy jej jazyka, piesní a zvykov poukazujú na to, že ich predkami sú východoslovenskí gréckokatolíci a že pod vplyvom svojho vierovyznania si vybuodovali svoju špecifickosť, ktorá im poskytla zdroje pre ich vlastnú národnokultúrnu a národnopolitickú aktivitu v Srbsku v modernom období. Na túto skutočnosť poukazuje tiež Daniel Dudok, ktorý uvažuje aj o tom, že východoslovenské nárečia v prostredí Dolnej zeme sa po odchode z materskej krajiny vyvíjali nezávisle od jazyka ostatných slovenských ostrovov a porovnáva ich rozvoj so slovenskou dolnozemsou enklávou evanjelikov.¹⁹ M. Myjavcová v kontexte jazykovo-politickej stránky výskumu jazyka dolnozemsých gréckokatolíkov zdôraznila skutočnosť, že práve Jozef Štolc ako dobrý znalec slovenských nárečí a ako východniarsky rodák zmienil sa vo svojich správach z nárečového výskumu slovenského jazyka v dolnozemsom prostredí aj o miestnych gréckokatolíkoch a o ich jazyku, „ktorý je ináč vo Vojvodine uznaný ako jazyk rusínskej národnostnej menšiny, a konštatoval, že tunajší rusínsky jazyk je vlastne slovenské nárečie, akým sa hovorí na východnom Slovensku. Vyvolalo to značné pobúrenie jednak tých, na ktorých reč sa táto konštatácia vzťahovala, jednak vtedajších strážcov národnostných vzťahov vo viacjazykovom vojvodinskom spoločenstve. [...] vymieňali sa v tejto veci aj medzištátne protestné nóty, ale po čase sa to nejako predsa len zahladilo.“²⁰

V prostredí dolnozemsých gréckokatolíkov možno vidieť rozmanité tendencie v jazykovej identifikácii týchto Rusnákov. Sami seba pritom charakterizujú za také spoločenstvo, ktoré má síce pôvod na Slovensku, ale v zmiešanom slovensko-rusínskom jazykovom areáli, preto svoj jazyk nazývajú *ruský*. Vždy však v prvom rade zdôrazňujú nie svoju jazykovú, ale konfesionálnu identitu, ktorá je pevne spätá s cirkvou byzantského obradu, ktorej korene siahajú do mukačevskej cirkvi. Prehľadne písal o tejto skutočnosti napríklad aj Š. Švagrovský v článku „K otázke nárečovej podstaty jazyka báčsko-sriemskych Rusnákov,“ v ktorom sa venuje najmä národnostnému a jazykovému pôvodu obyvateľov rusnákych dedín v Báčke a Srieme, ktoré vznikali v 18. storočí z obyvateľstva jazykovo východoslovenského pôvodu po ich ekonomicky motivovanej migrácii na Dolnú zem. Sumarizuje najmä sociálne, náboženské a kultúrne poznatky získané od starších i novších bádateľov (najmä etnológov, historikov a jazykovedcov) a na tomto základe zdôrazňuje slovenský jazykový

18 Hríbová, M.: Historické a kultúrne kontexty slovenských nárečí v Srbsku. In: *Slavica Slovaca*, 2017, roč. 52, č. 2, s. 133-149.

19 Dudok, D.: *Čítanka nárečových textov Slovákov v Báčke, Banáte, Srieme a Slavónsku*. Báčsky Petrovec: Slovenské vydavateľské centrum, 2010, s. 6.

20 Myjavcová M.: Čas spomienky je časom návratu. In Štolc, S. – Marečková, E. (ed.): *Rodák svojim – rodáci svojmu. Spomienkový zborník k 100.výročiu narodenia univ. prof. Jozefa Štolca*. Hranovnica: Obecný úrad, 2008, s. 61.

pôvod gréckokatolíckeho dolnozemskeho spoločenstva.²¹

V tomto kontexte treba preto poznať tiež tie súvislosti, ktoré sa spájajú s formovaním identity gréckokatolíckej mukačevskej cirkvi v 18. storočí. Gréckokatolícka entita si ich totiž priniesla na dolnú zem v období, keď v gréckokatolíckom mukačevskom prostredí bujnelo politické nazeranie na integráciu veriacich byzantského obradu do jednej jazykovo-kultúrnej entity, ktorej východiskom mala byť príslušnosť k byzantského obradu mukačevskej rusínskej alebo aj ukrajinskej cirkvi, pričom sa za základ pokladala rusínsko-ukrajinská výslovnostná varieta v textoch liturgickej cirkevnej slovančiny. Zabudlo sa však na vplyv jazykového povedomia nielen podkarpatskoruských, ale najmä slovenských veriacich na liturgický cirkevnoslovanský jazyk.²²

Gréckokatolícka cirkevná i svetská hierarchia pod Karpatmi však po smrti mukačevského biskupa A. Bačinského (1732 – 1809) upustila od tohto poslanca zjednotiť gréckokatolíckych veriacich ako etnikum na báze konfesionalnej tradície. Najmä v 19. storočí a v prvej polovici 20. storočia sa práve v jednotlivých gréckokatolíckych národných kontextoch presadzovala potreba prekladať a používať liturgiu v spisovnom jazyku jednotlivých národných spoločenstiev. Rusínska gréckokatolícka hierarchia sa však v 19. a na začiatku 20. storočia (najmä do roku 1918) čoraz viac sústreďovala na upevnenie vlastného sociálneho postavenia v uhorskom spoločenstve aj za cenu odnárodnenia svojej cirkvi.²³ Ako je zrejmé z postupného etnoidentifikačného procesu veriacich gréckokatolíkov v Maďarsku, Rumunsku či na Slovensku, podkarpatský ukrajinský variant cirkevnej slovančiny sa nestal východiskom jazykovej integrácie gréckokatolíkov. Vznikli etnické spoločenstvá gréckokatolíkov Rusínov, Slovákov, Rumunov, Maďarov, ktoré sa usilovali o uplatňovanie svojho vlastného jazyka aj v kontexte bohoslužobného slávania svojej cirkvi, iba podkarpatský gréckokatolícki Rusíni zotrvali na pozícii zachovania cirkevnoslovanského jazyka ako jediného liturgického jazyka.²⁴

Dolnozemskí gréckokatolíci v rámci liturgického slávania používajú podkarpatský variant cirkevnoslovanského jazyka, ktorý si spolu s obradom prišli z materskej mukačevskej cirkvi. Práve obrad a liturgický jazyk pokladajú aj títo dolnozemskí gréckokatolíci za dôležitý integrujúci činiteľ,²⁵ no dovŕše-

nie ich jazykovo-kultúrneho identifikačného úsilia však súvisí najmä s prijatím Kostelníkovej kodifikačnej normy (1923) založenej práve na dolnozemskej variante zemplínskeho nárečia, aj keď v kontexte konfesionalno-náboženskej línie rusnákovej identity. Autor v úvode k svojej gramatike totiž konštatuje, že jazyk dolnozemskej gréckokatolícky ľud stretáva pri slávení cirkevnoslovanských bohoslužieb, a preto ho treba podrobne opísať. G. Kostelník preto uvádza: „Грамматика диялекту, хтори так далеко од кнїжковой бешеди (rozuměj: cirkevnoslovanskej osnovy, P. Ž.), як наша бачваньско-руська бешед муши буц ширше написана уж прето, же би ше могло розознавац, дзе заправо спада тот диялект? яки у ньому цудзи елементи? и одкаль вони походза?“²⁶ Pre dolnozemskej gréckokatolíkov sa ich reč zapísaná práve cyrilikou stala dôležitým atribútom identity. Kostelník uvádza, že „...хаснуеме ше зос кирилску азбуку, бо з тоту азбуку хасновали ше нашо дідове, з тоту азбуку написани шицки нашо кнїжки як церковни, так шветски.“²⁷

Spisovný jazyk dolnozemskej gréckokatolíkov však svedčí o spätosti s východoslovenským nárečovým areálom, na čo aj dolnozemský historik Janko Ramač upozorňuje pri charakteristike jazyka *dolnozemskej Rusnaco*, keď píše, „же ше медзи лингвистами, котри преучовали язык Руснацох у Бачки и Сриме, водзела полемика чи їх бешед/диялект спада до словацкого чи до українського языка, або чи руски язык [takto volajú svoj jazyk dolnozemskí gréckokatolíci, pozn. P.Ž.] спада до групи восточнославянских або заходославянских языков, але вше наглашоване язык Руснацох у Югославии ма вещей елементи словацкого як польского языка.“²⁸

Dolnozemskí gréckokatolíci – Rusnáci²⁹ – svoj variant cirkevnoslovanského liturgického jazyka pokladajú v porovnaní s variantom liturgického jazyka v srbskej pravoslávnej cirkvi za dôležitý prejav svojej osobitosti, ktorou sa vyjadruje ich *ruskost'* či *rusínskost'*. Na túto skutočnosť tiež poukazuje O. Hirnyk vo vstupnej štúdii k práci „Гавриїл Костельник: Ultra posse. Вибрані твори“, ktorá je dostupná aj v internete. Píše sa v nej, že jazyková a národná identita dolnozemskej gréckokatolíkov je spojená s vnímaním gréckokatolíckeho náboženstva ako *ruskej viery*.³⁰ Práve preto ani príbuznosť či podobnosť cir-

21 Porovnaj Švagrovský, Š.: K otázke nárečovej podstaty jazyka báčsko-sriemskych Rusnákov, s. 188-204.

22 Німчук, В.: Молитви наша не презри... In: *Карпатський край*, 1997, č. 6-10, s. 37-51, Штець, М.: До питання сучасної богослужбової мови візантійсько-східного обряду в Словаччині. In: *Українська мова. Науково-теоретичний журнал Інституту української мови Національної академії наук України*, 2008, č. 4, s. 45-58 a tiež Žeňuch, P.: *Slováci a cirkevná slovančina – kultúrno-historické súvislosti*, c. d.

23 Haraksim, L.: „Zlatý vek“ biskupa A. Bačinského a obrodenské obdobie A. Duchnoviča – dve epochy dejín Rusínov. In: Doruľa, J. (ed.): *Slovensko-rusínske ukrajinské vzťahy od obrodenia po súčasnosť*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, 2000, s. 22.

24 Žeňuch, P.: Svätí Cyril a Metod v duchovnej kultúre gréckokatolíkov na Slovensku v prvej polovici 20. storočia. In: Judák, V. – Letz, R. – Žeňuch, P.: *Cyrilo-metodská tradícia ako základný prvok náboženskej a národnej identity Slovákov*. Nitra: Vydal Gorazd n. f., Kňazský seminár sv. Gorazda v spolupráci s Radou pre históriu KBS a spoločnosťou BYSTRÍK, s.r.o., 2023, s. 65-106.

25 Žeňuch, P.: *Slováci a cirkevná slovančina – kultúrno-historické súvislosti*, s. 59.

26 Костельник, Г.: *Грамматика бачваньско-рускей бешеди*. Руски-Керестур – Сремски Карловци: Руске Нар. Просвитне Дружтво – Српска манастирска штампарија, 1923, s. 5.

27 Костельник, Г.: *Грамматика бачваньско-рускей бешеди*, s. 7.

28 Рамач, Я.: *Русини у јужној угарској (1745 – 1918) / Руснаци у јужней угорској (1745-1918)*. Нови Сад: Войвођанска академија наука и уметности, 2007, s. 67.

29 О поменовању *Rusnák/rusnák* а о jeho etnicky alebo religioznoe motivovanom význame pozri napríklad Doruľa, J.: Niekoľko údajov о vzniku, vývine а významoch поменовању Rusín, Rusnák а Ukrajina. In: Žeňuchová, K. – Китанова, М. – Žeňuch, P.: *Jazyk а kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky*. Bratislava – Sofia: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ при БАН – Slovenský komitét slavistov – Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike, 2017, s. 195-214.

30 „Релігійна й національна ідентичність настільки поєдналися у свідомості руснаків, що греко-католицизм практично стало у них «руською вірою»: «Що руснак греко-католик, це вже зрозуміле

kevných obradov neumožnila dolnozemským gréckokatolíkom – Rusnákom – splynúť s pravoslávnyimi Srbmi, pričom aj ich v ústna realizácia liturgickej cirkevnej slovančiny poskytla priestor na odlišenie sa od srbskej jazykovej variety cirkevno-slovenského jazyka; nehovoriac v tejto súvislosti už o slovenských evanjelikoch, ktorí prišli na Dolnú zem približne v rovnakom období. Slovenskí evanjelici svoje služby Božie slávili v slovakizovanej češtine, ktorá bola bohoslužobným jazykom evanjelickej cirkvi a. v., na Slovensku až do r. 1992.

Slovenskí evanjelici a slovenskí gréckokatolíci na dolnej zemi z hľadiska jazykového vývinu síce tvoria jeden jazykový celok, no obidve konfesijné entity používali rozmanité liturgické jazyky (evanjelici češtinu a gréckokatolíci cirkevnú slovančinu),³¹ ktoré im umožnili upevňovať a rozvíjať identitu najmä na základe im vlastnej ekleziálnej tradície a cirkevného písomníctva.³²

OPIS A JAZYKOVÁ CHARAKTERISTIKA RUKOPISNEJ PAMIATKY

Rukopisný zborník označujeme ako *Kerestúrsky rukopis*. Nazývame ho Kerestúrsky rukopisom preto, že jeho vlastními boli dvaja obyvatelia obce Ruský Kerestúr (Руски Крестур), hoci autor rukopisu pochádzal v Kocury (Куцур). Zostavovateľom a autorom (resp. skriptorom) zbierky je *Ján Moskal' z Kocury*, ako na to poukazuje údaj na fol. 1^r. Na úvodnom liste je aj údaj o tom, že sa v tomto spise nachádza opis strastí Ježiša Krista.

Ján Moskal' začal tvoriť tento rukopisný zborník textov 30. januára 1893 v Kocure: „сїе писанїе Страстїи Іисѣ Хр҃това рско-вотствующїи: Іѡаннѣ Москаль вѣ Куцурѣ лѣта ѿ рож: Хр҃това (1893) дѣчг. 1/30) a s veľkou pravdepodobnosťou rukopisný zborník vznikol na objednávku, alebo ako odpis pre toho, kto ho prepísal, teda pre jeho pisára. Na titulnom liste sa uvádza, že vlastníkom rukopisnej zbierky príbehov je Michal Sabo a Elena Fečová, obyvatelia Ruského

ho Kerestúra, a že im vlastníctvo rukopisnej knihy slúži na duchovný úžitok a na ich požehnanie: Властителямъ въ пользу душевнаго Правосла[в]ноѣ-католическихъ: Христїанамъ жителамъ въ Керестурѣ. Мїхѣйлъ Сабѡ: и Еленѣ Феѡ. Мирѣ ѿ Благословѣ на нїхъ. Na titulnom liste nie je uvedené, že či rukopisná kniha je odpisom z predlohy od M. Saba a E. Fečovej, alebo ide o zostavovateľskú prácu Jána Moskala z Kocury pre spomínaných obyvateľov Ruského Kerestúra.

Podľa poznámok na titulnom a patitulnom liste (fol. 1^r a 2^r) a tiež v jeho záverečnej časti (fol. 121^r) tento rukopisný zborník vznikol v rokoch 1893 – 1901. Záverečná časť rukopisu vznikala od fol. 121^r, teda neskôr ako voľné pokračovanie zbierky príbehov, čo dokumentuje práve poznámka na dolnej marginálii na spomínanej fólii v znení: ѿзволїишесѣ въс начати сїе дѣло: 1901. 12/28. V tejto súvislosti možno preto predpokladať, že nešlo len o odpis, ale o prekladateľskú a zostavovateľskú prácu.

Z formálneho hľadiska rukopisný zborník písala len jedna ruka, ide o jeden rukopisný štýl. Dnes už nemožno zistiť dôvod, pre ktorý práce na písaní tejto zbierky textov trvali osem rokov, hoci nejde o obsiahlu rukopisnú zbierku. Písmená sú starostlivo napísané, v texte nie sú opravy, je to teda čistopis utvorený úhladnou cyrilskou polounciálou. Zošit, do ktorého boli jednotlivé texty napísané, obsahuje na konci aj prázdne fólie. Možno sa nazdávať, že do zborníka mienil Ján Moskal' dopisovať aj iné alebo podobné texty, lebo prázdne fólie v zošite sú na to starostlivo pripravené; sú opatrené linajkami, ktoré pisár narysoval na prázdne strany ceruzou, pričom ohraničil aj marginálie, ktoré nebolo možné prekročiť pri písaní budúceho textu. Na základe uvádzaných skutočností predpokladáme, že zborník textov vznikol s veľkou pravdepodobnosťou ako čistopis, a to z vopred pripraveného konceptu alebo z nejakej staršej predlohy, ktorej vlastními mohli byť práve Michal Sabo a Elena Fečová z Ruského Kerestúra.

Texty v zborníku sa členia na kapitoly a podkapitoly, ktorých názvy prinášame v znení, ako sa uvádzajú v rukopise. V hranatej zátvorke zároveň uvádzame preklad názvu a za ním aj fóliu rukopisného zborníka, na ktorej sa začína príslušná časť príbehu či rozprávania.

OBSAH KERESTÚRSKEHO RUKOPISU

Ѣ страстехъ Гда нашего, Іиса Хр҃та; ѿ ѿ егѡ мщению сѡи милостїи [O utrpení a umučení Jeho svätej Milosti] (fol. 4^r)

Бело Скъдельниче или Поле Крови [Hrnčiarovo pole alebo Pole krvi] (fol. 6^v)

Юда не вы тѣ. [Judáš tam nebol.] (fol. 11^v)

Дїаволъ сынъ дѣхъ [Diabol – zlý duch] (fol. 11^v)

Таїна вечера Іисѣ Хр҃това [Posledná večera Ježiša Krista] (fol. 25^r)

Иже хоцетъ по мнѣ итїи, да ѡвержетъ сѧ себе, и возметъ кр҃тъ свой, и по мѣ грѣдетъ. [Kto chce ísť za mnou, nech zaprie sám seba, vezme svoj kríž a nasleduje ma.] (fol. 27^v)

само-по-собі, так само як рац (серб) православний нез'єдинений. Віра у нашій народі засимілювала націю, нація віру: одне і друге взаємно підтримувалися, взаємопомагалися. Тому історія нашого національного життя утотожнюється з історією релігійного життя» Роговнай Гірник, О.: Пошук ідентичності як «princípium movens» Гавріїла Костельника. In: *Костельник Г. Ultra posse: Вибрані твори / упор. та передм. О. Гірник. Серія "Ucrainica ad fontes"*. Кн. III. Ужгород: Гражда, 2008, dostupné na: <https://zbruc.eu/node/80700>

31 Žeňuch, P.: Prejavy jazykovo-kultúrnej identity Slovákov gréckokatolíkov v prvej polovici 20. storočia. In: *Slavica Slovaca*, 2024, roč. 59, č. 1, s. 78–84, dostupné na: <https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2024.1.8>.

32 Žeňuch, P.: Vojvodinskí Rusnáci a slovenskí rusnáci: Jazyková, konfesijná a etnická identita v komparácii, s. 75–85. Žiada sa ešte poznamenať, že už S. Cambel zistil, že gréckokatolíci a kalvíni na východnom Slovensku rovnako rozprávajú, ale že rečové nedôslednosti v ich jazyku súvisia s konfesijnou príslušnosťou nositeľov tohto slovenského jazyka (Cambel, S.: *Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov*. Turčiansky Sv. Martin, 1906, s. 412). O konfesijnálnej identifikácii a potrebe zachovania grafickej formy náboženského textu svedčí napr. citát v úvode k vydaniu slovenského kalvínskeho spevníka v roku 1923: „Spevník z maďarským právopisom dal vitlácsicz nye lyen preto, bo doteraznejši szlovenszki spevníki z takim právopisom buli vidáni, ale hlavne i preto, bo számi lyudze to ták zsadályi, ponyevács nasim ref. cirkvom csleni najveksa csíásztka tento právopis (otográfıu) poznáva. (...) Avze náso mili szlovenszki jednovercze a pokrevni. – Do rukoh váših dame z poverenia a z obeti na Szlovenszko bivajucej tejto sztráni Tiszy našej ref. superintendencii tento znovu vydati szlovenszki spevník. Nech budze tak s urodni a uszitecsni na vas dusi patrácъ, jak urodni buli na nasih predkoh v behom caszu vydáti spevníki. Naj to mnozsi jáko az domásnich, tak i v obecnih boszkih sluzsboh koncenu vasu vrucznoszcz!" (*Szlovenszki spevník gu obecnej sluzsbe szporadani*. Rimavska Sobota: Tlačení v kníhtlačiarni Gejzu Kleina, 1923, s. 6).

Толкованіе [Výklad] (fol. 28^r)

Толкованіе [Výklad] (fol. 30^r)

И возметъ крестъ свой. [A vezme svoj kríž.] (fol. 31^r)

Ѧ хрїстїане! [Ó, kresťan!] (fol. 55^r)

Страстный Путь [Křížová cesta] (fol. 58^v)

Сѣдныа врата. Домъ Веронинъ, Мѣсто паденїа Спасителя подъ временемъ, ношїи сѣдѣгѣ Креста. [Súdna brána. Veronikin dom. Miesto pádu Spasiteľa pod tiažou svätého Kríža.] (fol. 58^v)

Іерусалимъ дѣлит сѧ на штыры частїи. [Jeruzalem je rozdelený na štyri časti.] (fol. 59^v)

Совершишасѧ. Слово Іиса Хр҃та О҃снителя нашегѣ на Кр҃стѣ Бжественнымы єиѣмъ о҃чстѧмы проїзнесеноє [Splnilo sa. Slovo nášho Spasiteľa Ježiša Krista, ktoré vyšlo z jeho Božských úst.] (fol. 68^v)

Совершиша сѧ. О҃жжъ теразъ всѣкѣ пїсанїа и пррочества ѡ мнѣкѣ вїпольнелѣ ше [Splnilo sa. Už teraz sa o mne splnili všetky písmo a proroctvá.] (fol. 77^r)

Совершиша сѧ. Слово Іиса Хр҃та, на Кр҃стѣ проїзнесеноє. [Splnilo sa, resp. dokonané je. Slovo Ježiša Krista, ktoré vyriekol na kríži.] (fol. 81^v)

Погрєбенїе Іисѣ Хр҃тово. Ёгда во гробѣ полагаютьъ [Pohreb Ježiša Krista, keď ho kládli do hrobu.] (fol. 91^v)

Ѧ Хрїстїанїне! [Ó, kresťan!] (fol. 98^r)

Совершиша сѧ. Тоскалѣ и преклонїлѣ главѣ свою и предаде Дх҃ъ свой [Splnilo sa. Extrémne vzrušenie, resp. úzkosť (ademónia), keď naklonil svoju hlavu a odovzdal svojho Ducha.] (fol. 100^v)

Похвала честномѣ и животворѣмѣ Кр҃тѣ. ёгда посѣѧютьъ: илїи, на просеѣїю [процеїю] Кр҃тѣ св. [Chvály čestnému a životodarnému Krížu, keď sa posväcuje, alebo na procesii k svätému Krížu.] (fol. 101^r)

Ѧ житїа сѣыхъ ѡцѣхъ. Оказанїе їакѣ претерпы Іисѣ Хр҃тѣсѣ Гдѣ Бг҃ъ нашѣ нашегѣ ради спасенїа претерпѣ мѣкїи смертныа. [Zo životov sv. otcov. Rozprávanie o tom, ako náš Pán a Boh Ježiš Kristus pretrpel smrteľné umučenie.] (fol. 102^r)

Трїи вѣлестый найчейшїи вѣлѣ со страданїахъ єгѣ сѣой мѣостый Іисѣ Хр҃тѣсѣ и Бг҃ъ нашѣмѣ [O troch najťažších bolestiach umučenia nášho najmilostivejšieho Ježiša Krista a Boha] (fol. 104^v)

Слово Іиса Хр҃та Спасителя нашегѣ на Крїжѣ. [Slovo Ježiša Krista a nášho Spasiteľa na Kríži.] (fol. 105^r)

Оказанїе: ѡ зачатїи и рождествѣ сѣыхъ Бг҃ы и прїснѣ дѣѣ Мрїи. [Rozprávanie o počatí a narodení svätej Bohorodičky a vždy Panny Márie.] (fol. 107^r)

Оказанїе: Коведенїе въ Храмъ сѣыхъ Бг҃ѣхъ. [Rozprávanie o uvedení svätej Bohorodičky do chrámu] (fol. 114^v)

Оказанїе въ кратцѣхъ, Ѧ рождествѣ прѣтой Бг҃ы дѣѣ Мрїи. [Krátko rozprávanie o narodení presvätej Bohorodičky Panny Márie.] (fol. 121^v)

Оказанїе, Ѧвѣрчникѣ прѣтой Бг҃ы йѣсїфѣ. [Rozprávanie o Jozefovi, snúbencovi presvätej Bohorodičky.] (fol. 123^r)

Оказанїе, Благѣвѣщенїа св. Бг҃ы. [Rozprávanie o zvestovaní svätej Bohorodičke.] (fol. 125^v)

Перваѧ вѣсѣда св. Бг҃ѣхъ [Prvá odpoveď svätej Bohorodičky.] (fol. 129^v)

Б-ѧ вѣсѣда, св. Бг҃ѣхъ [Druhá odpoveď svätej Bohorodičky.] (fol. 130^r)

Оказанїе ѡ рождествѣ Хр҃товогѣ [Rozprávanie o Kristovom narodení.] (fol. 132^r)

Поклоненїе Болхѣвѣхъ [Klaňanie sa mudrcov.] (fol. 135^r)

Ѧ вѣстѣи Іесѣсѣ Хр҃та [O úteku Ježiša Krista.] (fol. 139^r)

Крещенїе Прѣдтечево [Predchodcovo krstenie] (fol. 145^v)

Оказанїе ѡ Сректенїи Іесѣсѣ Хр҃та [Rozprávanie o stretnutí Ježiša Krista] (fol. 149^v)

Nasledujú prázdne strany.

O JAZYKU RUKOPISNEJ PAMIATKY

V súčasnosti možno iba veľmi ťažko zistiť, kto je skutočným autorom textov zaradených do zborníka. V odbornej spisbe sa takáto tvorba označuje ako *anonymná duchovná prozaická tvorba*.

Texty vo vernakulárnom jazyku napísané v zborníku zdôrazňujú najmä hodnotu duchovnej, jazykovej a kultúrno-religiózneho tradície a s ňou spojenej kresťanskej identity. Svedčia o tom všeobecne zrozumiteľné obrazy a metafory sprítomňujúce aj konanie súčasného človeka. Tento spôsob metafory utvorený na základe aktualizácie a analógií sa uplatňuje v texte celej pamiatky, čo pokladáme za inovatívny prístup autora k známej téme Kristovho strádania, mučenia a ukrižovania.

Z hľadiska výskumu rozvoja cyrilскеj literárnej tradície v gréckokatolíckom prostredí možno povedať, že tento súbor textov slúži tiež ako dôkaz o rozvíjajúcej sa jazykovej gramotnosti a o posilňovaní duchovno-kultúrnej edukácie v zrozumiteľnom jazyku, ktorý je typický pre vojvodinské gréckokatolícke prostredie.

Na vybraných príkladoch jazykových javov v textoch Kerestúrskeho rukopisu sa preto sústreďujeme iba na tie jazykové znaky, ktoré sú spoločné s východoslovenským nárečovým areálom, v ktorom má svoj pôvod aj jazyk pamiatky a literárny jazyk dolnozemských gréckokatolíkov, ktorý sa prirodzene vyskytuje aj v iných cyrilských textoch v slovenskom gréckokatolíckom prostredí v prostredí východného Slovenska.

Východoslovenský pôvod majú napríklad javy, ktoré dokazujú zmenu palatalizovaných spoluhlások *d'* a *t'* a ich zmenu na *dz* a *c*. V Kerestúrskom rukopise sa asibilovaná hláska *dz* zapisuje pomocou spojenia dvoch grafém *д* + *ц*, napr.: людце (вѣ вельо разѣ о҃жжѣ насѣ людце смѣца, fol. 19^v), ходца, сходца (до собора введѣнѣ и ходца, fol. 21^r; ѡтамалѣ ше драгѣи и драшка сходца, fol. 61^r), вѣдѣмѣ (ѣ

Jazykovo-kultúrna a literárna charakteristika literárnych pamiatok preto poskytuje priestor aj na jej zaradenie do kontextu cyrilскеj písomnej tradície, ktorá v prostredí dolnozemských gréckokatolíkov vznikala v rovnakom jazyku, ktorý je rovnako typický aj pre ľudovú cyrilskú rukopisnú tvorbu vo východoslovenskom nárečovom priestore.

LITERATÚRA

- BIDWELL, Ch. E. (1966). The language of the Bačka Ruthenians in Yugoslavia. In: *The Slavic and East European Journal*, roč. 10, č. 1, s. 35-45.
- BRTÁŇOVÁ, E. (2000). *Stredoveká scholastická kázeň*. Bratislava: Veda. ISBN 978-80-224-0634-5, 200 s.
- CAMBEL, S. (1906). *Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov*. Turčiansky Sv. Martin. 624 s.
- DORULA, J. (2017). Niekoľko údajov o vzniku, vývine a významoch pomenovaní Rusín, Rusnák a Ukrajina. In: *Jazyk a kultúra v slovanských súvislostiach. Zo slovanskej etnolingvistiky*. Bratislava – Sofia: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“ при БАН – Slovenský komitét slavistov – Veľvyslanectvo Bulharskej republiky v Slovenskej republike, ISBN 978-80-89489-32-9, s. 195-214.
- DORULA, J. (2011). *O krajine a vlasti starých Slovákov*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, ISBN 978-80-89489-04-6, 91 s.
- DUDOK, D. (2010). *Čítanka nárečových textov Slovákov v Báčke, Banáte, Srieme a Slavónsku*. Báčsky Petrovec: Slovenské vydavateľské centrum, ISBN 978-86-7103-356-5, 146 s.
- DUS, A. J. – POKORNÝ, P. (2021). *Neznámá evangelia. Novozákonní apokryfy. I*. Praha: Vyšehrad. ISBN 978-80-7601-437-4, 480 s.
- GOODRICH, R. (2022). Habsburg Ruthenian/Rusyn Identities. Part I: The Habsburg Lands. In: *Upper Country: A Journal of the Lake Superior Region*, Vol. 10, Article 3. Dostupné na: https://commons.nmu.edu/upper_country/vol10/iss1/3; slovenský preklad: *Habsburské ruthenské/rusínske identity* je dostupný na <https://www.rusyn.sk/habsburske-ruthenske-rusinske-identity/>
- HABIJANEC, S. (2020). Pannonian Rusyn. In: *Encyclopedia of Slavic Languages and Linguistics Online* [elektronicky zdroj]. Leiden: Brill, Dostupné na: https://doi.org/10.1163/2589-6229_ESLO_COM_031961
- HABIJANEC, S. (2018). Восточнославянские элементы в бачкорусинском языке. In: *Славянский мир: язык, литература, культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени М. В. Ломоносова А. Г. Широковой и 75-летию кафедры славянской филологии филологического факультета, 28–29 ноября 2018 года*. Москва: МАКС Пресс, ISBN 978-5-317-05930-9 s. 326-329. Dostupné na: DOI 10.29003/m215.sw-2018

- HARAKSIM, L. (2000): „Zlatý vek“ biskupa A. Bačinského a obrodenské obdobie A. Duchnoviča – dve epochy dejín Rusínov. In: *Slovensko-rusínske ukrajinské vzťahy od obrodzenia po súčasnosť*. Bratislava: Slavistický kabinet SAV, ISBN 80-967722-5-2, s. 10-36.
- HERIBAN, J. (1998). *Príručný lexikón biblických vied*. Bratislava: Don Bosco, ISBN 80-88933-07-2, 1366 s.
- HRÍBOVÁ, M. (2017). Historické a kultúrne kontexty slovenských nárečí v Srbsku. In: *Slavica Slovaca*, roč. 52, č. 2, s. 133-149.
- HRÍBOVÁ, Marína (2025): *Nárečia Slovákov v Srbsku*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, ISBN 978-80-223-6094-4, 208 s.
- CHROMÁ, M. (2019). *Apocryphal Questions of Bartholomew in the Slavic Tradition*. Praha: Scriptorum – Slovanský ústav AV ČR, v. v. i., ISBN 978-80-86420-69-1, 331 s.
- KWOKA, T. (2023). *Wojwodina i jej Rusini. O jazyku, kulturze i historii Rusinów wojwodińskich*. Kraków: Wydawnictwo Księgarnia Akademicka. ISBN 978-83-8138-932-7, 461 s. Dostupné na: DOI 10.12797/9788381389327
- LUNT, H. G. (1998):. Notes on the Rusin Language of Yugoslavia and Its East Slovak Origins. In: *International journal of Slavic linguistics and poetics: IJSLP*, Columbus, Ohio: Slavica Inc., roč. 42, s. 43-84.
- MYJAVCOVÁ, M. (2008). Čas spomienky je časom návratu. In: *Rodák svojim – rodáci svojmu. Spomienkový zborník k 100.výročiu narodenia univ. prof. Jozefa Štolca*. Hranovnica: Obecny úrad, ISBN 978-80-89264-19-3, 142 s.
- POLÍVKA, J. (1890). Evangelium Nikodemovo v literaturách slovanských. In: *Časopis Musea království Českého*, 1890, roč. LXIV, č. 1, s. 255-275.
- POLÍVKA, J. (1891). Evangelium Nikodemovo v literaturách slovanských. In: *Časopis Musea království Českého*, roč. LXV, č. 3, s. 440-460.
- RIPKA, I. (2023). *Selecta Linguistica. 7. Jazykové kontakty*. Brno: Tribun EU, bez ISBN, 102 s.
- RUDOLF-ZIÓŁKOWSKA, E. (2004). *Wielkie Zwierciadło przykładów w Ruskim Tłumaczeniu Ioana Prystopskiego z 1732 Roku*. Kraków: Lexis, ISBN 83-89425-11-4, 135 s.
- ŠAŠERINA, S. (2022): О годинахъ и часѣхъ: vnímanie času a jeho odraz v písomných pamiatkach karpatskej proveniencie. In: *Interdisciplinárny výskum prameňov o jazyku a duchovnej kultúre: Slovensko-slovanské súvislosti*. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Slovenský komitét slavistov, ISBN 978-80-89489-54-1, s. 13-18.
- ŠAŠERINA, S. (2023). *Dva rukopisy Štefana Hlinku z Litmanovej na Spiši z 18. storočia. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae*. Vol. X. Bratislava: Veda, ISBN 978-80-224-2002-0, 272 s.
- ŠTOLC, J. (1947): Slovenské nárečia v Juhoslávii. In: *Kultúrny život*, roč. 2, č. 21 a č. 22-24.
- ŠTOLC, J. (1965). O pôvode a rozvoji slovenskej reči v Juhoslávii. In: *Nový život*.

Časopis pre literatúru a kultúru, roč. 17, č. 4, s. 333-342.

ŠVAGROVSKÝ, Š. (2009). K otázke nárečovej podstaty jazyka báčsko-sriemských Rusnákov. In: *Jazykovedné štúdie XXVI. História, súčasný stav a perspektívy dialektologického bádania*. Bratislava: Veda, ISBN 978-80-224-1094-6, s. 188-204.

ŽEŇUCH, P. (2013): *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae IV*. Roma – Bratislava – Košice: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Pontificio Istituto Orientale – Slovenský komitét slavistov – Centrum spirituality Východ-Západ M. Lacka, ISBN 978-88-7210-387-6, ISBN 978-80-89489-10-7, 482 s.

ŽEŇUCH, P. (2018). Neznámy cyrilský rukopisný zborník kázni z východného Slovenska z druhej polovice 18. storočia. In: *Slavica Slovaca*, roč. 53, č. 2, s. 148-156.

ŽEŇUCH, P. (2018) Vojvodinskí Rusnáci a slovenskí rusnáci: Jazyková, konfesionálna a etnická identita v komparácii. In: *Slavica Slovaca*, roč. 53, č. 3-4 (supplementum), s. 75-85.

ŽEŇUCH, P. (2021): Rakošínský cyrilský rukopisný zborník z konca 17. a zo začiatku 18. storočia. In: *Slavica Slovaca*, roč. 56, č. 4 (supplementum), s. 3-74.

ŽEŇUCH, P. (2022): Jazyk ako svedectvo o prekonanej identite a/alebo pamäť kultúry. In: *Шветлосці, часопіс за науку, літературу, культуру і уметносьці*, roč. 70, č. 1, s. 5-22.

ŽEŇUCH, P. (2022). *Slováci a slovenčina v jazykovo-historických a konfesionálnych súvislostiach. Procesy a kontexty kultúrnej komunikácie*. Bratislava: Slovenský komitét slavistov, ISBN 978-80-974276-0-3, 124 s.

ŽEŇUCH, P. (2023): Svätí Cyril a Metod v duchovnej kultúre gréckokatolíkov na Slovensku v prvej polovici 20. storočia. In: *Cyrilo-metodská tradícia ako základný prvok náboženskej a národnej identity Slovákov*. Nitra: Vydal Gorazd n. f., Kňazský seminár sv. Gorazda v spolupráci s Radou pre históriu KBS a spoločnosťou BYSTRÍK, s.r.o., ISBN 978-80-89481-68-2, s. 65-106.

ŽEŇUCH, P. (2024): Prejavy jazykovo-kultúrnej identity Slovákov gréckokatolíkov v prvej polovici 20. storočia. In: *Slavica Slovaca*, roč. 59, č. 1, s. 78-84. Dostupné na: <https://doi.org/10.31577/SlavSlov.2024.1.8>.

ŽEŇUCH, P. (2024): Aktuálne výsledky výskumov o liturgickej cirkevnej slovančine v prostredí gréckokatolíkov byzantského obradu na Slovensku a vo Vojvodine. In (eds.): *Slovakistika – súčasný stav a perspektívy*. Novi Sad: Filozofski fakultet, ISBN 978-86-6065-860-1, s. 187-200.

ŽEŇUCH, P. (2024): *Slováci a cirkevná slovančina – kultúrno-historické súvislosti*. Bratislava: Veda SAV, ISBN 978-80-224-2097-6, 208 s.

ŽEŇUCH, P. – ŽEŇUCHOVÁ ŠAŠERINA, S. (2025). *Kerestúrsky rukopis z rokov 1893 – 1901. Monumenta byzantino-slavica et latina Slovaciae XI*. Bratislava: Slovenský komitét slavistov – Pedagogická fakulta Univerzity Komenského – Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, v. v. i., ISBN 978-80-974276-3-4, 176 s.

БЕЛЕЙ, Л. (2008). Українці й українська мова на Балканах (Сербія, Хорватія, Боснія і Герцеговина). In: *Дивослово*, № 8, s. 42-48.

ВЛАДИМИРОВЪ, П. В. (1884): *Великое зеркало. Изъ исторіи русской переводной литературы XVII вѣка*. Москва: Изданіе Императорскаго Общества исторіи и древностей Российскихъ при Московскомъ Университетѣ, 105 + 78 s.

ГІРНИК, О. (2008). Пошук ідентичності як «principiū movens» Гавриїла Костельника. In: *Костельник Г. Ultra posse: Вибрані твори*. Упор. та передм. О. Гірник. Серія "Ucrainica ad fontes". Кн. III. Ужгород: Гражда, ISBN 978-966-8924-66-8, 400 s. Dostupné na: <https://zbruc.eu/node/80700>

ДУЛИЧЕНКО, А. Д. (1998). Язык русин Сербии и Хорватии (Югославо-русинский язык). In: *Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2: Славянские языки*. Санкт-Петербург, ISBN 5-02-028389-4, s. 247-272.

ІВАСІКІВ, В. (2020). Ментальність Русинів Сербії та її вплив на формування особистості о. Гавриїла Костельника. In: *KELM (Knowledge, Education, Law, Management)*, roč. 31, č. 3, vol. 1, s. 45-50. Dostupné na <https://doi.org/10.51647/kelm.2020.3.1.9>.

КАРСКИЙ, Е. Ф. (1961). Западнорусский сборник XV в. Императорской Публичной библиотеки в С.-Петербурге. In: *Труды по белорусскому и другим славянским языкам*. Москва: Издательство Академии наук СССР, bez ISBN, s. 263-314.

КОРЗО, М. А. (1999). *Образ человека в проповеди XVII в.* Москва: Институт философии РАН, ISBN 5-201-02013-5, 189 s.

КОСТЕЛЬНИК, Г. (1923). *Грамматика бачваньско-рускей бешеди*. Руски-Керестур – Сремски Карловци: Руске Нар. Просвитне Дружтво – Српска манастирска штампарија, bez ISBN, 108 s.

НІМЧУК, В. (1997). Молитви наша не презри... In: *Карпатський край*, č. 6-10, s. 37-51.

РАМАЧ, Я. (2007). *Русини у јужној угарској (1745–1918) / Руснаци у јужней угорској (1745–1918)*. Нови Сад: Войвођанска академија наука и уметности, ISBN 978-86-85889-13-4, 526 s.

РУБАН, Ю. И. (1994). *Сретение Господне. Опыт историко-литургического исследования*. Санкт-Петербург: «Нох», ISBN 5-7443-0002-3, 218 s.

ТЕМЧИН, С. (2019). Новый жанр для нового языка у болгар, македонцев, украинцев и белорусов: дамаскины и учительные евангелия XVI–XIX вв. In: *Българистиката в Европа: настояще и бъдеще*. София: Българска академия на науките, Съвет за чуждестранна българистика, ISBN 978-619-01-0531-2, s. 244-252.

ФЕДОСЕЕВ, Д. А. (2019). Святой праведный Симеон Богоприимец как один из семидесяти толковников в православном предании. In: *Христианство на Ближнем Востоке*, č. 2, s. 41-57.

ЧАРСКИЙ, В. В. (2011). *Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов: лингвогенетический аспект*. Щёлково: ОнтоПринт, ISBN 978-5-904456-57-3, 358 s.

ЧИНЯКОВА, Г. П. (2010). Иллюминированные «Страсти Христовы» в древнерусской рукописной книжной традиции. In: *Герменевтика древнерусской литературы: Сборник 15. Рукописные памятники древней Руси*. Москва: Институт мировой литературы РАН, ISBN 978-5-9551-0430-0, s. 720-728.

ШАШЕРИНА, С. (2011). Культурные аспекты путешествия в Святую землю (на материале рукописи Иоанна Брадача конца XVIII века из восточной Словакии). In: *Slavica Slovaca*, го. 46, ч. 2, s. 161-166.

ШЕЛЕПЕЦЬ, Й. (2014). Невідоме оповідання Івана Югасевича. In: *Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Prešovensis. Literárnovedný zborník 46. Slovanské reminiscencie. Zborník príspevkov venovaný Dr.h.c. doc. PhDr. Ľubici Babotovej, CSc., pri príležitosti jej životného jubilea*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, ISBN 978-80-55510-98-9, s. 233-245.

ШТЕЦЬ, М. (2008). До питання сучасної богослужбової мови візантійсько-східного обряду в Словаччині. In: *Українська мова. Науково-теоретичний журнал Інституту української мови Національної академії наук України*, ч. 4, s. 45-58.

Prof. PhDr. Peter Žeňuch, DrSc.,

Univerzita Komenského

Pedagogická fakulta

Katedra slovenského jazyka, literatúry a didaktiky

Ústav filologických štúdií

Šoltésovej 4

811 08 Bratislava

Slovenská republika

zenuch1@uniba.sk

РОДИННИЙ СВІТ І ЕТИЧНІ ГОДНОТИ В КНИЖЦІ ЛЮДМИЛИ ШАНДАЛОВОЙ: МАМЕ ДОМА ПСИКА

Михал ПАВЛІЧ

Abstract

The study analyses the thematic and stylistic aspects of Ludmila Šandalová's *Маме дома псика* (2022), a cycle of ten short episodes about a family that brings home a dog and gradually learns to live with it. The nine-year-old narrator Samko presents everyday events with humour, empathy and naivety. The analysis shows how realistic narration combines with ethical and educational dimensions through situational learning rather than explicit didacticism; small domestic stories become narratives about responsibility, cooperation, and affection. Methodologically, the study combines thematic-motivational and stylistic reading with concepts of everyday realism, autodiegetic child narration and limited focalization, participatory ethics, and the domestic chronotope. The contribution demonstrates that, without overt moralizing, recurrent situations and family rituals stabilize values in a form readable for a dual audience (child-adult).

Keywords: Rusyn literature. Children's literature. Child narrator. Ethical dimension. Everyday realism. Situational humour. Dual audience.

Вступ

В сучасності писану і видавану русинська література про діти і молодих прімарні творять тексти про молодшого читателя. Векшынов іде о просту рітмізовану поезію з дідактичним понаучінєм і простов формалнов штруктуров. Тематічно і ідеово суть тексти некомпліковані, не давають собі за ціль здолати творивы вызвы ці приношати великы ідеї, але зіставають при своїй закладній функції, тзн. главні дідактичні і комунікаційні. Читатель через просты образы і слова спознає світ творений родинов, домовом і природов навколо нього. Послання текстів є ясне і зрозуміле, напружують главні к надвязаню і утриманю літературного контакту з молодшим читателем, котрий ся, дякуючі тым текстам першый раз стрічать з русинським языком в літературі.

Людмила Шандалова є авторков, котра в послідніх роках представляє голос модерной русинської літератури про діти на Словакії. Їй творчость є тыж заміряна на молодшу групу читателів, авторка є але выняток, тым, же як „авторський хамелеон“ має шыроку понуку жанрів і форм літератури про свого читателя. Мож спомянути поетічны зборники *Pod'te, d'ity, što vam povim* / *Подьте діти, што вам повім...* (2013) і *Ани бы сьме не вірили* / *Ани бы с'те не вірили* (2018а), в котрых принесла вершы з тематіков

домашніх і екзотичних звірят. Проста ритміка, легкогуморний і гравий тон, і квалітне графічне спрацювання, виважують недотатки формального характеру як хоснованя граматичного риму. Тоты дві публікації ся стали стабільнов частёв репертоарів школярів декламуючих в рамках конкурзу Духновіців Пряшів, што потверджує приятя Шандаловой літературы домашнім публіком і популяріту ёй творчости.

Шандалова ся тыж реалізувала в далшых жанрах, як є дїтська духовна поезія з мінімалістичнов графіков *Напю ся водічки* (2020) ці пять сценаріів театралных гер (*Приповідка з ліса*, 2014, *Wi-фінтена принцезна*, 2015, *Дівчатко і жебрак 2016а*, *Юрко а поклад*, 2018с, *Чудесна лавочка*, 2018b), котры были доконця інсценованы в школьских представлїнях Основной умелецькой школы у Свіднику ці на Русиньскім фестивалі, а мож відіти їх відеознама на сторінці авторчиного обчаньского зружїня *тота аґентура*. А наконець, попри книжці про дорослых рефлектуючіи Другу світову войну *Червений берег* (2016b), авторка написала два зборники куртой прозы, *Маме дома псика* (2022) і *Маковы приповідки* (2024), чім Шандалова потверджує універзалность ёй писательского таланту а то, же не є звязана єдиным жанром. На закладі тых текстів мож чекати тенденцію к розсягово векшым прозаїчным жанрам в будучности.

В рамках нашой штудії ся заміряєме на зборник *Маме дома псика* (2022), котрого курты реалістичны прозы выходжають з автобіографічного закладу а в контексті іншой актуалні выдаваной русиньской літературы несуть знакы оригінальной, легко гуморной розповіді, яку мож найти скорше у таких авторів як Штефан Сухий (*Як Руснакы релаксують*, 1995, 2. вид. 2017) ці Міро Жолобаніч (три книжки гуморесок *Захранка*, 2021, *Дуплава верьба*, 2022, і *Горечій кавей*, 2023), котры але свої тексти адресують дорослым читателям. Єднотливы тексти з централнов поставов і розповідачом Самком суть поданы без патосу, но з гумором і емпатієв, авторка мать велике чутя про описаня природного родинного тепла.

2. Композиція і жанер „малой родинной епікы“

Книжка *Маме дома псика* (2022) є композиційні выставляна як цікл десятёх куртых епізод, котры суть звязаны поставами членів родини і псика Найры. В такій реалістичній белетрії мож найти паралелы з реалным животом, знамы проблемы, котры суть проблемами „дакого іншого“ (Hunt, 2005). Епізоды припоминають мапу зміны, переходять од тужбы по звірятку і розгоднута про заобстараня сі пса, ёго приходу і акліматизації, по найджіню нового режіму фунгованя аж по кулміначний текст, де ся зо звірятка стає охранны домова. Мож то ідентіфіковати як структуру „малых родинных наратівів“ а хоць рішіня мати пса выходить з моменту найджіня вовчіх стоп коло людського обыстя, суть то образы каждоденного живота без потреби великого драматизму і звратів.

Родина ся учить, як має одтепер жыти в своїм домові з новым псячым членом фамилії: „...школа пінязі стоїть. Вера. Найра нас школила а мы сьме ся учили, учили...“ (Шандалова 2022, 109). Веце текстів мать подобный поступ в змыслі: *проблем - проба о ёго рішіня; корекція дотеперішного фунгованя - стабілізація правил* і то вшытко наслідно веде к годнотам - одповідности, терпеливости і огляду в одношіню к другим. Така схема є про дїтський реалізм розпознателна і ефектівна, бо розповіданя зрозумителні упорядкує надобыту скушеность.

Шандалова на розділ од іншых авторів літературы про діти не моралізує і прямо не поучує (такым способом бы ся розповідач в граматичній третій особі міг справовати к дїтському героєви патронізуючо, а тым бы і читателів ставав до той самой позиції), але ставлять Самка до ролі розповідача, котрый ся обертать на читателів, але не дає ім рады, скорше лем на концю сумарізує, што ся родина научіла. Шандалова в текстах хоснує тзв. скрытого дорослого, концепт, котрый виважує дїтський голос замірами дорослого, бо дїтську літературу мож розуміти як просту літературу, котра комунікує з помочов невысловлених, но імплікованих зналостей зрілого, дорослого чоловіка (Nodelman 2008). Такым способом авторка напрямлює к вихові ід годнотам, без моралізованя або прогваряня дітини голосом дорослого чоловіка, але дїтському читателєви вхавить простор на властне порозумлїня. Читатель так не мать чутя, як кебы був поучований в класі, але сам ся запоює до процесу наратівного учіня ся через поступне придаваня скушеностей вложених до дії (Wall 1991).

Веце таких сітуаційних текстів, де треба прияти конкретне рішіня, поставить перед фамилію проблем (выбер расы пса, плахость щенятка, нічїня предметів в домі, „пахняче прекваплїня“), а і хоць при рішіню не є все каждый член, ціла родина то з гумором переживать і наберать скушености. Новы правила не vznikають діректівным способом, але на закладі сполочного переживаня і дискусії. Добрі то ілюструє рішіня йти жыти на село: „Але наші роздумали, же нам треба хыжу. А то іщі хыжу на селі. Было то несподіване, кедь ся звїдали, што мы, діти, на то повідаме.“ (Шандалова 2022, 25). К выбору расы пса ся выядрують вшыткы членове родини, але рішають го главні отець зо сыном. Є то приклад кооперації дітини з дорослым, коли ся дїтвак учить тым, же є призваний до процесу розгодованя. А хоць дїтськы тужбы ся мусять конфронтувати з праґматиков дорослого, є важне, же дітина партіціповала на рішіню.

3. Розповідач і дїтська перспектіва

Читатель є розповіданём спроваджаний поставов девятьрочного сына Самка, котрый є писаний в я-формі прямого розповіданя і много раз ся „камаратськы“ обертать на дїтського читателя (ты-форма, 2. ос. сг.) подобні як к сестрі ці родічїм, чім підпорує сполочне переживаня дії ведно з

ним. Є то автодієгенетичний розповідач такий, де розповідач є героєм властного розповідання (Genette 1980, 245), з той причіни є про дітину автентичний і близький, а читатель ся знає з ним ідентифіковати.

На розділ од авторського розповідача, котрый бы подав „доспелацький“ погляд, Самко мать лімітовану фокалізацію, то значіть, не знать вшитко, не є сполягливым, не мож му вшитко, што повість, вірити. Їго віджіня є наївне і дїтськы обмежене а не все наповно розуміє кождей ситуації: „Але дома, дома же єм малый чортик. Не знам, як то думать, протже не мам чорне волося, наспак, цілком світле, пелехате...“ (Шандалова 2022, 11). На другій страні є Самко сполягливый в емоції. Їго погляд є дїтський, міцно субективізований і повный правдивых емоцій і надхнення (Booth 1983): „Чули сьте, як брехла Найра? Што єм вам іщі хотів повісти? Уж єм забув. Но ніч, утікам за нєв!“ (Шандалова 2022, 136).

Самкове обмежене віджіня витварять потенціал про запоїня дїтського читателя, котрый собі в залежности од своїх способностей може доповняти білы місця в текстї, і так ся ставать співтворцєм значіня тексту: „понукають читателям потішіня, же дашто зістили, з того, же знають веце, як їм гварить саме розповіданя“ (Nodelman 2008, 206). То таксамо є потенціалом про гумор і коміку, коли дїтвак ліпше розуміє ситуацію як розповідач. Шандаловой проза є писана з думков на двоїту публіку, котра є тіпічна про літературу про діти. Книжка є вгодна як про дїтвака і єго самостатне читаня, так і про сполочне читаня з родічом, бо „дїтська література є все написана про діти і доспілых“ (Nodelman 2008, 208). Текст цілить на дїтвака і на доспілого, бо каждый з них в текстї читать і находить іншы значіня. Дїтина ся при пригодах сміє і забавлять, доспілий при нїм внимать і родічовскы понаучіня, котры суть там притомны. Тексты мають потенціал на сполочну рефлексію в комунікації по дочітаню.

Язык розповіданя є говорový і рітмізований куртыма речіннями. Про дїтського читателя є такой розпознателный, бо ся операть о спонтанну дїтську лексіку, наївный способ розповіданя і проявлєваны емоції дітини. Гумор є переважні ситуацыйный, вырастать з каждоденных „гаварій“, з малых непорозумінь, котры витварять дїтська оптика, і з дїтиньской гіперболізації скучности. Про текст є тіпічне, же сміх не мірить проти поставам, не зосмішнює (а кедь, лем в припадї дїтської сородиницькой риваліты Самка і єго молодшой сестры Деніскы), але витварять увольніня напята. Єдночасно тым, же ся ту находить попри приїманю новых правил в родині, помагать їх легше прияти нелем поставами, але і читателєм.

4. Простор домова і рітм старостливости

Векшына сучасной русиньской літературы про діти є засаджена до ідеалізованого спрощеного простору села. Шандалова своє розповіданя зачінають наспак в місті в панелаку, одкы ся Самкова родина планує пере-

сунути на село до нововыбудованого дому. Не є то тіпічна „сельска фамилія“, котра уж є там дакілько ґенерацій, і ей живот ся рядить повторяючіма ся періодами – частями польногосподарського рока і роботов на селі, але родина ся находить в новім просторі і стрічать ся зо ситуаціями, котры в місті дотеперь нігда не зажыла: „Але тот день приніс ай далшу несподівану пригоду. У снігу за хыжов сьме ку вечеру спозоровали дость великы і загадны ступляі звірят. Были подобны псови“ (Шандалова 2022, 30).

Хоць ся книжка зачінають описом Самковой тужбы по звірячім сполочникови, перша скушеность з грызучов мышков і ей вернутя до обходу є в контрасті з праґматичным рішінєм мати пса. В тій ситуації є непряме поучіня, же важны животны рішіня бы не мали быти заложены на імпульзівіті і слуханю емоцій („хочу“), але суть выкликаны практичнов потребов і выходжають з новых подмінок живота.

Є сімпатичне а про читателя приятелніше, же кедь ся в розповіданю наставляють граніці, не є то „приказом згоры“ од родічів, але запоює ся до того ціла родина враховано дітей, то зн. по першых скушеностях зо психом і змінами, котры їм до живота несе, ведно ідентифікують і органічують то, што пес сміє а што ні.

Шандаловой розповіданя є просторово дефіноване домом, двором і котерцєм, є то місто учіня ся конкретныма скутками, не поучками і догваряньєм од доспілого, бо так бы „розповідач нігда не досягнув веце як дость тяжкопадный, важный і учительский тон“ (Wall 1991, 47). Є то простор скушеностей, котры здобывають вшиткы, їх живот є формований старостливостєв о пса – кормлїньєм, напованьєм, прятаньєм позад нєго ці рішінєм новых ситуацій. То повнить виховну функцію і учить відповідности і кооперації через пракс (малы домашні карамболы, ставляня котерця).

5. Найра як новый член родини

Є смутным фактом, же домашні звірятка суть много раз вымоленным дарунком а пак ся логічно відповідность за справованя звірятка і вшитко, што своїм конаньєм наробить, переносить на дітину. Проблемы, котры, самособов прийдуть, суть пак на плечах дїтвака, в родині vznikать напята а наконець ся стає, же напр. по Рождественных святах наросте цісло вышмарєных звіряток, котры, кедь мають щастя, скончать в утулках.

В припадї Шандаловой тексту є але рішіня мати пса выкликане практичнов потребов охраны родини, не емоціонолнов тужбов дітини і непродуманов слабостєв доспілого. І з той причіни є погляд родини на vznikнуты проблемы іншый. Рішить їх родина як цілок, є то про них сполочна вызва, як сі з тым порадити. Відповідность не є шмарєна на єдного члена, але ділить ся меджі вшиткых: „Отваряте облакы! Деніско, ты принєсь лопатку! Самку, ты тримай Найру на руках, няй вшитко не по-

розносить лабками. Я їду по ведро з водов, мамка поглядать рянду і Саво." (Шандалова 2022, 93).

Малый псик представляє виразну зміну в дотеперішнім животі і дякуючі авторчинму заміряню ся на нёго видить ся, же вшытко ся то-чіть лем коло нёго. Родинный живот є спочатку під впливом „хлупатого хаотічного елементу": „Были сьме на ногах одразу ціла родина. Каждый розчуховав очі, побіговав перескакуючі набосо псячі значкы, форкав носом, не встигаючи ся чудовати." (Шандалова 2022, 93). Поступні але в родині доходить ку розділлію повинностей: „Я ся о Найру старам главні през вікенд. През тыждень вставать першый тато, вывенчить ей і покормить." (Шандалова 2022, 132), набывають ся новы скушености а vznikають денны ритуалы: „...поки выйдеме з двора, вшыткы ся з Найров поздравиме. «Гав, гав!» Брехне нам на розлучку за каждым разом." (Шандалова 2022, 132). Евентуалні мож відіти, же родина ся веце координує, мать сполочны задачі і псик пак в тексті выступує як стмелуючий фактор і учить дїтського читателя прикладом к сполупраці в рамках родини (Serpell 2016): „Одразу сьме фунговали як єден тім, шыковали сьме ся каждый до іншой страны подля своїх способностей." (Шандалова 2022, 93).

Заключінём книжки є текст *Наш охрания*, котрый ся вертать к початку, а то ід причіні „чом треба пса." Першыма знаками наповнености „осуду стражного пса" суть уж ситуації, коли Найра бреханём полошать ночны звірятка: „Привыкли сьме уж і на то, же даколи бреше серед ночі. Кедь то тырвать довго, тато выйде з батерков на двір а зіщує, котрым смером Найра зазерать. (...) Може дагде з ліса на нас зазерають і вовци. Але одколи маме на дворі Найру, не одважують ся ани приблизыти. Не знаме о них а то є добрі." (Шандалова 2022, 132).

Позиція псика в родині ся мінить. В першых днѣх была Найра к родині привязана главні на базі успокоєваня закладных потреб як кормлїня, гра-ня ся, спаня і чутя безпечности. Векшына текстів была міксом забавных трампот і рішінь даных ситуацій, но фінальний текст демонструє охранный звязок. Шандалова собі не волить драматічне стрітнутя з вовком, але просту санковачку, коли старший брат стратить з догляду молодшу сестру. В моменті, коли собі усвідомить, же дашто не є в порядку, приходить на сцену гавкот Найры: „«Гав, гав!» озвала ся знову. Выбігла з кряків, вернула ся назад. Порозуміли сьме. Кліче нас за собов. (...) Найра бігала коло нѣй а скавунячі їй облизовала тварь." (Шандалова 2022, 135).

Шандалова так поверджує справность рішїня мати пса і узаперать довгу путь учїня, вшыток інвестований час до виховы псика (і виховы родини псиком) ся вертать в подобі захраны. На концю книжки то найліпше описав розповідач: „Найра є уж рядным членом родини. Што бы сьме без нѣй робили?" (Шандалова 2022, 132), котрый сам рефлектує зміну, яков перешла ціла родина: „Ох, наша міла Найра! Даколи сьме сі ани не

знали представити, же буде в нашій родині. Змінила нам жывоты." (Шандалова 2022, 136).

Заключіня

Книжка Людмілы Шандаловой *Маме дома псика* (2022) указує, як в літературі про діти утримати рівновагу меджі зрозумітелностѣв тексту і визнамовов глукков без менторованя. Посолства не приходжають од родічів ани од автора. Природно выплывають з переживаного, з малых родинных рішінь, котры поступно зміцнюють годноты сполуодповідности. Важне є, же наставлєваны граніці vznikають родиннов догодов, ситуації не тискають приказы, але на конкретных прикладах вказують процес, котрый родина ведно переживать. Зволений дїтський розповідач є про дїтського читателя емоцні ясный і сімпатічний, зато суть нормы приїманы легко і мають довгодобый ефект. Виразным приносом тексту є і переносность поступів до родинной виховной практикы. Книжка понукать способ, як дїтѣм комунікувати одповідность, сполупрацу і емпатію без словника приказів.

ЛІТЕРАТУРА

- GENETTE, G., (1980). *Narrative Discourse: An Essay in Method*. Ithaca (NY): Cornell University Press. New York: Cornell University Press. ISBN 0-8014-9259-9.
- HUNT, P. (ed.), (2005). *Understanding Children's Literature*. 2. vyd. London; New York: Routledge, Taylor&Francis Group. ISBN 0-415-37546-0.
- NODELMAN, P., (2008). *The Hidden Adult: Defining Children's Literature*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. ISBN 978-0-8018-8979-0.
- WALL, B., (1991). *The Narrator's Voice: The Dilemma of Children's Fiction*. New York: St. Martin's Press, Inc. ISBN 0-312-04487-9.
- ШАНДАЛОВА, Л., (2013). *Подьте діти, што вам повім*. Свідник: тота аген-тура. ISBN 978-80-971504-7-1.
- ШАНДАЛОВА, Л., (2014). *Приповідка з ліса*. Свідник: тота агентура.
- ШАНДАЛОВА, Л., (2015). *Wi-фінтена принцезна*. Свідник: тота агентура. ISBN 978-80-972058-0-5.
- ШАНДАЛОВА, Л., (2016a). *Дівчатко і жебрак*. Свідник: тота агентура.
- ШАНДАЛОВА, Л., (2016b). *Червений берег*. Брно: тота агентура. ISBN 978-80-972058-1-2.
- ШАНДАЛОВА, Л., (2018a). *Ани бы сьте не вірили*. Свідник: тота агентура. ISBN 978-80-972058-4-3.
- ШАНДАЛОВА, Л., (2018b). *Чудесна лавочка*. Свідник: тота агентура. ISBN 978-80-972058-6-7.
- ШАНДАЛОВА, Л., (2018c). *Юрко а поклад*. Свідник: тота агентура. ISBN

978-80-972058-5-0.

ШАНДАЛОВА, Л., (2020). *Напю ся водічки*. Свидник: тота агентура. ISBN 978-80-972058-7-4.

ШАНДАЛОВА, Л., (2022). *Маме дома псики*. Свидник: тота агентура. ISBN 978-80-972058-8-1.

ШАНДАЛОВА, Л., (2024). *Маковы приповідки*. Свидник: тота агентура. ISBN 978-80-972058-9-8.

Mgr. Michal Pavlič, PhD.

Prešovská univerzita v Prešove

Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín

Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

ul. 17. novembra č. 1

080 01 Prešov

Slovenská republika

michal.pavlic.urjk@gmail.com

ПОГЛАВЯ ЗОЗ РУСИНСКОЙ ДИЯЛЕКТОЛОГІЇ

Зинаида БУДИНСКИ

Abstract

This paper examines the dialectal diversity of the Rusyn language in Slovakia and compares it with the standardised Rusyn in Vojvodina, Serbia. Slovakian Rusyn exhibits a variety of regional dialects shaped by East Slavic heritage and neighbouring languages, while Vojvodinian Rusyn, standardised in 1923, unifies the language without dialectal variation. The study analyses the main dialect groups, their distribution, and phonological features, highlighting how dialectal diversity and linguistic standardisation reflect distinct historical and cultural contexts of the Rusyn community.

Keywords: Rusyn language; dialectology; Carpathian Rusyns; Vojvodinian Rusyn; linguistic standardization; East Slavic dialects; Lemko.

Увод

Русински язык репрезентує окреми и рижнородни сегмент словенской язичней фамелії, зоз глібокими коренями и интересантну розвойну драгу. Язык ше бешедує у даскелїх жемох, медзи хторима Україна, Словацка, Польска, Мадярска, Румунія и, не на остатнім порядку Сербія и Горватска (у бувшей Югославії под назву язык войволянских Русинох) и самим тим ма значну диялектску особеносц. Вона похози пре комплексносц историйних міграційох, культурних уплівох и географичних субектох хтори формовали винїмни бешедни варіанти знука єдней заєднїци.

Тоти диялекти виражую богатство идентитети и пестую аутентични особеносци языка хтори ше знаю часто страциц при стандардизації языка. Їх виучованє дава лепше обаченє до структури и розвою русинского языка, а зоз тим и пестованє язичного наслідку и традиції языка.

У тей роботі будзе бешеди о основних характеристиках двох ґрупох диялектох русинского языка у Словацкей (восточни и заходни диялекти), їх класифікації, географичней розширеносци и їх поровнованє з языком войволянских Руснацох¹. Ціль роботи виражиц значносц очуваня и преучованя диялектох и указац яки розлики исную медзи двома основними ґрупами карпатских русинских (восточних и заходних) у Словацкей и хтори характеристики зоз тих двох ґрупох єднаки зоз стандардизованим руским языком у Войводини. При тим, будземе хасновац компаративну методу, а у даєдних прикладах и контрастивну методу.

¹ На основи бешеди найвекшого русинского валала Руски Керестур у Войводини, кодификовани язык войволянских (панонских) Русинох зоз ділом Гавриїла Костельніка „Граматика бачваньско-рускей бешеди“, 1923.

Зок аналізу лінгвістичних характеристик, історичного розвитку і дружтвеного контексту, поспробуємо вияснити феномен діалекатських розликосях спрам стандардизації і їх визначнось за очуванє ідентитету русинської заєднїци.

Язык карпатских Русинох представля визначну част културного и язычного идентитету Русинох, народу хтори жиє у вещей жемох стредней и восточней Европи. Медзи найзначнейшими центрами карпатского русинского языка нешка то Словацка держава (ей сиверовосточна част), и войводянского русинского языка у Сербїи - (покраїна Войводини), дзе тоти языки маю и официални статус меншинского языка.

У Сербії ще руски язык хаснує у стандардизованей форми, але у Словацкей интересантни аспект инованя виражених диалекатских розликох у русинским языку. Тота дистинкція пошлїдка рижних историйних, соціолінгвистичних и культурних факторох. Карпатски Русини восточнославянски народ и їх походженє ше вяже за ареал Карпатох, а то нешкайша заходна Україна, юговосточна Польска, сиверновосточна Словацка и сивернозаходна Румунія. Миграції хтори ше одвивали у 18. и 19. вику формовали визначни русински заєдници и звонка того простору, окреме у Войводини, у нешкайшей Републики Сербії. У Словацкей Руснаци виками зачували свой язык, традицію и обичаї, але источасно були под уплївом других славянских языкох, окреме словацкого и українского, у єдней часци и польского. Русински язык у Словацкей ше по нешка хаснує у даскелїх регіоналних диалектох, хтори ше розликує по фонетских, лексичних и граматичних прикметох.

Стандардизация русинского языка у Словацкей почала у другой половки 20. века и по нєшка тоти диялекти маю моцни уплїв на каждодньове хаснованє языка. З другого боку, у Войводини ше русински язык розвивал у окремих условийох. Руснаци на тот простор насельовани орґанізовано у рамикох Хабзбуршкєй монархії (стредок 18. века), перше до Руского Керестура, Коцура и околїса Вербаса. Прето же то була вельо менша територія од гевтей зоз хторей пришли, пре компактну заєднїцу, але и пре запровадзованє школох и видавательства, руски язык у Войводини стандардизовани ище у 20. віку, т.є. зоз виходзеньом *Граматики бачваньско-рускей бешеди* у Сримских Карловцох 1923. року од автора, теолоґа, педагоґа, поети и филозоґа **Гавриїла Костельніка**. Граматика написана на основі бешеди тедишнього найвекшого русинского валала Руского Керестура². Зоз тоту стандардизацию запровадзена норма хтора

2 Тот диалект принесли зоз собу, ведно з грекокатоліцку виру, приселени жителє зоз облаци Земплина у тедейшій Австро-Угорської держави. Лингвистиня Юлія Дудашова-Кришчакова (на основі тих фактох, але насамперед на основі лингвистичних прикметох пришедшого диалекту, констатує же: „...войводињска (паноньска) русинчіна належить до западославянської языкової групи, бо має виштыкы знакы виходословацькых (конкретніше южноземплінськых) діалектѣх, котры поступно на себе набрали якы українського і сербського походжіня”. (Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia, s. 133).

ше применює у образованю, медийох, адміністрації і літератури. Так же русински, т.є. руски, як ше менує на тим просторі у Войводини, настал як язик без виражених діалектох, свідомо формовани як вяза знука малей і язично хомогеней заєдніці.

Зоз тоту роботу укажеме хтори рижни диалекти русинского языка исную у Словацкей и яка розлика помедзи русинского языка прешовского регіона и руского языка у Войводини. Тиж ше огляднеме и на уплїв других языкох, хтори ше находза у околїску, т.е. стредку дзе Русини жию ведно зоз другима народами, як у Словацкей так и у Сербії. Укажеме диалектово розлики у Словацкей зоз конкретнима прикладами и приклади руского языка у Войводини без диалектох и причини прецо их нет.

Зоз наукових виглєдованьох даєдних сучасних диялектологох и социолінгвистох

Соціолінгвістична Анна Плішкова, у своїй публікації *Language and National Identity: Rusyns South of Carpathians* (2009), др А. Плішкова (бок 10) указувала на консенсус мідзи лінгвістами у погляді класифікації русинських бешедох як діалектох восточнославянської язичної групи, а хтора, за ж, у велькій мири лексично випольнета елементами язикох зох околїска (польски, словацки, мадярски, румунски у меншій мири). У прешлох даєдни лінгвісти були становиски же русинський язик припадає українському, а другі твердили же є часок „заєдніцької рускої“ групи, т.є. російського язика. Авторка источашнє визначує и иснованє науковей контровези зох тима діалектами у погляді питання їх статусного и системского одношеня гү другима славянськими язиками як и дилему чи тоті діалекти маю достаточнє функціонално-прагматични и символічни потенціал за кодифікацію окремих літерарно-язичних норм.

У своїм капітальним ділі *Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia* (2015, 2022, доповнене видане)/Розвой русинского языка и диалектология (2015, 2022), Ю. Дудашова-Кришшакова у трецим поглавію **Диялектология** пише же Войвовдянски (панонски) русински зоз генетичного становиска: „.... patří do západoslovanskej jazykovej skupiny, lebo má všetky znaky východoslovenských (južnozemplínskych) nářečí, na ktoré sa v priebehu vývinu navrstvili jazyky ukrajinského a srbského pôvodu.“ (*Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia* (2015, бок 133)). Зоз тим авторка ясно указує же класификация ше не фундаментує на географичними лебо културними критериюми, але насампредз на лингвистичним особеносцями принешеного диялекту – конкретно восточнословацкого, точнейше южно-земплинского типу – зоз додатним пасмом українського и сербського походження. Ю. Ванько у своєї публікації, *Jazyk slovenských Rusínov/The Language of Slovakia's Rusyns. Jazyk slovenských Rusínov*. New York 2000, визначує же: „.... analýza syntaktickej štruktúry jednotlivých nářečí môže prispieť aj k precíznejšej kla-

sifikácii skúmaných jazykov a zároveň odhalit' interferenciu a vzájomné vplyvy kontaktujúcich jazykov ..." (Ванько, бок 70).

Лингвисткиня Анна Плішкова у своїй роботі *Language and National Identity: Rusyns South of Carpathians* (2009, бок 10) – "All linguists agree that the Rusyns who live on both sides of the Carpathians speak a series of dialects, which according to their phonetic, morphological, and lexical items belong to the East Slavic language family. They also agree that the Carpatho-Rusyn dialects differ from other East Slavic languages by virtue of the high number of words borrowed from neighboring Polish, Slovak, Hungarian, and to a lesser extent Romanian languages."³

Русински язык у Войводины

Язык хтори нешка бешедую Русини у Войводины, и хтори го наволюу руски, а не русински язык, ше розвивал на території дзе ше сходза и заходнокарпатски и восточнокарпатски язики та ма характеристики и єдного и другого.

Спрам писаня Михайла Фейси, руски язык указує вещей заєдніцки характеристики зоз язиками **заходнославянскей язичней заєдніци** (ЗСЯЗ) як зоз заєдніцкими характеристиками язиками восточнославянскей язичней заєдніци (ВСЯЗ). Найвираженши подобносци зоз **восточними бешедями словацкого языка**, покля ше можу обачиц и даєдни заєдніцки прикмети зоз южнославянскими язиками. Тоти одношеня автор представя и графично (Фейса 2006а: 233; 2006б; 2006в).

Писмо зоз хторим ше служи руски язык фундаментоване на кирилки и ма 32 слова. Углавним, кадж глас ма свой особни знак, але исную и комбиновани знаки як цо то **-дж-** и **-дз-**, хтори означаваю зляти гласи (нпр. *диждж, дзивка*). Вони ше рахую до азбуки, гоч ше у словніку находза под букву **-д-**. Тиж так иснує и знак **-ь-**, хтори означає мєжки консонанти, але сам за себе не станує окремини глас и не уходзи у состав азбуки. На приклад, у словах *гольт* и *паткань*, тот знак змєгчує консонанти **-л-** и **-н-**. Окреме интересантни и глас **-й-**, хтори ма особну букву (напр. *найлепши, російски*), але ше зявює и на початку слова пред вокалами або споза консонантох б, п, в, ф, м, р – як у прикладах *яр, яблуко, дьобре, пирє...* За приклади зоз **-й-** опрез вокалох у руским языку маме два на *ї*, то *їж* (и варіяції - *їжик, їчок, їжиц* ше) и *їх*. Комбинації зоз **-йо-** и **-йі-** (*і*) – характеристични насампредз за карпатски и лемковски варіанти, але су не продуктивни у войводянскей норми.

3 «Шицки лингвісти ше складаю же Русини хтори жию зоз обидвох бокох Карпатох бешедую цали ряд диалектох хтори, спрам своїх фонетичних, морфологічних и лексичних характеристик, спадаю до восточнославянскей язичней фамелії. Тиж так, складаю ше же ше карпатски русински диалекти розликую од других восточнославянских языкох на основі велького числа позичених слів зоз сушєдного польского, словацкого, мадярского и у меншей мири румунского языка».

Мєдзи заходнославянскими язичними зявєнями можу ше видзєлїц слїдуюци. Праславянска група **tort* прєшла до форми **trat* у южнославянских языкох, як и у чєским, словацким и войводянским/панонским руским, у чаше кєд ше фомовали три найвираженши славянски групи, напр. **borda* > брада; **korva* > крава (Рамач 2002: 512). Консонантска група **dl* ше зачувала виключно у заходнославянских языкох и у войводянским/панонским руским языку, як цо указую приклади **kridlo* > кридло; **vidla* > видли (исте: 523). Консонанти **d* и **t*, у позиційох опрез вокалох преднього шора, палатализовали ше до **dz* и **ц* (напр. **roditi* > родзиц; **kotiti* > коциц) (исте: 518).

Вячеслав Чарский конструовал оригинални контактологічни метод за виучованє идиома неопредзєного або мишаного походзєня у дотику зоз зродними язиками и диалектами истей групи. У своїй монографії *Руски язык Сєрбиї и Горватскєй: лингвогенетични аспект* (Чарский, 2011), вон заклєчєл же руски язык у Сєрбиї у блїскєй вязи винїмно зоз даєдним з восточнословацких бешєдох Шариша и Земплина, окреме зоз бешєдами околїска Требишова. Визначує щлїдуюци повязуюци характеристики: рефлєкси праславянского **ъ*, закончєнє гєнитива шицких мєновнікох -ох, закончєня -о и -у у дативу и локативу мєновнікох хлопского и стрєднього роду, закончєнє -м формох першєй особи єднини прєзєнта, як и закончєнє -о у номинативу множини присвойних прикметнікох.

Вкупно 8 характеристики повязую руски язык винїмно зоз восточнословацкими бешєдами околїска Требишова. Мєдзи нїма наиходзимє, наприклад: рефлєкси праславянских вокалох **o* > о и **e* > е, і, а, о, у; прємєнка *s* > *š* и *z* > *ž*; як и закончєня инфинитива на -чиц итд. Источасно, 2 други характеристики указую на вязу зоз шарішскими бешєдами прєшовского рєгиону: то форми помочного дїєслова **буц** и формованє дїєсловного прикметніка роботного.

Михайло Фейса анализовал варіанти мєдзи, так волану, коцурску и керестурску бешєду, и при тим дошол до заклєчєня, же, за Дюру Биндаса и Гавриїла Надя, рика Ондава оправдано представя бешєдну карпатску гранїцу. Коцуризмї найдзєни на території заходно од Ондави, мєдзи Ондаву и Попрадом (Фейса 1997: 159). Розлика мєдзи тима двома бешєдами ше видзи у даєдних словах, насампредз, у фонетичнєй сфєри, даскєлї у морфології, словотворносци и лексики. Присєльованє Руснацох зоз старого краю, зоз вещей мєстох, значєло и же бешєди мали и мєнши диалектни розлики хтори ше зоз часом страцєли.

У фонетичнєй обласци, наприклад

- керестурски: *кричац, бєчац, бєжац,*
- коцурски: *кричиц, бєчиц, бєжиц.*

Тота розлика ше рефлєксує зоз праславянских **ч, ж, ш** опрез яту – у керестурскєй бешєди прєшло до **а**, у коцурскєй до **и**.

У множини перфекта: керестурски - *були, робели*, а коцурски - *булі, робелі*.

У морфології, маме розлику, наприклад, у роду слова **миш**: у керестурским є женского роду (*миша*), а у коцурским хлопского роду (*миш*).

Словотворни розлики: керестурски – *ковач*, коцурски – *коваль*, керестурски – *оглавок*, коцоцурски – *приглавок*.

Карпатски русински диялекти

На основі лингвістичних, екстралингвістичних і соціолінгвістичних прикмет, можу ще поділити до двох груп (Vaňko, 2004):

1. Заходні – ту спадаю лемковські диялекти, і сиверні і южні;
2. Восточні – ту спадаю закарпатські, централі закарпатські і сиверно закарпатські (бойковські).

Головна ізоглоса, т. є. задумана лінія по хтору ще на даєдній території ширіазики, при видзельованню диялектох, то місце дзе стоїацент.

Акценти

При заходних - **лемковських** диялектох ацент стални, не варира знука парадигми, але є фиксовани на предостатнім складу слова. Тоти характеристики у велькей мири здогадую на **польські** азики а тиж і на даяки форми восточней Словацкей. Лингвістичня К. Копорова указує на факт же би точнейше було гуториц о упліву **восточнословацких диялектох**, на характеристики тих особеносцох (зоз винїмком виходнословацких соцацких диялектох, дзе ацент пременліви). При восточней групі русинських диялектох ацент шлебодни (пременліви і порушаючи), подобно як при восточней групі славянських азикиох.

У руским азику/русинским азику у Войводини, ацент фиксовани на предостатнім складу слова (як у восточнословацких диялектох).

Граніца помедзи заходней і восточней групі – рика Лаборец.

Помедзи рикох Лаборец і Ціроха находзи ще переходна зона диялектох стреднекарпатско-лемковського типу, хтора зєдинює окремосци заходних (лемковських) і восточних (стреднекарпатських) бешедох. На ширшей території (кед береме до уваги і закарпатску Україну) преовладую закарпатські диялекти (спрам Dzendzelivskomu /1958 - 1960, 1981/: марамоски, божавски, верховински і ужански), у хторих ще преплетают лемковски і бойковски елементи. У Словацкей З. Гануделєва (1993), на основі кваліфікації Геровського (1934), видвоєла шейсц русинські диялекти: снинські, лаборські, маковські, шарискі, сиверно-спишські і южно-спишські, і так зоту класифікацію прецизовала пасмо коло Снини і Медзилаборцох.

При восточнокарпатських диялектох видвають ще бойковська, гуцулско-покуцка і надсянська бешед, хтора указує числени подобносци зоз заходнокарпатськими (лемковськими), бойковськими і наднєстровськими ди-

ялектами. Вєкшина лемковських диялектох роширених у Словацкей (на сивєру – округ Прешов, Стара Любовня, Свидник, Бардейов, часц Медзилаборце, Спишска Нова Вес і Вранов) і у Польскей, а восточнорусинські диялекти ще звичайно бешедую у Словацкей (на восток – округ Снина, Гуменне, Медзилаборце, Вранов, Михаловци і у Закарпатськей Україні).

Головні характеристики карпатських русинських диялектох

По тєраз, вєкшина виглєдованя карпатських русинських диялектох указує на їх генетичну основу у восточнославянськей, а окреме у українськей азиичней основі. Азиичні звяня хтори заєднічки русинским диялектами насампредз облапая:

- так воланє, **полногласє**, т.є. пємєнка праславянських групох - *tort, tolt, tert, telt до *torot, tolot, teret, telet - *korova, vorona, holova, moloko, bereh, vereteno, čelenkŷ* (*корова, ворона, голова, молоко, берег, веретєно, чєленкы*).

- У руским (войводинським русинским) азику⁴ тоти групи *tort, *tolt, *tert, *telt прєшли до *tra, tlat, teret, tlet - (*крава, врана, глава, млєко, брег, врєценко*, алє: *чєрєво, чєрєн*).

- прємєнка праславянських *tj (kt), *dj до **ч, дж**, або **ж** - *svička, sviču, medža, pr'adža, chodžu, sydžu* (*свїчка, свїчу, меджа, пряджа, ходжу, сиджу*) лєбо *meža, choži syži* (*мєжа, хожу, сижу*) у дакедишніх Мараморешких, Ужських і Берєжських жупох, і восточно од рики Латорица).

- Групи *tj (kt), dj у руским (войводинським русинским) азику дали **дз** і **ц**, на приклад: *raditi – родзиц, saditi – садзиц, днь – дзєнь, viděti – видзиц; kostь – коцу, хътěti – сцєц, pečать – пєчац, těsto – цєсто, тырпěti – цєрпиц* і др.

Мєжки консонати **д'и** і **т'** хтори не прєшли до **дз** і **ц**, зачувани лєм у даєдних народних словох: *дїдо* (а не *дзидо*), *звїтяжиц* (а не *звїцажиц*), *рєтяз* / часц у друкарськей роботі/ (а не *рєцаз*).

Други слова у обидвох лексичних пасмох, карпатським і новим, пожичєні зоз малярського (*удян, контя, фатьол*), восточнославянських азикиох (*господь, Дїва, дябол, тїло*), зоз сєрбського мамє у новим лексичним пасму пожички зоз **ђ, ѣ** вигваряю ще зоз **д', т'** – *ладя, дутян, дьбєре* (у смислу гандруючого слова) *водя, дєрма*.

Праславянське **medja** у руским азику **меджа**, зоз **дж** а не **дз**, а при словник **медзи** ма і застарєли дублет зоз **дж** – **меджи**.

Форми *швїчка* і *онучка* (платно мєсто ботошох) ще витворєли од форми зоз **ц** – *швїца, онуца*, так як цо *палїца, полїца* вивєдзєна зоз *палїчка, полїчка*.

4 Як цо було уж горє спомнутє, то азики кодофіковани на основі бєшєди валала Руски Керестур.

Слово **тисяч** походить зов восточнославянських мов, а форма у руському (війводинському русинському) би була зов **ц** и змеччаним **с** до **ш** – **тишац**. У беседнім мові хаснує ще мадяризмом *езер*. (Рамач, Ю. (2002). Граматика руського мови, бок 518-522).

Найхарактеристичніший глас у карпатській русинській беседі то вокал **Ы** (*ŷ*) хтори походить зов рижних праславянських вокалах, та так ма рефлексії: праслав. **У** дало - *my, vy, syn* (*мы, вы, сын*); рефлекс **Ъ** и **Ь** у групах **ѣѣ/ѣѣ** и **ѣѣ/ѣѣ** дало - *dobryj, velykŷj, starŷj* (*добрий, великий, старий*); рефлекс **Ъ** у префіксами *въ-, зъ-, объ-, одъ-* дало - *vŷšov, zŷšov, obŷšov, odŷšov* (*вышов, зышов, обышов, одышов*); рефлекс **Ъ** и **Ь** у групах *trŷt, tlŷt, trŷt, tlŷt; trŷt, tlŷt, trŷt, tlŷt* дало - *dryva, slŷza, blŷcha, chŷrbet, okŷrŷŷna* (*дрыва, слыза, блыха, хырбет, окрышына*) витворени зов праслав. у прасл. веларох: - *rukŷ, nohŷ, chŷŷa* (*руки, ноги, хыжа*); и на концу рефлекс **І** после *ŷ* и *ŷ*: - *ŷŷty, ŷŷty, ŷŷrokyj* (*жыты, шыты, шырокий*).

- У руському мові тоти гласи *ŷ* (-ы- /єри) мало єден рефлекс а то етимологічне **І** (**И**), як у словацькому, чеському и южнославянських мов; нешка ще вигваря як **И**, а консонанти *д, т, з, с, л, н* ще не змеччовали опрез єри, прето же кед ще одвивала тота фонолошка пременка, у нашим мові ще ище вше єри вигваряло та так тоти консонанти остали незмеччани, на приклад: *дим – дымъ, владыка – vladŷka, мотиль – motylŷ, язык – jŷzykŷ, син – synŷ, лиси – lysŷ*; (Рамач, Ю., 2002. Граматика руського мови, бок 508).

Заклучене

Русинський мов представляє комплексне и рижнородне мовне з'явлення у славянському мовному просторі, зов окремим діалектальним багатством у Словацькій и стандартизованім, діалектальним виєдначенім облику у Войводині. Діалекти восточней Словацькій виражую длогу історичну пов'язаність зов українським мовним простором, але и моцни вплив західнославянських и неславянських мов, окреме словацького.

Противно тому, стандартний руський мов у Войводині свідомно кодифікований на основі єдній беседи, без уключовання діалектальних варіантів, зов хторим ще посцигує мовну хомогеність у меншій, компактній заєдності. Виучованє тих розликів значне не лем пре лінгвістику, але и пре очуванє культурного и національного ідентитету Русинів у рижних державах.

Професор Фейса ма становиско же неіснванє діалектів у руському мові виключує нелінгвістичні фактори и унапрямує нормативну и другу лінгвістичну діяльність на Карпатський ареал, а не на Наддніпровський регіон. Таке становиско руського мов трима як природний феномен, діяльно потвєдзєним и ідентифікабельним. Карпатський ареал представляє неви-

черпне лексичне и орфографічне джерело.

Случай руського мов хтори у урядовім хаснованю даскельо децениї, як у покраїнських органах так и на території шейсдох општинів у Войводині у хторих Руснаці живі у значнім числє, приклад за визначованє пред веліма розвистими європейськими дружтвами и державами (Фейса, М. (2006а).

ЛИТЕРАТУРА

DUDÁŠOVÁ-KRIŠŠÁKOVÁ, J. (2022). *Vývin rusínskeho jazyka a dialektológia*. Vysokoškolská učebnica. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity 2022. Druhé, opravené vydanie. ISBN 978-80-555-3001-7.

ПЛІШКОВА, А. - ЯБУР, В. – КОПОРОВА, К. і кол. (2019). *Правила русинського правопису з орфографічним і граматичним словником*. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, ISBN 978-80-555-2323-1.

ПЛІШКОВА, А. – ЯБУР, В. – КОПОРОВА, К. (2019). Зрод і розвой русинського мови. In: *Русинський мов. Комплексний опис мовної системи в контексті кодифікації*. Монографія. Prešov: Vydavateľstvo Prešovskej univerzity, 17-26 бок, ISBN – 978-80-555-2243-2.

ПЛІШКОВА, А. (2009). *Language and National Identity: Rusyns South of Carpathians*. East European monographs. Distributed by Columbia University Press, New York, 2009, No. DCCXLVIII, ISBN 978-0-88033-646-8, Library of Congress Control Number 2008942488.

VAŇKO, J. (2000). *The Language of Slovakia's Rusyns/Jazyk slovenských Rusínov*. New York.

РАМАЧ, Ю. (2002). *Граматика руського мови*. Завод за уцбєникє и наставна средства Бєоград, 526-587 бок.

РАМАЧ, Ю. (1983). *Руська лексика*. Нови Сад: Универзитет у Новім Садзе, Філозофський

факультет, Інститут за педагогію, Катедра за руський мов и літературу.

ФЕЙСА, М. (2017). *Правописний словник руського мови*. Філозофський факультет Нови Сад.

ФЕЙСА, М. (2006а). Характеристики руського мови. У: М. Фейса гл. ред. *Русини/Руснаці/ Ruthenians (1745-2005), 1. Том*. Нови Сад: Філозофський факультет – Одсек за русиністику, ИК Прометей, КПД ДОК, 225-234 бок.

ФЕЙСА, М. (2006). Основні характеристики руського мови у порівнаню зов другим славянськими мовами. У: А. Кюннап, В. Лефельдт, С. Н. Кузнецов ред. *Славянські літературні микроязики и мовні контакти, Сборник в честь ординарного професора Александра Дмитриевича Дуличенко*. Тарту: Тартуский университет Кафедра славянської філології и Шведська Корольова Академія літератури, історії и древностей, 90-100 бок.

ФЕЙСА, М. (2006в). Основни характеристики руского языка у поровнаню зоз другима славянскими языками. У: *Studia Ruthenica 11*, с. 169-179 бок.

<https://www.rusynacademy.sk/index.html>

ЧАРСКИЙ, В. В. (2011). *Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов: лингвогенетический аспект*, Монография. – МО, Щелково: Издатель Мархотин П. Ю.

Mgr. Zinaida Budinski

Prešovská univerzita v Prešove

Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín

Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

17. novembra č.15

080 01 Prešov

Slovenská republika

zinaida.budinski@gmail.com

Studium Carpatho-Ruthenorum 2025 **Štúdie z karpatorusinistiky 17.**

Zostavovateľka a zodpovedná redaktorka: PhDr. Kvetoslava Koporová, PhD., univ. doc.

Vydavateľ: Prešovská univerzita v Prešove

– Centrum jazykov a kultúr národnostných menšín, Ústav rusínskeho jazyka a kultúry

Prvé vydanie, 2025

Počet strán: 116

Tlač:

ISBN 978-80-555-3606-4

